

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Роман

От автора

Восьмидесятый год двадцатого века. События представлены с точки зрения человека, находящегося именно в этом времени.

Стихи, своего рода эпитафии к главам, принадлежат подростку лет пятнадцати конца 70-х годов прошлого века и никакого самостоятельного значения не имеют.

Почти все действующие лица дожили до сегодняшнего дня.

Практически все забыли о существовании друг друга.

Все расплатились полностью. Некоторые об этом знают.

2009 год

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ОТЧЕТ

Забыл с вечера поставить телефон рядом, и теперь пришлось вскакивать. Бежать в коридор, спотыкаясь о туфли Тамары и ничего со сна не соображая.

— Здравствуй, сынок, я тебя не разбудила?

— Разбудила.

— Но ведь десятый час, тебе не пора?

— Наверное.

— Вот, видишь, хорошо, что я позвонила.

Тем более, у тебя сегодня такой день, мне вчера Тamarочка звонила, мы тут посоветовались...

— Какой день... мамуля... я босиком на полу стою, у меня ноги замерзли.

— Ну, хорошо, хорошо, только ты вечером позвони, и вообще...

— Я вечером позвоню.

Пришлось идти умываться. Борисов долго размазывал по лицу теплую воду, прислушиваясь к шипению с кухни давно закипевшего чайника, и, в конце концов, решил побриться. Потом еще заставил себя проглотить стакан кипятка и выбрался из дома. Моросило что-то вредное — с зонтом смешно, а без зонта мерзко.

В вестибюле конторы тепло, светло, тихо и безлюдно. Только гардеробщик, злой, неприятный тип, копошился в своем углу, как еж в ворохе газет. Откуда-то сверху доносилось деловитое потрескивание — то ли прибор какой настраивали, то ли опять лампа дневного света сломалась. Борисов направился сразу в кабинет зама, по пути, даже не замедлив шага, свернул к курилке и с наслаждением опустил на низенькую банкетку потертого красного плюша. Пока раздумывал, осилит ли уже сигарету или не стоит, из-за угла появилась Тамара с театральной бесшумностью.

— Ты что, караулила меня, любимая?

— Ждала. Думала, проспишь, хотела уже звонить.

— Мать позвонила. Кстати, что ты ей вчера наплела, о чем это вы советовались?

— Хотя бы с утра не хамил. Совсем комплекс вины отсутствует. Ничего я не наплела, просто обрисовала ситуацию. Может, хоть ее мнение для тебя что-то значит.

— Значит. Только я не успел его выслушать. Очень холодно было. А ты бы, счастье мое, пылу-то поубавила, у меня уже итак руки трясутся.

— Это ясно. Никому для здоровья не полезно приходить домой в четыре утра. Свиридов о тебе два раза спрашивал.

— Ты себя побереги. От забот губы криво накрасила. Да шучу, ровно все, только, правда, не суетись. Сказал, все будет нормально.

— Знаю я твою норму. Были уже случаи.

— Вот именно потому, что были, больше не будут. Пошел я. Успокойся, бога рада.

И пошел к замку. Секретарша тепло улыбнулась и сразу кинулась докладывать. Свиридов встретил посреди кабинета и мягко за локоть повлек в угол, к двум низким креслам.

— Что так бледны, Андрей Евгеньевич, чувствуете себя неважно? Погода сегодня, прямо скажем...

— Да нет, Виктор Леонидович, видно, волнуясь просто, ведь сами понимаете, не каждый день...

— Конечно, конечно, и естественно даже, и мы вместе с вами... столько лет... и сложности, но я лично всегда... хотя теперь-то, Андрей Евгеньевич, ведь все уже решено.

— И Храпченко подписал?

— Ну, это совсем пустая формальность. Вы-то знаете отношение Дмитрия Антоновича. Как он к вам... даже смешно думать... Дмитрий Антонович сегодня с самого утра попросил документы к себе. К вечеру непременно подпишет. Он тянуть не будет... он понимает... Можете прямо сейчас билет заказывать, я и Тамаре Александровне сказал... У вас как сегодня день?

— Да, по чести сказать, забит до предела, не до билета особенно.

— Ну, это мы в конце концов сами устроим, значения не придавайте. А хоть к трем на Совет успеете?

— Даже не знаю, как получится, Виктор Леонидович...

— Было бы, конечно, отлично... ваше участие всегда придает заседаниям... но все

понимают... ваша занятость... зримые плоды вашей деятельности...

— А что, кстати, сегодня на повестке?

— Ничего, собственно, принципиального. В основном вопрос Боголюбского, да и тот практически решен к общему согласию.

— Даже к общему?

— Ну, конечно, Андрей Евгеньевич, ведь по сути — Боголюбский думающий специалист, с очень неплохими перспективами, и не упрямец совсем. Ну, а в этом случае... С кем не бывает. Да и к тому же он не в курсе был, что сам Дмитрий Антонович эти процессы анализировал и пришел к нужным выводам... Знаете, эта наша узкая специализация... замыкаемся... недостаток общения, а отсюда и информации...

— Так я посмотрю, Виктор Леонидович, как у меня со временем будет?

— Конечно, конечно, Андрей Евгеньевич, все понятно. А то приходите. И Дмитрий Антонович будет рад. Наверняка, будет, для него всегда ваше мнение... К тому же он по Боголюбскому основной докладчик. Потому, видимо, и не подписал еще ваши документы, что к заседанию готовится. А по окончании сразу и

подпишет. Так что я с вами не прощаюсь, Андрей Евгеньевич. Еще раз примите самые искренние...

При выходе Борисов понял, что для первой сигареты он созрел полностью. В курилке уже был народ, стоял ровный гул и почему-то шелест, хотя бумаг ни у кого в руках видно не было. На Борисова поглядывали, но несколько исподтишка, и сразу старались сделать безучастную физиономию. Курил один молодняк, никого из круга и ранга даже близкого Борисову, потому удалось выкурить сигарету без приветствий и общения. Потом отчаянно захотелось пить.

В буфете взял единственную жидкость — два стакана компота вялого цвета и неопределенной температуры. Первый Борисов выпил залпом, прямо у стойки, второй взял за столик. К стулу напротив подошел Боголюбский и попросил разрешения присесть.

— Какие церемонии, коллега, прошу вас.

— Андрей Евгеньевич, я, честно говоря, хотел бы поговорить с вами. Может быть, здесь неудобно? Или вы сейчас заняты?

— Совершенно свободен. И внимательно вас слушаю.

— Дело в том, что сегодня Совет, и будет решаться мой вопрос...

— Да, мне уже говорил Свиридов.

— Ну, вот и хорошо, значит, вы уже в курсе, что дело решили потихоньку замять.

— И вы на это согласились?

— Сейчас выхода нет. Они меня попросту сжуют. Если бы еще не Храпченко... А тут вышло, что я и ему дорогу перебежал. Так что шансов ноль. Придется виниться. За это меня оставят в покое, дадут продолжать работу. Выгода обоюдная.

— Да. Наверное. Вы правы, конечно, выгода. Только я-то тут при чем?

— Понимаете, Андрей Евгеньевич, ваше мнение... ваш вес в Совете... я понимаю, что с моей стороны это бестактно...

— Не мямлите, дорогой, я полностью в вашем распоряжении. Только что от меня зависит, если вы сами обо всем так прекрасно договорились? Да и область моя, знаете, с вашей почти не соприкасается.

— Но ваши ранние работы, Андрей Евгеньевич... Я ведь с них начинал, там, помните, выводы несколько сходные... Зная вашу принци-

пиальность... Но сейчас их бы не дразнить... Они ведь все понимают, просто момент...

— Успокойтесь вы, дорогой, не собираюсь я никого дразнить, и выводов никаких таких не припоминаю. К тому же меня сегодня попросту на Совете не будет. Дела, к сожалению. Промежуточный отчет перед заказчиком, сдача темы. Так что никак не успеваю, вы извините...

— Это вы меня, Андрей Евгеньевич... я понимаю, что не совсем... но за последние дни столько... да и к тому же...

Боголюбский раскланялся и пошел к двери. Начал он быстро, но с каждым шагом походка его становилась медленнее, как будто между ним и Борисовым была резинка, которая натягивалась все туже. В дверях он почти остановился, но тут резинка, видимо, лопнула, и Боголюбский мгновенно исчез в дверном проеме. Произошло это как-то нелепо, по-оперному почти, настолько не соответствуя стилю конторы, что Борисов чуть не улыбнулся. Потом допил второй стакан компота.

Отчет сегодня, действительно, был промежуточный, сдавали только первую тему. И присутствие самого Борисова не считалось обяза-

тельным. Но, с другой стороны, уже за эту тему заказчик в случае приемки выкладывал больше миллиона рублей и наверняка собирался придираться до последнего. Тут слово Борисова могло оказаться бесполезным. И еще один нюанс. На приемку должен был прилететь Анатолий Кузьминский, человек, которого Борисов любил и встрече с которым радовался заранее. Фирма Кузьминского к заказчику имела отношение довольно опосредованное, и потому оказалось не просто выбить командировку, по которой попросту соскучился не меньше, чем по старым друзьям. Конечно, Борисов мог дожидаться Анатолия дома, уж тот позвонил бы сразу, как освободится, но Андрей Евгеньевич не знал, насколько Кузьминскому удалось вырваться, да и ускорить встречу на несколько часов приятно.

Борисов опоздал минут на десять, руководитель группы, ведущей тему, медлительный парень с тяжелой копной черных волос, уже начал читать экспертное заключение по разработкам. Он на мгновение приостановился, вопросительно взглянув на шефа, но Борисов стал делать руками знаки, чтобы не обращали

внимания, под приветственные кивки и улыбки протиснулся в угол к Кузьминскому, который предусмотрительно занял второй стул. Пару минут они старательно делали вид, что ловят каждое слово докладчика, потом Кузьминский наклонился к Борису.

— Ну, Андрей, примите наши поздравления. Звонил тебе сегодня в контору, не застал, но была Тамара, она мне все поведала. Неужели ты их все-таки дождал? Прямо не верится. Им теперь только вешаться от злости.

— Вот еще. Прекрасно себя чувствуют. Улыбаются и искренне за меня рады. Не все так просто.

— Но это уже точно, срыва быть не может?

— Точно, точно, какие тут срывы... Меня на ручках прямо в рай вносят, как Баба-яга Иванушку-дурачка в печку на лопате. Только боятся, чтоб я ножками сам в последний момент не уперся.

— Ну и отлично. Мы это дело с тобой сегодня отметим. Я Тамару предупредил, чтобы рано не ждала. Загуляем. У меня тут кое-какие старые связи еще остались. А что она мне нача-

ла говорить про какую-то историю, там парень с церковной фамилией... Да я толком ничего не понял.

— Боголюбский. Нет никакой истории. Это женушка перестраховочкой занимается. Просто мальчик не без способностей выяснил кое-какие фактики.

— Что-то не нравится мне у тебя обилие уменьшительных. Тебе что до всего этого?

— Ничего абсолютно. Тем более, мальчик оказался не лыком шит и так ловко вывернулся, что все остались довольны до крайности. Сегодня скромненько покается в своих ошибках, и ему перестанут морочить голову. А через десять лет эти его ошибки войдут в учебники.

— Ну, а ты что волнуешься?

— Наоборот, успокаиваюсь в радости, что пошли такие умные и находчивые мальчики. Свое дело сделает в пять раз быстрее, чем я, да еще не испортив никому настроения.

— Вот и отлично. Теперь давай-ка, помоги докладчику закруглиться, а то стынет все.

— Ты что, заказал уже?

— Нет еще, но где-нибудь точно стынет. Давай, давай.

Борисов сделал крайне сосредоточенное лицо, пару раз удовлетворенно хмыкнул в нужных местах, и как только руководитель группы начал терять темп выступления, быстро взял дело в свои руки. Дела, собственно, уже никакого не было. То есть оно давно и успешно завершилось. Но заказчик имел с конторой отношения впервые, и людям, всю жизнь мерявшим результаты тоннами и километрами, все-таки несколько странно и дико платить миллион за нечто, не имеющие ни веса, ни длины. Их нужно понять, этих опасливых людей, уже успевших обжечься на красивых терминах и, вопреки собственному почтению к науке, вынужденных не доверять слепо ученым степеням в делах, за которые они отвечали всем, чем могли.

Борисов их понимал. Понимал, что не надо им больше цифр, что не надо убеждать и объяснять. А просто успокоить. По-человечески успокоить, что нет тут обмана, что интерес общий и вместе работать еще много лет, а потому данный миллион — это чепуха, пройденный этап, много их еще будет — в общем, давайте продолжать.

Борисов это умел. Борисову верили больше, чем лобастому парню, хотя тот и сделал две трети работы. Но сегодня момент не столько рабочий, сколько торжественный. И кончился хорошо.

...Они сидели за очень удобным угловым столиком на двоих, вкусно и много ели, пили. После первой же рюмки под ломтик кеты с лимоном и глоток апельсинового сока Борисов полностью пришел в себя, от утренней слабости и муторности не осталось и следа. Даже мелькнула мысль, что здоровье еще, слава богу, что ничего, что можно еще...

Попросту трепались, и было очень здорово. Только под самый конец вечера, когда Кузьминский вышел кому-то позвонить, Борисов, отяжелев и чуть прикрыв глаза, вспомнил Елену, вчерашнюю ночь и вырвавшийся у так старательно корректно державшейся женщины совсем площадной крик, дикий, непонятно откуда взявшийся, когда она требовала посадить ее в такси на почти утренней улице пустого города. А он, Борисов, уже ничего не хотел от нее, но почему-то не мог этого объяснить.

Кузьминский в гости ехать отказался наотрез, сказав, что вырвался в столицу не за тем, чтобы коротать ночи в чужом семейном уюте. Борисов проводил его до «России» и взял машину.

Тамара еще не спала. Посреди комнаты на стульях стояли два распахнутых чемодана и лежали кучи всяческих вещей. Борисов вяло опустился на тахту и старательно зевнул.

— Ты что, спать не собираешься, милая?

— Подожди, выспишься еще. Завтра в самолете. Пока вы там с Толей вспоминали ратные подвиги, я три часа твои рубашки наглаживала. Значит так. Документы Храпченко подписал сразу же после Совета, и Свиридов передал их мне. Через большой Союз удалось достать билет прямо на завтра. Правда, рейс очень ранний, но Свиридов пришлет машину. Иди сюда, посмотри, все ли правильно я тебе собрала.

Борисов скинул ботинки и вытянулся поверх покрывала, блаженно раскинув руки.

— Успокойся, радость моя. Не нужно никаких вещей. Передумал я ехать...

Тамара, не замедлив движений, продолжала укладывать рубашки и полотенца. Потом за-

стегнула ремни, с явным усилием сняла чемодан на пол и села на освободившийся стул.

— Андрюша. Пятнадцать лет. Это все.

— Чепуха, Томочка. Просто расхотелось.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Вся наша жизнь, как наш покой и плен.
И наше будущее в наших обещаньях.
Но я прошу, прошу вас встать с колен,
Ведь встал уже рассвет в стране прощанья.
Он встал. И встал уже давно.
Он бродит по степям, степям песчаным,
Как бродит перегретое вино,
Вино моей страны, страны пощады.
В нас нет приветности любви.
Мы ждем у выхода с вещами.
Нас только взглядом позови.
Нас позови в свою страну печали.
В страну теней и королев.
В страну, где замки со свечами.
Но я прошу, прошу вас встать с колен,
Ведь встал уже рассвет в стране прощанья.*

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

- Педагог?
- Простите?
- Педагог, спрашиваю, учителем работаешь?
- Нет, а что?
- А то, смотрю, Макаренко читаешь. Учителя обычно читают. Думал — учитель.
- Это не Макаренко.
- Ясно. Дак у тебя, небось, публицистика?
- Почти.
- Ну, публицистика что! Ты его произведения почитай. Он ведь, знаешь, как сделать хотел, он бы и сделал все, да ему не дали. Ты вот до конца дочитаешь, сам поймешь. Он как с ними жил, он с ними и водку пил, и в карты

играл, а потом, когда надо, и морду бил, чтоб людьми стали. А они потом приезжали и ореол ему делали. Сейчас молчат про то, а чего молчать, его понимать надо, его так читать, это чепуха, это вещь бесполезная. Вон дай той фифе читать, что ей с того, не жила, не видела, тут всем нутром прочувствовать надо. А ты куда?

— В Зяблино.

— Это через одну, что ли? А мне далеко. До самого конца. И еще пересадку. Верней, недалеко уже. Там до Тамбова рукой подать. Десятый раз к сыну еду.

— Сын в Тамбове живет?

— Нет, сейчас домой. Вон, видишь, женщина сидит? Супруга моя. Возвращаемся. Минусинск, есть такой город в Ульяновской области. Вот и таскаемся туда с сетками. Пока доедешь, половина продуктов насмарку.

— Он служит там?

— Не служит. Ему не служить уж теперь. Ни за что попал. Сам посуди, за девушку вступился. За честь девушки. Он ему говорит, нука, повтори еще раз. Ну, тот повторил, я, говорит, твою девушку за полтора рубля под себя подложу. Нет, ты попробуй, еще повтори. Ну,

он опять сказал. Сын-то и самбо, и вольной борьбой занимался, он взял его за грудки, за рубашку так взял, как следует. И, главное, не камнем, не железкой, а — все...

— Как это все?

— Да вот так, все — значит, все. На-смерть.

— От того, что за грудки? Может быть, тот упал и головой обо что-нибудь ударился случайно?

— А кто его знает, там не помнил потом никто ничего. Они же вместе все пили, приятеля в армию провожали. И вот, пожалуйста, — десять лет. Пять уже прошло. Сын школу без единой троечки кончил, у нас все как надо было. Я и сам, между прочим, по двум видам кандидат в мастера. Знаю, у вас говорят: сила есть — ума не надо. Чепуха, тут без ума не сделаешь ничего. Ни одной троечки у него не было. Я, как это, сразу к прокурору, но она, правда, сразу сказала, меньше пяти ему не выйдет никак. А для меня тогда и пять показалось... Да, что говорить, вот ты представь, у тебя сын, ты девятнадцать лет его каждый день... Ну, а тут выездная, да показатель-

ный, и за пять уже молил, а вон десять вышло. И ведь он непьяный был. Как у нас говорят, не пьяный, а выпимши, ну, да им разве докажешь. Раз принимал алкоголь, отвечай по всей строгости советского закона. Да он и не отпирался. Я, говорит, выпимши был, мы друга в армию провожали. А прокурор тогда снова обещала, что теперь только, когда полсрока будет, тогда можно будет обращаться и просить. Так уж половина прошла. Вот все время и ездим. Видишь, женщина сидит? Ну да, супруга. Ты сколько ей дашь?

— Лет сорок восемь, наверное.

— Ну вот, а ей всего сорок пять, даже нету еще. В одну ночь тогда поседела. И тоже все ездит. Я, правда, два свидания пропустил. Приехал, как всегда, к девяти, а мне говорят, подожди до половины десятого. Я жду. Мне говорят, подожди до половины одиннадцатого. Я жду. Мне говорят, подожди до половины двенадцатого. Я жду. Ну, и тут сердце схватило. Хорошо, у жены еще шестьдесят рублей оставалось, машину где-то нашла. Я в городе уже очнулся. В реанимации. Сильно болело. Доктор язвительный такой попался, твое, говорит,

счастье, что первый раз в пятьдесят схватило. Если в тридцать, у нас обычно не переживают. Ну, вот так и пропустил два раза. А сейчас, когда были, вышел он ко мне, осунулся весь, ключицы торчат, понятно, не курорт. Сашенька, говорю, что тебе, сыночек, привезти-то, скажи только. А он мне: ничего, папа, не надо, ты только здоровье свое береги. Вот так и ездим.

— А самолетом не лучше будет?

— Раньше как раз самолетом и летали. А теперь прямой рейс отменили, приходится с четырьмя пересадками. Дешевле, конечно, только за дорогу издержишься, всю разницу перекрывает. Ну, уж теперь недалеко. До Тамбова только, а там все тропинки знакомы.

— От Тамбова еще добираться?

— Нет, это я так сказал, про тропинки, я тамбовец коренной. И все предки, и отец, и дед там жили. Город у нас красивейший. Не бывал, случаем?

— Не приходилось.

— Обязательно приезжай. Из всех городов с ним только Саратов может сравниться. Но тот в основном новый, его немец сильно разрушил.

А у нас дома остались, которых и в Питере нет. Поэты у нас жили всякие, писатели. Известный город. Я и сам, между прочим, стихи пишу. И прозу даже. Придешь иногда домой, ну, между нами говоря, чуть-чуть датый, с позволения супруги, конечно, и спать не можешь. Испишешь страниц десять-двенадцать стихами или прозой тоже, протаскиваю я там в основном себя и супругу мою, а утром встанешь и думаешь, какой это дьявол к тебе приходил? Супруга, правда, сердится потом, жжет все на газу, а то бы целые тома потомкам достались. Я, знаешь, как считаю, что Сергей Есенин тоже от того убить себя захотел, что дьяволята его по ночам замучили. Да у нас кто достойно помер-то? Только Шолохов, его, я смотрел, на лафете везли, как маршала. А Фадеев сам решил разобраться. И Зощенко тоже все время ругали. А за что ругали-то, он что — он с тем боролся, что каждому мешает и быть не должно. А ему говорят, значит, ты сам против, и сам мешаешь, значит, сам ты враг. А что, скажешь, теперь все в порядке, бороться уже не с чем? Вот сам ты, к примеру, пьющий человек?

— Скорее все-таки непьющий.

— Я тоже нет. Но иногда, с разрешения супруги, конечно, могу себе позволить. Вот в Моршанске, например, прихожу в магазин и какую картину вижу? У нас ведь как по закону положено, это если больше сорока градусов, то, конечно, с одиннадцати до семи. А если меньше, так это с открытия до закрытия. И вот я прихожу уже в восемь, а мне не дают. Хотя вижу, что за прилавком есть. Как же так, говорю, там в вине всего восемнадцать градусов, вы права никакого не имеете! Меня чуть не в милицию. И ты подумай, это ведь не просто так, это постановление Совета Министров на эту тему нарушается, там же все на эту тему черным по белому, а они хоть бы что. А в Мичуринске вообще по воскресеньям ничего не дают. Можно, конечно, запастись, но, скажем, если вчера денег не было, а сегодня друга встретил? Может, столько лет с другом не виделись, а тут воскресенье. И вот у нас все так, по углам шепчемся, а прямо сказать, как есть, не можем. Это не твою объявили?

— Мою. Счастливо. Удачи вам.

— Спасибо. И тебе тоже. Но ведь, знаешь, горечь самая, что сидит он ни за что. Ведь за

честь девушки вступился. Хоть я бы за эту девушку и полтора рубля не дал. Полтинника за нее, суку, жалко, ей-богу!

ЧАСЫ

Какой-то у меня нелепый и, я бы даже сказал, расхлябанный рассказ получился. Ну, начать хоть с самой первой фразы: «Егупов всю жизнь хотел купить старинные часы». Все в этой фразе вроде и верно, но на самом деле каждое слово, кроме фамилии героя, настолько неточно, что обязательно нуждается в комментарии, иначе может быть понято даже совершенно превратно.

Конечно же, в своей жизни Егупов был занят еще множеством дел, а отнюдь не только желанием часов, и случались, нет, не моменты, а длительные периоды, когда совсем не до того, когда бы выжить — и хорошо, какие уж там часы! Да к тому же из понятия «вся жизнь» следует вычесть годы детства, когда ни о ка-

ких старинных часах он просто не знал, а также годы, оставшиеся Егупову до смерти, которых вполне может быть еще довольно много. Я лично ему всячески этого желаю.

И насчет «хотел», тоже нюанс. Хотение, истинное хотение, предполагает нечто гораздо более определенное, чем то, что испытывал Егупов. Это было скорее нечто среднее между желанием и мечтой, с одной стороны — очень конкретное и чувственное, как голод или тяга к женщине, но с другой — чрезвычайно эфемерное, напоминающее тоску по однажды виденной кромке розового неба на горизонте перед летним восходом, кромке, которая, может, и не была столь розовой, и, вернее всего, никогда уже такой не будет, но все же... Или стать миллионером и на собственной яхте проплыть по Средиземному морю... Нет, это совсем не то. Слишком грубо.

Понятие «купить» тоже на самом деле не отражает всей сути положения. Если человек, действительно, хочет что-то конкретное купить, он или начинает на это зарабатывать и откладывать деньги, пусть даже с дальней перспективой, ищет объект, приценивается и, в конце

концов, если желание не проходит, осуществляет задуманное. Или ввиду явной нереальности, ну, например, в отношении «Мерседеса-600» или «Джоконды», изначально отказывается от намерений и ограничивается тщательно хранимой вырезкой из журнала. Но со старинными часами чисто денежные отношения гораздо сложнее и не умещаются в строгие рамки слова «купить». Уже не говорю о том, что некоторые получают их по наследству, случайно находят на свалках, хитро выменивают у простодушных старушек на электрическую мясорубку, и о прочих мифических случаях, вошедших в устное народное творчество. Даже если это отбросить, то все равно сама идея копить деньги на старинные часы, откладывая по червонцу в месяц при порвавшихся штанах, осыпающемся на кухне потолке и маячущем впереди летнем отпуске отдает некоторой дурковатостью, а уж в чем-чем, но в этом Егупова обвинить никак нельзя. Да и к тому же сам акт покупки. Он предполагает выплату совершенно определенной суммы денег за совершенно определенный товар.

Вот тут мы уже подходим к тому, что и выражение «старинные часы» не совсем точно.

Старинные часы бывают разные. Настенные, настольные, каминные, напольные, башенные, «каретники», «луковицы», серебряные, бронзовые, каменные, деревянные, с открытым механизмом под стеклянным колпаком, фарфоровые, восточные и западные, швейцарские и английские, с боем и с музыкой, с календарями и дополнительными циферблатами, с движущимися фигурами... даже просто перечислить нельзя, сколько там всего бывает. И Егунов обо всем этом прекрасно знал, он специально данным предметом интересовался, даже литературу кое-какую на сей счет почитывал, но окончательно представить в подробностях объект своего вождения не смог. Так, в общих чертах... Но об этом позже. Тут же примешивалось еще и понятие цены. Об этом тоже позже.

И вот при всех этих оговорках я все же вынужден остановиться на той самой первой фразе, потому что, сознавая все ее несовершенство, не сумел подобрать ничего более точного. Итак:

Егунов всю жизнь хотел купить старинные часы.

Но самое-то ужасное, не только и не столько несовершенство этой фразы меня угнетает.

Хорошо было бы, если так! Другое и в гораздо большей степени заставляет волноваться за судьбу рассказа. И, что самое обидное, не внешний какой-то фактор, внешний мы быстренько устранили бы. Нет, причина гнездится изнутри и потому неборима. Никак не могу я преодолеть собственного желания изложить сначала историю, никакого отношения к Егупову не имеющую. Вынужден смириться и — изначально еще больше все испортить. Нет у меня даже возможности воспользоваться известным приемом, когда автор, чувствуя за собой какой-то грешок, предлагает читателю определенное место по желанию пропустить и продолжать далее с такого-то абзаца, никакой, мол, потери для понимания и развития сюжетной линии не будет. Не хочу я делать такого предложения, даже наоборот, всячески заинтересован, чтобы прочитано было все подряд, без малейших пропусков, со всем возможным вниманием. Вот какое у меня безвыходное положение. Не знаю, смогу ли хоть как-то себя реабилитировать краткостью изложения. Но тут, по крайней мере, обещаю постараться.

Один человек прожил с женой тридцать пять лет. Женился в двадцать три, никаких вредных

страстей и привычек не имел, не пил, не курил, за бабами не бегал и хорошо работал. Работал так хорошо, что еще пятидесяти не было, как стал начальником отдела крупного министерства, а потом довольно быстро и заместителем министра. Материальный достаток, соответственно, рос, уровень жизни поднимался, вообще все было хорошо. Имел человек только одну и довольно невинную страстишку. Каждую неделю в пятницу он с друзьями расписывал «пульку». Играли всегда одной и той же компанией. Редко, когда кому-то одному мешали чрезвычайные обстоятельства (а тут помешать могли, действительно, только обстоятельства чрезвычайные), приглашали партнера со стороны, но тоже, конечно, не совсем со стороны, а игрока определенного уровня и положения, и только по серьезнейшим рекомендациям. Приятели со студенческих лет, они же и партнеры, примерно одинаково продвигались по службе, никогда не попадали ни в какие неприятные истории, так что и с этой стороны никаких неудобств не возникало. Только один из них в какой-то мере явился исключением, не обзавелся семьей, вот у него-то постоянно и собирались. Играли только по

маленькой, да и класс имели примерно равный, а в среднем за месяц в финансовом выражении получались плюс-минус какие-то сущие копейки. И, с этой стороны, семейному спокойствию ничего не грозило. Единственное — могли порой засидеться довольно поздно. Но и в таком случае обязательно звонили женам, предупреждали и говорили, чтобы ложились без них. Человек, о котором идет речь, тоже всегда так поступал, жена его слушалась, действительно, ложилась спать и прекрасно засыпала. Но на утро считала своим долгом выразить некоторое неудовольствие. Нет, не то, чтобы скандалы закатывала, но так, минут пять-десять поворчать, больше для порядку, а потом еще часок-другой подуться — это уж непременно, в этом она себе отказать не могла. Ну, а потом все опять шло своим чередом до следующей пятницы. И история повторялась снова: пулька, звонок, на цыпочках через переднюю, чтобы не потревожить супругу, утренняя сцена, дутье и автоматическое примерение. В году пятьдесят две недели. Не больше двенадцати из них нарушали традицию — отпуск, болезнь, неожиданно рано закончившаяся игра. Так что возьмем для ровного

счета — сорок. Но это уже минимум. Итак, минимум сорок раз в год. Как я уже говорил, прожили они тридцать пять лет. Перемножаем, и получается тысяча четыреста. И вот как-то в очередную субботу человек встал, умылся, побрился, почистил зубы, позавтракал (до завтрака жена никогда ничего неприятного не говорила, что она, совсем глупая, что ли?) и получил свою обычную порцию по поводу вчерашней задержки. Потом человек молча встал из-за стола, вышел на балкон (они жили на одиннадцатом этаже), неловко, почти по-стариковски (почему-то именно это в последний момент особенно поразило жену, она даже успела подумать: как же быстро бежит время, ведь еще, кажется, вчера он был легок и юношески изящен в любом движении...) перевалился через перила и на балконе остался только правый тапок. Наверное, соскочил, когда хозяин находился в нелепой позе — животом на перилах, задирая вверх ноги и как будто пытаюсь достать руками что-то там внизу. Тапок соскочил, а надевать его человек уже не стал.

Теперь я со спокойной душой могу вернуться к Егупову. Идея Егупова относительно

старинных часов не имела никакого отношения ни к моде вообще на старинные вещи, так как зародилась еще до ее возникновения и не исчезла со спадом массового интереса, ни с коллекционерством — даже самые смелые мечтания никогда не простирались далее одного экземпляра, — ни с иногда встречающейся у мужчин тягой ко всяким сложным механизмам, потребностью в них покопаться — как раз сама механическая часть часов трогала Егупова меньше всего, он совсем ни в каких механизмах ничего не понимал и к тому не испытывал ни малейшего желания.

Отца, имею в виду официального, у Егупова никогда не было, мать, болезненная бесцветная женщина, мелкая служащая какой-то конторы, умерла, когда герой служил в армии, буквально за пару дней до конца службы, так что даже не пришлось брать увольнительную, просто чуть раньше демобилизовали. После кладбища несколько сослуживиц покойной и соседи по коммунальной квартире устроили поминки. Устроили в складчину, так как всех сбережений в стоявшей на буфете треснувшей сахарнице обнаружилось пятьдесят рублей

с мелочью, это еще на старые деньги, то есть столько, сколько обычно оставалось у матери при жизни перед получкой, а она как раз перед получкой и умерла. Родственников, даже дальних, не было вовсе, а у только что сошедшего с поезда солдата, что возьмешь? Вот и пришлось устраивать складчину. Стол соорудили скромный, но вполне приличный, и вообще все вышло очень прилично, никто даже почти не напился, только муж лифтерши Даши попытался под конец затянуть какую-то песню, но его быстро отправили спать, благо недалеко, через две комнаты. Когда сослуживицы разъехались, а соседки, прибрав со стола, пошли на кухню мыть посуду, свою собственную, так как она тоже была в складчину, Егупов остался один, откинулся на спинку стула, вытянул гудящие после тяжелого дня ноги и огляделся.

Егупов очень любил мать, и хоть три армейских года сделали разлуку с ней если не привычной, то уже вполне терпимой, все равно именно встреча с матерью — не возвращение домой, о доме он никогда всерьез даже не вспоминал, это что-то было довольно безликое и никак сердце не затрагивающее, — а только встреча придава-

ла смысл всем его действиям до сих пор. Самое удивительное, что смерть эта обесмыслила не будущие поступки, о них Егупов пока совсем и не думал, а как раз прошлые, только что казавшиеся предельно естественными и само собой разумеющимися. Зачем он куда-то так рвался последние месяцы, зачем вместе со всеми «стариками» с таким нетерпением отсчитывал сначала недели, а потом уже и дни до приказа и вообще, зачем и куда он приехал, почему именно сюда, в эту комнату? И вот он сидел и сухими глазами с пристальным любопытством оглядывался по сторонам, пытаясь вызвать в себе воспоминания, пусть давние, детские, пусть заставляющие заплакать, но способные наделять окружающее каким-то смыслом, вызвать к жизни и оставить навсегда с ним, ну не навсегда, хоть только на одну сегодняшнюю ночь, силу, способную оправдать прошлое и будущее.

Комната была по тем временам на двоих довольно большая, метров шестнадцать. Как войдешь, сразу направо большой фанерный крашенный морилкой платяной шкаф, с мутноватым зеркалом посреди, треснувшим в нескольких местах, но не от ударов, а скорее просто от

плохого качества стекла. Дверцы в шкафу постоянно перекашивались, Егупов несколько раз еще до армии пытался их поправлять, но толку мало, пересохшая фанера плохо держала петли. Тот стол, что стоял сейчас раздвинутым посреди комнаты, обычно в сложенном состоянии размещался у правой же стены дальше, за шкафом. Хороший крепкий стол и четыре стула к нему, тоже хорошие, крепкие, с сидениями, обитыми коричневым дерматином и такими же дерматиновыми высокими прямыми спинками. Правда, одна ножка у стола почему-то чуть короче других, но под нее обычно подкладывали несколько смятых спичечных коробков, и стол, особенно под чистой скатертью, а скатерти здесь всегда были чистые, выглядел очень прилично. У противоположной стены, слева от входа, шли по порядку: тумбочка, материнская кровать и буфет. Тумбочка, когда-то покрытая толстым слоем белой блестящей краски, имела вполне вероятно тайное больничное происхождение, но краска эта сильно облезла и даже во многих местах отслоилась целыми пластами, так что теперь уже замаскировалась под домашнюю мебель полностью. На ней тоже всегда лежала чистая сал-

фетка, отделанная по краям «ришелье», а сверху помещалась черная эбонитовая лампа, ну, этой уже своих канцелярских корней скрыть было совсем невозможно. Далее кровать. Обычная, металлическая, никелированная, с панцирной сеткой. И затем то, что мы уже пару раз называли буфетом, хотя у меня лично нет никакой уверенности в правильности этого наименования. Это сооружение, однако, многие еще должны помнить, в 50-е годы оно встречалось часто. Внизу такой двустворчатый шкафчик, высотой примерно по пояс, на нем в углах четыре столбика, а на них конструкция из трех тоже шкафчиков, но со стеклянными дверцами, два поменьше по краям, и один, побольше, в середине. При этом дверцы там были не прямые, а полукруглые, и стекла не цельные, а длинные и тонкие кусочки. Некоторые почему-то синего цвета. Заднюю стенку между нижней и верхней частью сооружения занимало узкое зеркальце, все стоявшие здесь предметы удваивались, что создавало впечатление дополнительного изобилия.

Впрочем, у Егуповых здесь никогда ничего не стояло, кроме уже упомянутой треснувшей сахарницы, которая, насколько Егупов себя

помнил, никогда не использовалась по прямому назначению, туда складывалась материнская зарплата и оттуда бралось на расходы.

Егупов еще раз оглядел всю комнату и более ничего не увидел. Он и так был уверен, что не увидит, но зачем-то все же оглядел. Каждый предмет здесь оказался ему предельно знаком, но при этом не вызывал ни мыслей, ни чувств. И потому взгляд скова остановился на сахарнице. Ему захотелось представить, как мать подходит к буфету, усталым движением, у нее все движения были усталыми, ставит на него свою неизменную черную клеенчатую сумку, достает оттуда маленький пузатый кошелек с тугой застежкой, вынимает деньги, еще раз их пересчитывает, кладет в сахарницу, аккуратно накрывает крышкой... Захотелось представить все это, чтобы еще раз воскресить образ матери и чтобы узнать предел своей тоски. Но ни того, ни другого не получилось.

И тогда Егупову впервые пришла мысль о часах. Почему именно тогда, при взгляде на сахарницу, и почему именно о часах, я не знаю.

Потом он вынул из-за шкафа раскладушку, на которой проспал всю свою жизнь, так как

хоть и большой считалась комната, но ставить там вторую кровать было особенно негде, да и выглядело бы нелепо, постелил постель и лег, не потушив свет, думая, что долго не заснет. Но заснул он сразу и спал крепко, без всяких снов до самого позднего утра, враз и на всю жизнь потеряв армейскую привычку к раннему подъему.

Возможностей для особой раскочки не было, и Егупов сразу же пошел работать на завод рядом с домом. Там, как человека, хоть и с десятилеткой, но без всякой специальности, его пока послали в цех ширпотреба, сказав, что в самые ближайшие дни, как только представится возможность, определят учеником к какому-нибудь мастеру — овладевать настоящим делом.

Цех ширпотреба только назывался цехом, а это был просто закуток в старой подсобке, где стоял небольшой допотопный пресс и пара верстаков. За верстаками сидели такие же бедолаги, как Егупов, и совершали несколько однотипных движений. Посреди размещались три большие железные коробки. Надо из одной взять нижнюю часть зажима лыжного крепления, из другой — верхнюю, а из третьей — заклепку, и обе эти части заклепкой соединить. Получившаяся

заготовка укладывалась в коробку поменьше, стоявшую перед каждым рабочим, и когда коробка эта заполнялась доверху, ее относили к прессу, за которым мрачный старик монотонно дергал какие-то рычаги и, заклепывая заклепки с расклепанной стороны, доводил продукцию до кондиции. Заработок здесь был крохотным, но Егупова место пока устраивало, он хотел поступить в техникум, раздобыл учебники и начал старательно готовиться, а заклепки как раз оставляли голову чистой и вполне пригодной к усвоению знаний. Да и с заготовками постоянные перебои, то верхней части не хватает, то нижней, то заклепки кончились, а то и пресс поломался, его дед семь раз на неделе чинил. Нет, не перетруждался особо Егупов. И не дергал сильно начальство, оно то ли подзабыло об обещании, то ли всё мастера свободного не было, только пребывание Егупова у заклепок затянулось на несколько месяцев, и тут он поступил в техникум на вечернее, разумеется, отделение по экономической специальности. Когда на заводе вспомнили про Егупова и узнали про техникум, то страшно обрадовались, так как на пенсию собиралась инженер по соцсоревнованию, на ее

место никто из настоящих инженеров идти не хотел, а брать человека совсем без образования нельзя. Егупов дал согласие, с годик еще провалялся на своем ширпотребе, но, правда, стал получать чуть больше, мастер ему начал слегка приписывать к наряду, видать, сверху намекнули, что надо поддержать парня, как бы не сбежал, а уже на последнем курсе официально оформили на должность. Она тоже, надо сказать, была непыльная.

Так Егупов закончил техникум, потом поступил на заочный в институт, тоже закончил, тем временем его несколько раз перебрасывали в соответствии с нуждами предприятия то на технику безопасности, то на научную организацию труда, и, в конце концов, оказался он в плановом отделе, где и нашел в итоге свое постоянное пристанище.

На последнем курсе института Егупов женился. Жена его работала секретаршей в министерстве. Очень добрая и аккуратная была женщина, но детей у них не получилось. Семейной трагедией это, однако, не стало, они, конечно, хотели детей, и были бы очень рады их появлению, но не столь страстным оказалось это же-

ление, чтобы в противном случае обесмыслить свою жизнь, да и способность без особой болезненности смиряться с существующим положением вещей стала для обоих супругов чертой отличительной.

Жили они первое время в комнате Егупова. Потихоньку обзаводились приличной, соответствующей времени мебелью. Сначала вместо железной кровати появился раскладной двухспальный диван, тогда они считались очень модными, и за ними гонялись, но Егупову удалось достать, то есть не достать, доставать он ничего не умел, а случайно во время длительных поисков наткнулся на огромную очередь и сумел достояться, и ему, по счастью, хватило. После кровати исчезла больничная тумбочка и появился низенький журнальный столик с ярко блестящей лакированной поверхностью. Прошло еще несколько лет, и в устах жены Егупова промелькнуло уже пару раз заветное слово «Хельга», кто подзабыл, могу напомнить, это было тогда такое немецкое чудо, нечто вроде серванта, по которому все с ума сходили.

Но тут произошло событие, в жизни Егуповых одно из самых переломных. Их дом пот-

ребовался какому-то серьезному учреждению, и супруги получили отдельную квартиру. Для жены Егупова это событие счастливое и радостное без малейшей примеси, она и в комнату к мужу пришла с величайшим облегчением, что избавилась от проживания в доме отчима, с которым сильно не ладила. А уж отдельная квартира, с собственной кухней, где не нужно ждать очереди у плиты и скандалить, что заняли «твою» конфорку, где и в ванной и в уборной, сиди сколько хочешь, и никто не будет тебе стучать и требовать, чтобы «прекратили это безобразие, ведь все живые люди», все это могло привидеться только в розовых мечтах. Но для самого Егупова тут не было однозначной простоты. Нет, он, конечно, тоже бесконечно рад, и всем на работе рассказывал, и принимал поздравления, но был еще и некий привкус. Навсегда уходили из его жизни люди, устроившие в свое время в складчину поминки по матери, и сама эта комната, многое помнившая комната, не забывшая и того взгляда, которым он оглядывал ее, оставшись один вечером после поминок, уходил двор, где знаком каждый камень, каждая царапина на стоящих посреди двух мо-

гучих скамейках с литыми чугунными ножками, каждое пятно облупившейся штукатурки вдоль стен окружавших двор домов, уходила булочная на углу, дорога до школы, каток в ближайшем сквере, хотя какая там школа, какой каток, Егупов давно забыл, как они и выглядят, а все равно что-то тут не совсем ладно...

Но это все, естественно, мелочи, главное — получена отдельная квартира, радость огромная, но и забот тоже достаточно. Квартира хоть и в новом доме, но сразу же требовала ремонта, обои ужасного цвета (это тоже новое, что появилось в их жизни, до того на цвет обоев особого внимания не обращалось, а тут вдруг первое, что бросилось в глаза — какой он ужасный), наклеенные вкривь и вкось, даже кое-где уже пошедшие пузырями, линолеум местами приподнят и покорежен, рамы закрываются плохо... Короче, дел хватало. А при этом свободного времени у Егупова стало меньше, теперь дорога до работы занимала около часа в один конец, да еще и утомляла. И все же супруги со всеми неполадками справились почти исключительно собственными силами, и обои переклеили, и где надо подстрогали, подкрасили, поп-

равили, поприбавали. Но не так это все быстро произошло.

Сам переезд тоже денег стоил. Вроде никаких особых вещей и нет, а оказалось, что поднакопилось за годы и посуды, и белья, и сковородок каких-то, и кастрюль... Вот веник, скажем, старый совсем веник, совсем как будто незачем его везти, но новый еще купить надо, а подметать сразу потребуется, так приходится и веник паковать. Одним словом, набралось мелочей. Но в новой квартире вдруг обнаружилось, что их на самом деле катастрофически не хватает. Ну, например, светильники. Раньше обходились простеньким абажуром, думали, правда, со временем сменить его на стеклянную «тарелку», но это со временем, так, далеко не в первую очередь. А как стали снимать да рассматривать, выяснилось, что вешать второй раз толком нечего. Но это еще полбеды. А вот в коридоре и в кухне привыкли, горит лампочка в патроне, известкой заляпанном, да мухами засиженном, и хорошо, что горит, вот когда перегорает, тогда только разговоры начинаются — по чьей вине да кому вставлять новую. А тут, в своей квартире оказалось: туда и сюда нужен отдельный и

специальный светильник, тот, что для передней, скажем, он для кухни не подходит. Или стол на кухню. Раньше обходились неизвестно в каких веках сколоченной из досок да крытой клеенкой тумбой с простенькой крашеной полкой над ней, а нынче потребовался хоть какой, да столик, и табуретки к нему. Те же шторы. Прежние, с маленького двустворчатого окна, и половины нового с балконной дверью не закрывали; опять и на кухню нужно, и карнизы... Да всего и не перечислишь, даже самого необходимого. А все деньги, все деньги, там пятерка, здесь червонец — и вот опять до зарплаты неизвестно, как дотянуть, хорошо, если на работе трояк в долг перехватить удастся, ведь кушать тоже хочется, не старики еще, аппетиты хорошие.

Но супруги, люди реальные, и не рвались, чтобы все сразу, так что и старенький платяной шкаф послужил, хоть в последнее время одну из дверей даже веревкой подвязывать пришлось, и буфет постоял, конечно, уродина, а все же прочный и вместительный, про обеденный стол и говорить нечего, кто там разберется, что у него скатертью прикрыто, и так же подкладывались спичечные коробки под короткую ножку.

Но потихоньку обживались. Экономили, жена мужу по третьему разу манжеты на рубашках подрубала, носки штопались, на ботинки набойки ставились, и никто из этого, между прочим, никакой особой трагедии не устраивал. Жили нормально и даже считали себя людьми в какой-то степени удачливыми, за зиму пару раз в театр выбирались, в кино каждый месяц ходили, летом за город на электричке ездили, знали хорошие пляжи, где народу немного, а осенью так и по грибы, привозили полные корзины, даже засаливали иногда несколько банок. Как-то раз Егупова на курорт ездила, в Железноводск, ей профсоюзную путевку дали за двадцать рублей, грех было отказываться, дома больше потратить. Вернулась очень довольная.

Шли годы. Егупова сделали заместителем начальника отдела. Жена его выросла от секретаря до заведующей приемной. И зарплаты стали чуть побольше, и самые первоочередные дыры оказались заткнуты, так что становилось легче. Вот уже выкинули, наконец, фанерного инвалида с подвязкой, место его занял недорогой, но очень приличный светлой полировки трехстворчатый шкаф, буфет сменили на

небольшой сервант с милыми стеклянными полочками. Последними исчезли стулья, расшатались, да и дерматин на них совсем порвался, купили новые, мягкие, с обивкой под цвет портьер. Только стол никак не хотел сдаваться, его и не трогали, уж очень хороший и прочный стол, по сравнению с ним все современные какими-то уж слишком хлипкими кажутся. Правда, в конце концов, Егупов прибил к ножке толстый кусок кожи, и с этой стороны проблем совсем не стало.

Появлялись новые вещи. Как-то по случаю через знакомых приобрели за семьдесят рублей телевизор «Неман» в отличном состоянии, и не прогадали, он прослужил потом еще очень долго. В комиссионке достали холодильник «Север», маленький, но им на двоих вполне хватало, и тоже повезло — вполне надежная оказалась покупка, практичная.

Но все это время мысль о старинных часах, за исключением, может быть, только самых трудных минут, не покидала Егупова, пусть в виде даже самого слабого намека, легкой тени, но не покидала. Только в двух знакомых домах он видел действительно старинные. Одни —

настенные, деревянные, русской работы, с нарядным белым эмалевым циферблатом и очень красивым металлическим маятником с прорезьями. Но, посмотрев на них несколько раз, Егупов окончательно понял, что стенные его все-таки не устраивают, в них нечто от картины, а не от предмета, какая-то излишняя декоративность что ли, с одной стороны, а с другой — не хватало необходимой солидности... Впрочем, Егупову трудно было сформулировать определенно, да и не требовала его идея никакой определенности, просто чувствовал — не то, и все тут. Вторые часы он видел всего один раз, случайно, но там вообще все было забито редчайшим антиквариатом, которому хозяева прекрасно знали цену. Часы эти французские, времен Великой революции, золоченой бронзы, размером с большой телевизор, каждый час играли свою мелодию, потом начинали бить, и под этот бой из крохотных воротец появлялась движущаяся фигурка, олицетворявшая разные периоды жизни человека. В час он появлялся младенцем на руках у матери, в два — мальчишкой, играющим в мяч, в три — юноша брал в руки книгу, на четырех — целовался с девуш-

кой и так далее. А в двенадцать выплывал уже лежа на кровати в окружении многочисленного потомства, но тут вослед выскакивала смерть с косой и забирала человека с собой. Егупов, разумеется, не сидел перед часами весь день, ему, заметив столь повышенный интерес, вежливые хозяева все это продемонстрировали довольно быстро, но он, сразу же восхитившись максимально, к чести своего здравого рассудка, сумел понять, что эта штука ему нисколько не по зубам, и никогда не будет, что здесь и мечтать не о чем, это как в Эрмитаже, дали посмотреть и то слава богу. Но, может быть, именно по причине своей несбыточности и эти часы не затронули самых глубинных струн в душе Егупова и мало повлияли на формирование образа реально желаемого.

В середине 70-х годов Егупова назначили начальником отдела. Завод за это время реконструировался, превратился в объединение, так что пост был очень немаленький, со вполне приличной зарплатой. И как раз в тот же момент Егупову едва не повезло, но не совсем так, как хотелось бы. Однажды на дне рождения у сослуживца, старого обеспеченного холостяка,

он обратил внимание на использующуюся как пресс-папье небольшую бронзовую фигурку девушки с корзиной цветов в руках. Что-то показалось в ней Егупову необычным, и, взяв в руки с позволения, разумеется, хозяина, он понял причину своего интереса — от фигурки в разные стороны и в самых неожиданных местах отходили какие-то штырьки неясного назначения. Но хозяин на недоуменный вопрос гостя дал сразу же исчерпывающие объяснения. Еще от родителей с незапамятных времен осталась на антресолях коробка разных частей от корпуса бронзовых часов. Хозяин даже, прослышав, что такие вещи нынче в цене, носил их в комиссионку, там сказали, что действительно, если корпус собрать да подреставрировать, то вполне и без механизма могут поставить рублей пятьсот, наверняка продастся, но сначала надо все довести до ума. У хозяина таких возможностей нет, и где взять этих реставраторов, и дерут они, говорят, сейчас столько, что, может, и расходы не окупятся, да и деньги не так уж нужны, одним словом, решил не связаться, засунул коробку на прежнее место, а некоторые фигурки использует, эта вот девушка бумаги придержи-

вает, а там вон лошадка — просто на книжной полке как украшение стоит. Егупов загорелся, сейчас, при гостях это было, конечно, не очень удобно, и тем более подвыпивши все, танцевать хотят, и не до того, но на следующий буквально день напросился специально посмотреть ту коробку и был так настойчив, даже несколько до неприличия настойчив, что уговорил слегка ошарашенного неожиданным напором хозяина продать все вместе за двести рублей. И сразу побежал с коробкой домой.

Когда Егупов спокойно разложил все детали на столе, каждую тщательно протер от пыли тряпкой и потом составил конструкцию целиком, используя где кусочки пластилина, где липкую ленту, а где и просто обломки спичек вместо вывалившихся штырьков, то понял, что нашел, наконец, нужное: корпус представлял собой небольшой, величиной с коробку из-под туфель параллелепипед на гнутых ножках, по фасаду которого вокруг дырки от циферблата и по бокам были вычеканены медальоны с пасторальными сценками, но главная прелесть в верхней площадке. Там располагался источник в виде головы фавна, изо рта которого вода бежа-

ла в каменный жбан. У жбана юноша, изящно встав на одно колено, собирался поить лошадь, поглаживая ее по морде, а рядом в кокетливой позе остановилась девушка с корзиной цветов. Было тут и еще несколько отдельных крохотных фигурок — птичка, тоже присевшая попить на краю жбана, широкополая, с большим пером шляпа юноши, скинутая им на траву, кустик с розами у самого края площадки... Правда, работы, действительно, виделось много, и корпус слегка деформирован, да еще одна ножка отломана, хотя сам обломок в наличии имеется, и некоторые фигурки с потерями, у юноши нет кисти левой руки, у лошади — правой задней ноги, от жбана кусочек откололся. Но главное — все это бесчисленное множество мест соединения фигурок в единое целое, штырьки с резьбой и пазы под них, требовали полного ремонта, долгой и кропотливой реставрации. Тут только Егупов оценил полный объем работ и их сложность, но это поначалу не сильно уменьшило его энтузиазм.

Егупов стал обзванивать всех знакомых и спрашивать, нет ли у кого хорошего реставратора. Он получил и записал на всякий случай

телефоны специалиста по фарфору, обивщика старинной мебели и даже человека, способного подновить картину. Но ничего по профилю не находилось. Наконец один приятель вспомнил опытного часовщика и дал адрес мастерской. Егупов отправился туда, действительно, нашел мастера, но тот, внимательно осмотрев содержимое коробки, сказал, что корпусами не занимается, а только механизмами, но и под данный формат старинный механизм подобрать не обещает, максимум, что в состоянии сделать, это найти подходящего размера хороший эмалевый циферблат и, может быть, соответствующие стилю стрелки, а уж внутренность поставить современную. Это Егупова даже не очень расстроило, конечно, он предпочел бы, чтобы часы получились полностью старинными, но уж бог с ним, и так сошло бы, однако мастер еще раз подтвердил, что самое сложное — реставрация корпуса, и все равно начинать надо с нее. А тут он ничем помочь не берется и даже не знает, кого посоветовать. Егупов первый раз с момента покупки коробки пришел домой грустный. Тут еще и жена, сразу отнесшаяся к выбрасыванию двухсот рублей из предельно скромных

семейных накоплений на, по ее мнению, кучу лома, не очень одобрительно сказала несколько убедительных фраз.

Больше месяца Егупов с каждым, даже хоть чуть знакомым человеком, начинал разговор только с вопроса о реставраторе и, надо признаться, всем порядочно надоел. Но потом все же кто-то из сослуживцев через, в свою очередь, своих знакомых нашел человека, который вроде бы занимается бронзой. Человек этот работал в фирме «Заря» на самой окраине, Егупов несколько раз ездил туда, пока наконец отыскал, но сведения оказались не очень точными. Человек был краснодеревщиком, иногда действительно реставрировал старую мебель, и если на ней оказывались бронзовые накладки, то мог их подправить, почистить и покрыть специальным составом от окисления, но такая сложная работа, как с часами, ему не по профилю, не по плечу, и он не возьмется. Был, однако, крайне любезен и предложил, если какая надобность будет насчет мебели, то всегда пожалуйста, свой домашний телефон оставил.

Прошел еще месяц. Егупов понял, что собственные возможности исчерпаны полно-

стью. Мастерские металлоремонта он обошел почти все в городе, поприставал уже ко всем, с несколькими знакомыми чуть отношения не испортил, но толку не было. Как акт последнего отчаяния, Егупов совершил подход к приемщикам в одну из основных комиссионных, куда иногда заскакивал посмотреть на часы, может быть, хоть эти люди, все же постоянно сталкивающиеся с антиквариатом, наведут на какой-нибудь правильный след. Приемщики подтвердили, что да, вещь хорошая, если ее сделать, и возьмут с удовольствием, но вот посоветовать ничего стоящего не могут, никто из знакомых им реставраторов за такую работу не возьмется. Совсем понурый, с тяжелой коробкой в руках вышел Егупов с приемки и сел на скамейку неподалеку, выкурить сигарету. Тут к нему подкатил очень респектабельный мужик лет сорока, рассмотрел детали от корпуса и сказал, что готов за них в таком виде заплатить рублей триста. Егупов в первый момент даже обрадовался, раз человек готов такую вещь купить, значит, он может, или у него есть кто способный и реставрировать, но мужик ответил, что он, действительно, такими делами сам занимается, но исключительно для

себя, а заказов не берет, и еще раз предложил купить. Егупов, сильно огорченный, отказался, но мужик оказался настойчивым и всучил-таки Егупову свой телефон, на всякий случай, если надумает. Бумагу с телефоном Егупов машинально сунул в карман.

Перед тем, как уехать окончательно, решил, раз уж все равно здесь оказался, зайти и в торговый зал, посмотреть, что нынче в продаже. В отделе, как всегда в последнее время, был очень неплохой выбор часов, и даже кое-что вполне устроило бы Егупова, но стоило это кое-что тысячи под три, и оставалось только, повздыхав, отправиться домой. Что он и сделал.

Последующие несколько дней Егупов был необычно молчалив, а жена его как раз наоборот необычно разговорчива. Излагаемые ею мысли были, впрочем, не очень сложны и даже не требовали такой велеречивости. Да, действительно, скоро отпуск, в кои-то веки собрались по-человечески отдохнуть, с трудом отложили несколько сотен, и летней одежды приличной для курорта нет, и с путевками еще не все ясно, и за новый телевизор кредит не выплачен, и пылесос давно починить пора, выключатель за-

едает, одно мучение с этим пылесосом, а Егупов, вместо того, чтобы заниматься насущными делами, таскается по всему городу со своими железяками, уже выложил за них кучу денег и явно собирается выложить еще.

Короче, вытащил Егупов из кармана бумажку с телефоном, позвонил мужику, тот приехал немедленно и забрал коробку за триста рублей. Кроме прочего, Егупова смущали еще и заработанные им деньги, получалось что-то вроде спекуляции, ему никогда не приходилось продавать вещь дороже, чем покупать, да он за жизнь практически никаких вещей и не продавал, только однажды отнес в комиссионку костюм, когда выяснилось, что потолстел, а костюм вполне приличный. Егупов даже в первый момент хотел отдать все сто рублей разницы бывшему хозяину бронзы, но жена доказала, что это глупость, что Егупов достаточно времени и сил потратил на все свои мытарства с этим ломом, и то, что он нашел такого удачного покупателя, вполне егуповская заслуга, и нечего деньгами швыряться, когда можно посмотреть на них как на законный заработок, да и Егупов ведь не специально покупал, чтобы заработать,

а честно хотел для себя, ну, а уж коли не получилось да выдался случай... Впрочем, деньги действительно были далеко не лишними, и жене довольно быстро удалось уговорить Егупова.

И еще минуло несколько лет. Но мысль Егупова о часах не становилась менее четкой. Хотя, конечно, первая неудача несколько его отрезвила, но с другой стороны и раздражила, он ведь реально все-таки соприкоснулся, если не с вещью, то хотя бы с миром, где эти вещи существуют. И, кроме того, стал уже более ясен сам объект желания, он приобрел конкретные формы. Скажу более, Егупову даже случалось иногда, сидя на диване, очень зримо представить себе, вот тут, посреди стены, между книжным шкафом и дверью они должны стоять на высокой, специальной тумбочке красного дерева. И тумбочку эту он тоже представлял очень четко, ее форму, цвет, бронзовые уголки на дверце...

Самое смешное, что как раз с тумбочкой вопрос решился слишком обыденно и просто. В коммиссионке на набережной, куда Егупов навевывался реже, чем в другие, так как специализировалась она на мебели, а часы там бывали не

всегда, но, все же, если оказывался поблизости, заходил, эта тумбочка обнаружилась, спокойно стояла, никакого интереса ни у кого не вызывала и стоила всего двадцатку. Правда, состояние ее то еще, обшарпана предельно, дверца кривая, верхняя крышка вздувшаяся. Да, честно говоря, и он бы прошел мимо, если бы она не была, ну, просто той самой, что виделась ему под воображаемыми часами. Егупов выписал чек, оплатил, но даже домой забирать не стал сразу, в магазине такое разрешалось, а вечером позвонил по оставленному реставратором из «Зари» телефону, и тот сказал, что завтра можно привозить. После осмотра в мастерской реставратор успокоил Егупова, никаких, мол, проблем, пузыри уберем, все поправим, будет как игрушка, а вещь, действительно, хорошая, не чистого, конечно, красного дерева, фанеровка только, но отличного качества, до эпохи поточного производства сработана. Сошлись за все про все (даже замочек на дверце обещал починить и ключик подобрать) на восьмидесяти рублях. Когда дней через десять принес домой, так даже жена осталась довольна. Во-первых, Егупов неучтенную семейным бюджетом премию

на работе получил и мог соврать, что тумбочка обошлась ему всего в пятьдесят, а не в сто, а во-вторых, выглядела она действительно чудесно, а что такое пятьдесят рублей при современных ценах на мебель, когда столько же стоит немецкая подставка под телевизор из ДСП под пленкой, да и за той гоняются. К тому же вообще предмет, не только украсивший комнату, но и полезный, три полочки внутри, ящичек, все это жена быстренько оккупировала своими мелочами, нитками там, булавками, шкатулочками всякими. И встала тумбочка идеально, где Егупов и предполагал, и стояла там, как будто извечно, настолько к месту оказалась.

Теперь уже, сидя на диване, Егупов видел всё четко. Те часы, только сделанные, на этой тумбочке.

И опять шло время. И оказалось, что Егупову совсем скоро должно исполниться пятьдесят. И одновременно почти как раз серебряная свадьба. Решили объединить эти два события и, как следует, отметить. Гостей неожиданно много собралось, для их, разумеется, однокомнатной квартиры, человек двадцать, еле втиснулись, впрочем, было довольно весело, стол отличный,

даже потом на кухне немного потанцевали. Разошлись очень, не по возрасту даже, поздно, и Егуповы решили ничего не трогать, только еду из комнаты убрали, чтобы не пахло, и сразу легли спать. А уже на утро, выспавшись, как следует, принялись за уборку и мытье посуды. Но сначала решили рассмотреть подарки, вчера их, впопыхах, благодаря, складывали на подоконник, больше места не было, только цветы разворачивали и в вазу ставили.

Внимание Егупова прежде всего привлекла довольно крупная коробка, что, он помнил, от сослуживцев, от двух приятелей, инженеров из его отдела, хороших ребят, лет двадцать все вместе работают, они как раз вчера больше всех выпили, но, впрочем, без всяких безобразных последствий. В коробке оказались часы. Чугунные. Литые под каслинское. Сантиметров тридцать высотой. Черные. Блестящие. Наверху циферблата сидит девушка и протягивает стоящему внизу юноше цветок. Вот цветок отлит уж слишком топорно, а так бы и очень ничего. Часы назывались «Маяк», о чем и свидетельствовала крупная надпись на циферблате. Чек вынут и цифры на коробке тщательно замазаны шарик-

ковой ручкой, но Егупов и так прекрасно знал этот «Маяк», он его неоднократно встречал в крупных универмагах по цене двадцать восемь рублей. Егупов не ожидал, что его память автоматически фиксирует такое множество мелочей, относящихся к часам, даже вовсе его не интересующим. Он узнал по телефону, сколько сейчас точно времени, аккуратно поставил стрелки на подарке, завел его и водрузил на тумбочку.

Потом сел на диван, на то место, с которого привык представлять себе будущее. И огляделся. Все в комнате было у него хорошо. Мебель отличная, давно уже не тот шкаф светлой полировки или сервант, что когда-то считались верхом моды и комфорта, а дорогой румынский гарнитур. На окнах портьеры по шестнадцать рублей метр, люстра чешская с подвесками, телевизор цветной. И не только в комнате, в квартире тоже все хорошо. На кухне польский гарнитур зеленого пластика с нержавеющей мойкой, холодильник «Минск» с отдельной морозилкой, вытяжка над плитой электрическая, чтобы воздух чистый был. Специальный светильник кухонный, немецкий. И в передней тоже специальный — это уже

в художественном салоне покупали. Прихожая отечественная, но очень солидная, задняя стенка под кожу обита и на ней крюки. Да что там, в комнате и квартире. В жизни все было хорошо. Жена, дом, работа, друзей вчера вон оказалось сколько.

И тумбочка. И часы на ней.

Егупов еще раз внимательно оглянулся и пошел на кухню помогать супруге мыть посуду.

Больше он никогда не вспоминал о старинных часах.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Поселок Быков разделен на две части. Если ехать от города, то слева от железной дороги расположен большой современный жилой массив. Самому старому зданию тут не больше двадцати лет. Своим возникновением новый поселок обязан построенным в шестидесятые годы крупному шелковому комбинату, ремон-

тно-механическому заводу и еще несколькими предприятиями поменьше. Имеется ресторан с дискотекой, кафе, два кинотеатра, торговый центр. Прочие необходимые учреждения, начиная от сберегательных касс и кончая общественными пунктами охраны порядка, тоже находятся здесь. На четырех перекрестках светофоры. Еще на одном — мигалка. У окраины возводятся две девятиэтажки. Так что скоро появится свое лифтовое хозяйство.

Справа от дороги тянется одна единственная, правда, довольно широкая и очень длинная улица. Вдоль нее, за прочными красивыми заборами стоят обшитые тесом, а то и облицованные кирпичом, крытые шифером домики, самому молодому из которых не меньше тридцати. А вообще Быков — село древнее, и веков ему много. Но постепенно переползает оно через пути, рушатся старые дома, строительство в правой части не поощряется, переезжают люди в новые квартиры, и хоть еще не завтра наступит то время, но наступит оно неотвратимо, когда полностью переберется народ на левую сторону, и Быковым станет называться поселок, а к тому моменту, вернее всего, даже город, к

настоящему Быкову никакого отношения, по сути, не имеющий.

Но пока это единый населенный пункт со статусом районного центра. Единый не только в смысле административном, но вообще без намека на какую-либо дискриминацию одной из сторон. У многих молодых, имеющих квартиры слева, родители или другие старшие родственники продолжают владеть домами справа. И наличие родства в старой части является довольно почетным, говорит о глубоких корнях, о том, что человек здесь не какой-то пришелец, а истинно местный, с тылами, со связями, даже, если хотите, на крайний случай, и с защитой большей, чем неизвестно откуда взявшийся жилец слева.

Здание вокзала находится на самой границе. Фасадом своим, предельно неказистым, с крохотными окошками и косыми крашеными дверями повернуто оно, естественно, к старой части. Уже начато строительство нового помещения и, конечно, с другой стороны дороги и, развернутое в противоположную сторону, но пока до завершения этого сооружения далеко. Так что реальным центром остается площадь

перед убогим фасадом, с которой во все стороны поселка отправляются рейсовые автобусы, частные автомобили встречающих родственников и грузовики неизвестной принадлежности, развозящие по окрестным деревням вернувшихся из города крутых старух с необъятными холщевыми мешками. Взгляд же человека приезжего, не сразу отправившегося в нужном направлении, а задержавшегося на площади по какой-либо причине, неизбежно с некоторым удивлением остановится на единственном здании с противоположного края асфальтового круга. Удивление, собственно, может вызвать не само здание, оно представляет собой самую стандартную «стекляшку», каких в любом месте неисчислимое количество, а надпись на ней: «Пивной бар».

Право, смешно, подумает приезжий, особенно из мест, сильно тронутых цивилизацией. И снисходительно усмехнется сельским претензиям на светскость. Однако, если он все-таки ввиду задержки транспорта или просто из любопытства толкнет легкую дверь заведения, то будет приятно удавлен. Нет, конечно, никаких раков и воблы со всякими там «Радебергеррами» он не обнаружит. Но пиво есть всегда и всегда

свежее. Причем не меньше, чем двух сортов, легкое разливное, чуть с кислинкой, но довольно приятное, и «Жигулевское» в бутылках классических московских стандартов. Иногда присутствует и «Столичное», но большим спросом не пользуется из-за дороговизны. К пиву опять-таки всегда, что очень важно, найдется бутерброд свежего ржаного хлеба с парочкой сочных килек поверх, украшенных перышком зеленого лука. Ядреные сушки, усыпанные крупными кристаллами соли. Ставрида холодного копчения, аккуратно порезанная и соседствующая на картонном кружке с половинкой крутого яйца. Жестяная формочка с несколькими ломтиками жареной наваги, горкой хрустящих картофельных ломтиков и соленым огурцом. Причем навага, действительно, прожаренная до нужной кондиции, с отливающей бронзой от подсолнечного масла корочкой, а огурец действительно соленый, крепкий до хруста, одним словом все отнюдь не обычного общепитовского образца. Бывают еще сосиски и бутерброды с вареной колбасой. Но это товар сложный, его стараются здесь не афишировать, он у окрестных хозяек нездоровый интерес вызывает.

Само помещение бара невелико. Там с трудом помещаются шесть высоких круглых металлических столов для стоячего приема наливков и небольшой столик с тремя стульями у правой стены, который имеет особое предназначение, о чем ниже. Далее расположена стеклянная стойка, за ней длинный рабочий прилавок и полки над ним. Сбоку дверь в подсобные помещения. Каковы они, я не знаю, и никто не знает, но думаю, достаточного размера, отказа принимать бутылки из-за того, что ящики ставить некуда, здесь еще никогда не было. Столы чисты, убираются они моментально по освобождению, на каждом солонка, розетка с горчицей и пластмассовый стаканчик с салфетками. Правда, самих салфеток там, в основном, не бывает, они выдаются у стойки по требованию, потому как некоторые хозяйственные мужики пристрастились пополнять домашние запасы за счет заведения при дефиците этого товара в данной местности. По той же причине только за стойкой выдается и перец, но спрашивают его редко.

Да, что еще очень принципиально, работает бар без выходных, только в понедельник у него укороченный день, до обеда, и строго по тем ча-

сам, что обозначены красной краской на вывеске у входа. Никаких учетов, санитарных дней и «ушла на базу» в торговое время не бывает.

Штат предельно ограничен. Царствует за стойкой и осуществляет все общее руководство Анна Степановна Быкова, женщина лет пятидесяти, до сих пор еще с отчетливыми признаками серьезной бывлой красоты на лице. И что самое неожиданное в этих местах и при подобной должности, сохранившая отличную фигуру и прекрасные, стройные, очень молодые ноги.

Успешно и тщательно поддерживает порядок в зале, добросовестно моет посуду, обладая уникальной способностью не оставлять жира на алюминиевых вилках и постоянно бурча что-то под нос, бойкая старушка неопределенного возраста по фамилии Дутик, на которую исключительно и откликается, не признавая никакого другого наименования. Работает она, не останавливаясь, живет на какой-то соседней станции, никто точно не знает, где, имеет некие не очень понятные финансовые дела с определенным кругом лиц мужского пола, испытывающих постоянные затруднения в такого рода делах, за что неоднократно была предупреждаема жена-

ми, но это все на уровне слухов, доказать что-либо конкретное пока никому не удавалось.

Числится здесь еще грузчиком Григорий Аргунов, человек слабого здоровья с обиженными глазами. Ему лет тридцать, есть смутное подозрение, что закончил он не только восемь классов, о коих пишет в анкете, и не пьет совсем. В работе он безотказен, однако дел у него немного, и большую часть времени проводит он на лавочке вокзального перрона, упорно следя пристальным взглядом за проходящими поездами. Занятие это не оставляет Аргунова и зимой, правда, тщательно укутываясь в овчинный тулуп казенной принадлежности. Если в грузчике возникает редкая надобность, он откликается на призыв руководства моментально, имея крайнюю щепетильность в вопросе о заслуженном куске хлеба, но поднимается со скамейки явно неохотно, совершая откровенно неприятное для себя усилие.

А работы у Аргунова немного вот почему. Анна Степановна замужем. И на самом деле фамилия ее не Быкова, а Черных. Быковой зовут по старой привычке. Еще несколько десятков лет назад здесь больше чем полсела были

Быковы. Имелись несколько других старых исконных фамилий, но эта являлась и самой распространенной, и самой уважаемой. Многие считались родственниками, многие родственность свою давно потеряли, но все равно фамилии держались, и если Быков приходил к Быкову, то это не просто человек с улицы зашел. Сейчас, конечно, уже не так, особенно в новой части поселка, и суетный пришлый народ может кое над чем даже посмеиваться. Но все же Быкова есть Быкова, и серьезные люди это понимали и Анну Степановну именно так и звали, хотя и знали, что по паспорту она Черных, и несмотря на то, что сама Анна Степановна частенько, а в присутствии мужа всегда поправляла собеседника и указывала, что она давно уже Черных, а не Быкова.

Андрей Леонидович Черных, муж Анны Степановны, был инвалидом. Левую ногу у него ниже колена заменял протез. Такой, знаете, самый обычный деревянный протез темного цвета с резинкой на конце, чтобы не очень стучать. Лет Андрею Леонидовичу не многим более шестидесяти. Он высок, темен лицом, глаза небольшие и несколько непривычно расставлены,

волосы до сих пор густые, хоть и прилично тронутые сединой, рот крупный, но губы тонкие, нос самый обычный, довольно прямой, разве только крылья великоваты. Приятности особой ни в лице, ни в фигуре этой не было, но взгляд на ней останавливался. Хотя, может быть, тут основную роль играл и протез.

Черных к бару официально никакого отношения не имел, однако ходил сюда как на работу, и именно его присутствие обусловило столь малое участие в делах грузчика Аргунова. Только когда требуется срочно разгрузить машину с тяжелым товаром или быстро перекидать ящики с пустыми бутылками, Андрей Леонидович обращается за помощью. Всю же остальную работу он выполняет самостоятельно, передвигает, пододвигает, уносит, приносит, готовит бутерброды и раскладывает прочие разные порции по картонкам и жестянкам. Анна Степановна помогает в этом деле мужу изредка, когда в зале никого нет; такого, чтобы у стойки стоял человек, а хозяйка отсутствовала, здесь не понимают. Если уж совсем ей необходимо отойти, то Черных ее на пару минут подменяет. Но делает это неохотно. Вообще при посетите-

лях появляться не любит. Лишь в самом крайнем случае.

Живут муж с женой в нескольких шагах от бара в собственном доме. Дом этот еще родителей Анны Степановны. Изнутри он переделан, там сейчас все удобства, но это для поселка обычно. На самом деле, что там внутри происходит, и как что выглядит, никто толком не знает. Ходят слухи о серьезных деньгах. Но ни одна ревизия никогда в баре никаких нарушений не обнаруживала. А в свое время ревизий этих ездило больше, чем достаточно. Кто-то куда-то писал и очень активно. Местные же специалисты со стажем утверждают, что воды в пиве нет, никогда не было, и кружки всегда доливаются полностью. Но при этом тоже уверены, что Быкова ворует, ревизоров покупает и накопила уже миллион.

Ревизоры никогда от Быковой копейки не видели, хотя некоторые и намекали. Относительно всего остального сказать ничего не могу.

Андрей Черных сошел с поезда на станции Быков летом сорок девятого. Одет был в выцветшую гимнастерку без знаков отличия и совсем уж непонятного происхождения штаны.

В одной руке палка, не специальная, просто отрезанная от какого-то дерева, и опирался на нее Андрей не часто, только когда приходилось куда-нибудь подниматься или спускаться, а остальное время лишь изредка меланхолически постукивал ею по протезу. В другой руке он нес довольно вместительную хозяйственную женскую сумку из черного дерматина, порывшегося от времени. В сумке лежали носки — четыре пары, рубашка — одна, носовые платки — шесть штук и черные сатиновые трусы. Более имущественности у этого человека не имелось.

В то время одноногий мужик не мог вызвать особого интереса в поселке. То есть мог скорее, как мужик, чем как одноногий. В Быков после войны вернулись немногие, а из вернувшихся увечных оказалось достаточно. Еще четыре-пять лет назад и на такого-то у многих баб загорелись бы глаза, но уже подросла или вот-вот должна была подрасти молодая смена, острота ситуации несколько спала, и появление нового лица реакцию вызвало крайне слабую. А ведь Черных был красив.

Уже тогда в его чертах проглядывала некоторая неприятность, а в манере поведения

обидный оттенок. Но красив он был без разговоров.

Передвигался инвалид на своем протезе уверенно, сила в чуть длинноватых даже по его немалому росту руках оказалась исключительная, так что Андрея сразу и с радостью взяли на железнодорожный склад. Исполнял он должность не очень понятную, то ли сторожа, то ли плотника, то ли помощника кладовщика, но деньги платили вполне определенные, и на жизнь хватало. Вот с жильем плохо, но как-то исхитрились и выделили каморку при том же складе, с единственным условием — гостей к себе особо не водить. Условие это было для Андрея необременительным, так как ходить к нему в гости было некому. Он здесь считался чужим. Пришлым.

Тогда это еще имело значение. То есть при желании, конечно, инвалид мог найти в поселке круг общения, никто его специально не избегал, разве что было бы это общение до определенной границы и не далее, но, впрочем, желания общаться никаким образом Андрей не выказывал и существовал спокойно, для поселка вовсе незаметно.

Хотя один хороший знакомый у него появился. Другом и даже приятелем назвать его трудно не только из-за почти десятилетней разницы в возрасте или совершенного несходства характеров, такое как раз встречается, но просто сами отношения имели с дружбой и приятельством мало общего. Младший сержант милиции Петр Васин отличался розовым лицом и звонким голосом. Говорил младший сержант много, и главной темой его речей служили удивительные подвиги Петра Васина на ниве борьбы с бандитизмом. Врал он немилосердно, но при этом действительно имел два пулевых ранения в правое плечо и одно ножевое в бок. Андрей слушал милиционера всегда молча и крайне невнимательно, поил чаем с баранками и мокрой колбасой, обрывал обычно посреди фразы откровенным зевком и твердо отправлял домой. А на дорогу заворачивал ему кулек с бутербродами, добавляя по возможности то пару яблок, то коробку леденцов, а то и жирную тихоокеанскую селедку, до которой оба, как выяснилось, большие охотники, в чем единственно проявляли сходство вкусов. Петя всегда несколько смущался, но всегда кулек брал. Он имел большую

прожорливую и вечно недоедающую семью, в которой был единственным и не очень удачливым кормильцем.

Любимое выражение у Пети — «не понимаю!» Но произносил он его со значением чрезвычайно редким. Обычно, когда человек говорит: «Не понимаю, как это могло произойти» или «Не понимаю, как ты мог это сделать» — то это значит, что на самом-то деле он прекрасно все понимает, просто крайне не одобряет самого происшествия или поступка. У Пети все имело свой первоначальный и совершенно открытый смысл, без оттенка какой-либо оценки. Если он говорил свое «не понимаю», это значило, что он действительно искренне чего-то не понимает и очень будет благодарен, если ему непонятное объяснят. Но самым объяснениям верил отнюдь не безоговорочно, и потому зачастую его непонимания они не умаляли.

Посреди поселка стоял магазин. В нем имелось несколько отделов и в каждом — свой продавец. Но самой большой популярностью пользовался прилавок, где отпускались крупы, хлеб и водка. За прилавком этим трудилась Анька Быкова. Понятно, знали ее в поселке все.

Отец с фронта не вернулся. Мать за войну надорвалась с четырьмя мал-мала-меньше и в конце сорок шестого прилегла под вечер с виноватой улыбкой, сказав, что знобит немного. Больше не поднялась. Анька осталась за старшую с двумя сестрами и братом. Ребят предлагали определить в детский дом, но она не дала. Кое-как перемогались в своем хозяйстве, подрабатывали и на станции, и в ремонтных мастерских, хотя какое там хозяйство и какой приработок! Близких родственников не было, а дальних — что чуть не все село: лишнего ни у кого не имелось. Однако вот уже больше года, как, войдя в положение, определили Аньку в торговлю. И жить стало можно. Первым делом на всех накупили конфет. Соевых.

Ей девятнадцать, и она хороша. Репутацию имела сложную. Люди жалели девку и уважали за труд, за ребят, которых тянула без разговоров, и ради которых готова снять последнюю юбку. Но все неприятности жизни, казалось, не оставили в душе ее даже малейшего следа, и по легкости характера, по частому смеху и почти наглому блеску глаз можно было решить, что судьба невыносимо избалова-

ла эту смазливую девчонку. Вокруг нее постоянно вертелась стайка поселкового молодняка из самого цвета, и существовало мнение, что вертелась не совсем платонически. Вообще разговоры ходили разные. В них упоминался и какой-то лейтенант из демобилизованных, почему-то слишком затянувший свое пребывание на промежуточной станции по дороге на родину. И главный инженер ремонтных мастерских, начавший особенно часто ездить в местные командировки. И еще ряд товарищей поминался с той или иной степенью достоверности. Произошел и скандал, когда жена одного из поселковых начальников пыталась вцепиться Аньке в волосы прямо на рабочем месте. Хотя, как выяснилось впоследствии совершенно точно, имела место явная ошибка. Но начали смотреть на Быкову образом уже вполне определенным. Кое-кто из старших пытался повлиять. Она смеялась.

Магазин оказался единственным общественным местом, куда по необходимости Андрей Черных вынужден был заходить. Тут он познакомился с Анной, через три месяца прямо в магазине, принародно, громким отчетливым

голосом сделал ей официальное предложение и ушел, не дожидаясь ответа.

— Не понимаю, — говорил Петя, — ну, убей меня бог, ничего не понимаю! Если б я тебя еще не знал, мог бы подумать, тебе в каморке надоело, ты на ее хоромы польстился. Хотя врать не надо, дом справный, вполне даже капитальный дом, ну так тебе же на это наплевать. А тогда какой смысл? Ну, что она моложе сильно, так и хорошо даже, но ты же, извиняюсь, на протезе, угнаться тебе за такой? Тебе баба нужна строгая и с понятием. Подстать. А у той в голове что? Ты хоть знаешь ее? Ты ее десять раз за стойкой видел да один раз до дому проводил, папиросы изо рта не выпуская. Думаешь, я не знаю, мне все докладывали. Не понимаю!

Младший сержант в этот раз был отправлен домой раньше обычного, правда, с двойным грузом гостинцев. Но его это не утешило. Надо сказать, человеком Петя на самом деле являлся до крайности бескорыстным.

Анна Быкова куда-то на неделю исчезла, потом вернулась с резкими тенями у глаз и чуть покусанными губами, прошла через весь поселок белым днем прямо в каморку к Андрею и

оставалась там часа три. Свадьбу сыграли под Новый год. До свадьбы Черных переезжать в дом жены отказался.

Гостей на свадьбе, кроме Пети, не было. Напился он сильно.

Они очень хотели иметь детей, но не получалось. Андрей все собирался поехать в город к врачу, Анна его отговаривала. Потом он как-то съездил, даже не сказав жене, и по приезде тоже велел ей собираться. Потом у них был долгий разговор. Потом они все же поехали. А по приезде у них опять был долгий разговор.

Сестры Анны неожиданно стали взрослыми. Одна вышла замуж, а вторая уехала учиться в город. Брату, самому младшему, исполнилось шестнадцать, он начал пытаться отрацивать усы, регулярно ходил на танцы, собирался стать шофером, в общем, несмотря на все свое уважение к родственникам, зажил самостоятельной жизнью.

К тому времени Анна с Андреем, женатые пятый год, решили взять девочку из детского дома. Сначала девочку, а потом, через пару лет, еще и мальчика. Вернее, решил Андрей, а Анна согласилась. Правда, с радостью.

Какие-то там нужно было документы оформлять. И Черных уже начал оформлять эти документы, когда в магазин зашел Федька Быков. Федька этот считался вроде даже дальний родственник Анны, через троюродную бабу, и принадлежал к той самой стайке, что в свое время крутилась у прилавка. И фигуру, и выражение лица он имел уж очень сильно характерные, настолько сильно, что получил прозвище Бык, которое никогда никому из Быковых не давалось по слишком большой близости темы. Зашел Федька в магазин с двумя приятелями. Под дозой, но не сильно. И хотели еще. А денег не было. И Бык надеялся по старому знакомству у Анны призанять. Совершенно случайно в это время в магазине находился и Андрей. Он проходил мимо, а жена увидела и попросила помочь открыть ей ящик с яблоками. Вот этот самый ящик в тот момент Черных и пытался открыть стальной свайкой.

Одну бутылку вина Анна дала им практически сразу, только чуть поворчав для виду. Но окрыленный быстрым успехом Бык на этом не успокоился и стал довольно нахально просить еще. Даже, можно сказать, требовать стал.

Анне было не жалко. Она не сомневалась, что Федька отдаст, в селе порядки такие, что занятое не заматывалось. Если бы Федька втихую один на один попросил, Анна дала бы сколько надо. Но Федьке сейчас втихую было не интересно. Ему еще и перед приятелями спектакль устроить надо, что вот он, мол, какой, и нигде ему ни в чем отказу нету. А это уже Анне совсем не требовалось. Магазин есть магазин, и нельзя, чтобы у людей возникло впечатление, будто здесь можно товар без денег получать. Так до худого близко, не частная лавочка. И, пожалуй, одерни строго Анна Федьку, убрался бы он восвояси, не так и пьян был, и опять же понимал, в магазине находится, в государственном месте.

Но с другой стороны, особенно грубо выгонять Быка Анне тоже не хотелось. Он все-таки был свой. Из Быковых. И родная сестра его в подружках у Анны с пеленок. И отцы их вместе на фронт уходили, и оба не вернулись. Так что Анна старалась уладить конфликт мягко. Посмеиваясь. Чтобы и свою принципиальную линию отстоять, и Федькиного самолюбия не затронуть. Она с шуточками доказывала Быку,

что, мол, бутылки им вполне хватит, корила мужиков, что не могут на выпивку заработать, раз уж так хочется, подмигивая, спрашивала Федьку, к кому он собрался с таким угощением и не лучше ли взять конфет, в общем, вела себя политично.

Черных во всей этой местной политике совсем не разбирался, а потому, возясь со своим ящиком, несколько раз поднимал на жену удивленно глаза, пытаясь сообразить, почему она до сих пор не послала ребят куда подальше. Федька же тем временем все более распалялся и, совсем уже перейдя в своих речах всякую границу, стал подпускать какие-то неясные намеки на то, что вот сейчас Анна стала такая строгая, а вот было время...

Тогда Андрей, приподняв голову над грудой товара, сказал ребятам устало и совершенно мирно:

— Вы бы вот что. Вы бы шли домой, а?

— Чего?! — не понял такой наглости Бык.

— Я ведь всегда говорю очень понятно. Зачем мне повторять? — так же доброжелательно отвечал Черных, не прерывая своего занятия со свайкой. Федька еще более изумился, и у него

от возмущения чуть дыхание не перехватило, а лицо начало наливаться синим с красным:

— Да ты что... Да ты кто?... Да ты здесь — тьфу, подумаешь, тоже мне... Да это же Анька! Да мы в свое время с Анькой!..

При таких словах Бык неожиданно перегнулся через стойку и с игривым сладострастием шлепнул Анну по задку, издав еще какой-то чрезвычайно залихватский звук типа «Ух!»

Все это сделал он зря.

Конечно, суд принял во внимание смягчающие вину обстоятельства. И то, что их было трое. И то, что они выпивши. И противоречащий принципам социалистической законности характер требований Быкова Ф. И. к Быковой А. С. при исполнении служебных обязанностей. И то, что Черных инвалид. Все учли. Но меньше трех лет никак дать было нельзя. В конце концов, ни Федька, ни его приятели первыми не нападали. Про шлепок по задку на суде сказано не было, а если бы и было, нельзя же в самом деле серьезно считать его причиной для почти полугодичного пребывания каждого из троих приятелей в больнице. Так что вышел Черных только в пятьдесят восьмом.

Когда у Анны сел муж, многие из вертевшихся около нее в свое время мужиков начали с надеждой слюнки ронять. Бойкая смазливая девочка за эти годы превратилась в женщину той совершенной красоты, что не может оставить равнодушным мужчину независимо от чистоты его помыслов. В покое Быкову не оставляли, пытались всяческие намеки делать, чуть не колесом ходили, и очередь у ее прилавка шла всегда чрезвычайно медленно, вызывая этим скандальное бабское настроение. Однако надеявшиеся просчитались.

Проходил месяц за месяцем, а в среде даже самых злых языков не рождалось и тени сплетни. Анна была со всеми равна до предела, исключительно вежлива, но улыбаться перестала вовсе. После работы каждый день до дому сопровождал ее брат, вымахавший в нескладного верзилу с литыми кулаками, и более на улице Быкову не видели даже по выходным. Местные потихоньку начали отставать. А через полгода оказался в поселке проездом какой-то очень большой областной начальник и задержался. В магазин он заходил три раза на дню, и ему аккуратно отпускали кильки и сахар, которых,

по самым скромным подсчетам, должно было скопиться у него с запасом на много лет вперед. Пытался поджидать Анну у выхода, но брат по малолетству, несмотря на свой внушительный вид, в чинах не разбирался и считался грубияном. Так что ответственный товарищ оказался вынужден, поймав момент, когда народу оставалось немного, прямо в магазине наклониться к Быковой и что-то тихонько ей прошептать. Одним коротким ударом руки, с детства привыкшей колоть дрова на всю семью, Анна разбила товарищу лицо.

Со дня на день ждали, что поедет она вслед за мужем. Но время было особое, и товарищ, видимо, решил не возникать. Анну даже не выгнали с работы. То есть вообще никаких не случилось последствий. Только в покое ее оставили совершенно.

Возвращение Андрея Леонидовича не явилось для поселка событием особенно заметным. В другую пору эта история еще многие годы оставалась бы живейшей темой для разговоров, но тут все сдвинулось и перемешалось. Начиналось строительство комбината, со всех концов страны ехали сотни людей и складывались в ты-

сячи. И специалисты самых высоких рангов, и энтузиасты с путевками, и множество амнистированных понастроили бараков на левой стороне, началась своя, невиданная еще в этих местах жизнь, полная событий и происшествий, только вчера казавшихся невероятными, и в этой суете потонула встреча двух немолодых людей, вставших друг напротив друга у порога крепкого еще, но явно начинающего дряхлеть дома.

Дом они отремонтировали, полностью перестроив изнутри, как только собрались с силами. Перестраивали с расчетом на большую семью, даже на несколько семей, брат должен был вернуться из армии, да и сестра, устроившаяся пока после техникума в городе, намекала в письмах, что собирается замуж и приехать. Но брата после действительной потянуло зачем-то в Сибирь, где он и застрял, а сестра хоть и вышла замуж, да у мужа ее оказались совсем другие планы и возможности.

И шли годы. В шестьдесят пятом у поселкового руководства возникла идея открыть на привокзальной площади пивной бар. Хотя толком, что это такое и как делается, чтобы не получилось обыкновенной пивнушки, никто не

знал, но идея понравилась, в ней было что-то, отвечающее новому духу поселка и людям импортировавшее. Репутация Анны Степановны Черных как торгового работника с большим опытом, хоть и без специального образования, считалась безупречной, ее аккуратность и деловые качества давно ставились в пример молодежи, так что предложение именно ей организовать и возглавить новое дело представлялось всем совершенно естественным и единственно верным.

Супруги посоветались. Андрей Леонидович работал тогда заведующим складом комбината, куда был поставлен, несмотря на судимость, лично генеральным директором, человеком, обладавшим властью хотя бы подобные вопросы решать без оглядки на чье-либо мнение. Черных вышел на небольшую инвалидную пенсию, и они с Анной взялись за дело. Его общие идеи и неплановые физические работы, она осуществляла непосредственное коммерческое исполнение и представительство. Не сразу, но стало получаться.

Поначалу не обошлось, конечно, без сложностей и недоразумений. Сборная публика, пос-

тоянно тусующаяся у нескольких основных торговых точек разросшегося поселка, решила, что просто-напросто создали для них крытое помещение с удобствами по холодному времени. Но ее постигло разочарование. Не только не шла речь о том, чтобы распивать в баре что-нибудь, кроме пива, но даже человек, уже перешедший за некую грань в своем состоянии, не мог ожидать здесь понимания. Грань определяла лично Анна Степановна на глаз и сразу. В этом случае она жестко приказывала нарушителю удалиться и далее ни в какие обсуждения спорного вопроса не вступала. Немалое значение тут, естественно, имело и то, что на заднем плане постоянно маячила темная фигура Андрея Леонидовича, про которого интересующиеся быстро выяснили все подробности уголовного прошлого и известные дурные стороны характера. К тому же иногда можно было наблюдать через открытые ворота заднего двора, как Черных, уперев в землю деревянную ногу, разгружает пятитонку ящиков с пивом, которые еле успевает подавать ему Аргунов с шофером. Так что указаний Анны Степановны обычно слушались даже не очень контролирующие себя клиенты. Если же

происходила накладка, и являлся посетитель, потерявший всяческое соображение, или кто-то новенький, не предупрежденный еще, или просто загулявший проезжий пассажир, то и в этом случае конфликт разрешался без непосредственного вмешательства Андрея Леонидовича. Хозяйка подавала кивком головы приказ Дутику, и через пару минут со станции появлялся старшина Васин. Он решал все вопросы.

Но при строгости местных порядков одно правило здесь никогда не соблюдалось. На стене висел красочный плакат, категорически воспрещавший курение. Его велели поместить поселковые власти лет пять назад, когда началась очередная кампания против курения в общественных местах, и Анна Степановна указание выполняла, как выполняла всегда и все, относящееся к работе и исходящее свыше. Однако Черных был глубоко убежден, что для курящего человека кружка пива без сигареты является полным бредом, а пивной бар не место для ищущих наслаждения свежим воздухом. И потому в ответ на кампанию, приделав под потолком два мощных вентилятора, официально объявил, хоть и в устном порядке, что на плакат

можно внимания не обращать и бычки в рукав не прятать. Если же за малостью помещения под вечер становилось совсем не продохнуть, то посетители на пару минут выгонялись на улицу, открывались все двери с противоположных концов, и сильным сквозняком атмосфера восстанавливалась. Надо сказать, что эти меры у публики вызывали глубокое удовлетворение.

В то утро, о котором, собственно, и пойдет речь, бар оставался пока почти пустым. Открылся он как обычно в девять, но за прошедшие сорок минут не было продано еще ни одной кружки пива, что иногда случалось по понедельникам. Только за маленьким столиком у правой стены сидела женщина лет тридцати в плохоньком осеннем пальто с двумя детьми. Они ели сосиски и запивали их водой «Буратино». Такое здесь позволялось не часто, только в отсутствии настоящих клиентов. На станции буфет очень убогий, и в тихие утра Анна Степановна пускала позавтракать проезжих с маленькими детьми. Черных относился к такому послаблению порядка даже скорее одобрительно, но строго следил, чтобы эта публика особо не засиживалась после начала серьезной пивной торговли,

считая не все произносимые в этот период словосочетания полезными детскому слуху. Свобода слова, кстати сказать, в баре тоже никак не ограничивалась, регламентировалась только громкость; при слишком утомительном гвалте Анна Степановна несколько раз повелительно стучала гирькой о жестяную облицовку рабочего стола и мерзким этим звуком мгновенно приводила в себя не в меру разоравшихся.

Женщина, с наслаждением дуя на пальцы, обдирала с сосисок целлофановые шкурки, а девочки тем временем втихую отбирали их друг у друга и пытались надуть. В бар вошла компания с не очень хорошим цветом лиц. Состояла она из супружеской пары за сорок, сразу видно, что супружеской, и державшейся так супружески, что дальше некуда, коротко стриженного парня и серьезного товарища под шестьдесят. Вошедшие как-то неопределенно кивнули Анне Степановне, она так же неопределенно ответила. Супруги с товарищем остались у ближайшего ко входу стола, а парень подошел к стойке и взял четыре кружки. Потом молча каждый выпил свою, и все глубоко, с некоторым облегчением вздохнули. Были они со свадьбы.

Заместитель председателя райисполкома Быков В. С. выдавал дочь замуж. Нельзя сказать, чтобы уж очень удачно, но поскольку невесте оставалась пара месяцев до родов, то сильно привередничать не пришлось. Жених из демобилизованных, приехавших на разраставшийся комбинат по оргнабору, никакими пока трудовыми или общественными успехами отличиться не успел, внешне тоже казался тихим и незаметным, даже, если совсем честно сказать, то просто-таки несколько плюгавеньким смотрелся парнишка. А дочка зампредовская в поселке считалась невестой видной, с медицинским училищем и разговорами об институте. Да и сама собой вполне, хоть пятидесятого размера, но при соответствующем росте и прочих достоинствах. Местные вкусы, одним словом, удовлетворяла. А тут такая промашка.

Парню быстро объяснили суть дела, он, собственно, сильно не возражал, хотя для виду и запил дня на три. И по пьяни обронил что-то типа того, нечего, мол, было с медицинским образованием все сроки пропускать. Однако все кончилось полюбовно, и с другой стороны, если посмотреть, то невесте тоже двадцать пя-

тый пошел, и из города после училища приехала она с некоторой задержкой и довольно мрачной физиономией. Парень же ей достался, по сути, не сильно пьющий, с профессией, без сильных претензий, к родителям сразу с полным уважением. И получалось, что все вроде так на так.

Гостей со стороны невесты выходило больше сотни. Одних только родственников два автобуса. Еще подруг с друзьями, самых близких только, разумеется, да они тут все самые близкие, вся улица с переулками. Знакомые Быкова В. С., которых неудобно не пригласить, а у него таких знакомых за номенклатурные годы и в преддверии повышения... В общем, набралось народу. А вот у жениха сложнее. Мать приехала из далекой северной деревушки, из бригады двое, что почище, остальных совсем уже звать было нельзя. И все. Несolidно получалось. И тогда жених, оказавшись с гонором, достал небольшие свои сбережения, признался, где сколько мог, под будущее родство давали с охотой, заручился еще на всякий случай понимающим кивком со стороны самого зампреда и отправился на почту. Были восстановлены в памяти все двоюродные, троюродные и вообще

неизвестно какого родства братья и сестры, с которыми давным-давно никто не общался, но чьи адреса каким-то чудом по традиции не нашего времени сохранились у матери в потерянной ученической тетрадке. Вспомнились друзья по мотострелковому отделению, с которыми обнимался при расставании, обещая писать чуть не каждый месяц, и забытые с тех пор совершенно. Во все концы страны полетели телеграммы с приглашением и даже обещанием при необходимости оплатить дорогу в оба конца. Как ни странно, многие из адресатов откликнулись, и хотя большинство от подорожных не отказалось, но явились с вполне приличными подарками, так что затея себя оправдала. Сторона жениха, с учетом того, что он не местный, выглядела вполне представительно.

Трое из вошедших были как раз с этой, жениховской стороны. Дальняя тетка с мужем и армейский приятель. Четвертого, работника областного масштаба из города, приглашал зампред. Гуляли они все три дня полностью и теперь одними из последних возвращались по домам. За эти дни между собой толком не познакомились, развлекались в разных концах компании,

да и сейчас вместе оказались совершенно случайно, только потому, что выходило ехать на одной электричке. До вокзала их проводили, но сажать на поезд, до которого оставалось еще несколько минут, не задержались, так как дел еще много, и не все гости разъехались. А тут по радио объявили задержку минимум на час. Возвращаться назад не хотелось, как-то глупо после прощания, и поезд боялись пропустить, мало ли, что объявили, видно, какие у них здесь порядки. Так что решили скоротать время близости в баре. Даже и не надеясь особенно на пиво. А когда обнаружили не только в наличии, но и холодное, и свежее, то вздохнули глубоко, с некоторым облегчением, о чем уже упоминалось.

Анна Степановна тоже присутствовала на той свадьбе. Конечно, не все три дня, этого не позволяла и работа, и весь жизненный уклад, но на первый день явилась, причем по личному приглашению зампреда, и сидела среди самых почетных гостей за тем самым столом, что и новобрачные с родителями. Пригласил ее Быков В. С. не только потому, что выросли они через забор, и до сих пор зампредова мать владела

соседним с Анной Степановной домом, хоть сам зампред и имел большую новую квартиру в левой части. Воспоминания детства и соседские отношения — это, конечно, очень хорошо, но Быков В. С. давно уже начал различать, с кем стоит продолжать общение, а кого вполне можно и на улице не узнать. Однако Анна Степановна по своей репутации, по известности и положению в поселке, да и по личным качествам, манерам, умению всегда найти верный тон разговора, уже независимо ни от чего достойна всяческого внимания. А вот когда ко всему этому еще и росли вместе, и соседка, и вообще из Быковых, может, и родственница даже какая, то хоть так, по обыденности, и не общались, конечно, все же круги-то совсем разные, но когда такое дело, как свадьба, вспомнили не из последних.

Была она одна не потому, что Андрея Леонидовича не приглашали из принципиальных соображений. Если бы такое случилось, Анна Степановна и сама бы никуда не пошла. Нет, Черных уже давно, еще со времени работы на складе, принадлежал к немногим людям, кому Генеральный директор при встрече протягивал

руку, а следовательно, его присутствие в самом избранном обществе поселка не могло показаться неуместным. Но он на людях бывать не любил, и если по работе был вынужден делать это даже с избытком, то праздных компаний всячески сторонился и от приглашений отказывался категорически, отговариваясь спецификой заведения, которое ни на минуту нельзя оставить без хозяйского глаза, да и дела там с концом рабочего дня не прекращаются. Однако, зная общительный нрав жены и не желая ни в коей мере ему препятствовать, Черных отметал не очень искренние потуги Анны Степановны доказать, что ей самой идти никуда не хочется, и твердо выставлял ее из дома, если случалось достойное приглашение. Так вот издавна уже и повелось, что Анна Степановна ходит в гости одна, и даже, когда звали, забывали прибавить про мужа, и удивились бы, если бы они появились вместе, хотя удавились бы, наверное, скорее по-хорошему. Может, и по-хорошему. Но сильно.

Пришедшие в бар Анну Степановну на свадьбе видели, и она их тоже. Там они не знакомились, лица друг друга выветрились уже

из памяти с десятками других, но сейчас все уловили что-то смутно знакомое и потому так неотчетливо кивнули друг другу, в том смысле, что понимать этот кивок можно как угодно, и как знак узнавания, и как просто ни к чему не обязывающее автоматическое приветствие при входе в помещение. После первой кружки возникла краткая пауза, во время которой глаза всей компании становились постепенно осмысленнее, затем муж дальней тетки пошептался с женой, несколько нервически подергивая пальцами правой руки, та неохотно слазила в сумку за кошельком, и на столе появилось еще по одной. Повторили. Довольно неуютная тишина первых минут, неуютная, быть может, даже до напряженности, сменилась той тишиной, что своей явной теплотой и доброжелательностью служит верным признаком близкого разговора, приятного для всех. Серьезный товарищ вынул пачку иностранных сигарет и раскрыл ее приглашающе. Как он сумел сохранить ее все три дня, на протяжении которых неоднократно складывались ситуации, когда тщетно обыскивали все карманы в надежде на завалящуюся папиросу и, в конце концов, от полной безысходности

начинали докуривать бычки из пепельниц, как ему это удалось — уму непостижимо. Но вот сохранил. Все с удовольствием воспользовались предложением и закурили. Даже тетка.

Тут Anne Степановне следовало указать женщине с детьми на необходимость закругляться и топать в зал ожидания. Черных сделал бы это немедленно, но сейчас он был чем-то занят на заднем дворе, и, воспользовавшись его отсутствием, хозяйка решила повременить с указаниями. С одной стороны, ей не хотелось торопить девчонок, которые явно смаковали «Буратино» и потому не спешили слишком быстро расправляться с сосисками. Но тут имело значение и другое. Выставляя женщину, чтобы не получилось слишком грубо, пришлось бы ей объяснять: делается это только по той причине, чтобы дети не оставались в зале, когда начинают курить. Такой жест в свою очередь мог быть неверно, в обидном даже смысле, истолкован компанией, тем более, что прямо перед ними на видном месте висел плакат «Не курить!» с перечеркнутой красной полосой дымящейся папиросой. Если бы компания оказалась местная и знала порядки, то никаких недоразумений не

произошло бы, но эти ведь не в курсе, что плакат реальной силы не имеет, и им, в свою очередь, опять-таки пришлось бы все объяснять. Да и это ничего, когда люди совсем посторонние, здесь же, вроде почти знакомы, да еще зампредовы гости, а ситуация могла сложиться с оттенком неприятности...

Нет, конечно, так четко не формулировала для самой себя Анна Степановна, но что-то такое от всех этих аргументов промелькнуло у нее в голове и в результате сложилось в нежелание менять очень удобную позу у прилавка и совершать вообще какие-либо поступки в данный момент. Хотелось, чтобы все само мирно и естественно уладилось, тем более к этому было совершенное предрасположение, вода в стаканах у девчонок уже кончалась, как ее ни растягивай, компания спокойно дымила, не допуская более ничего вредного детскому зору или слуху, а Андрей Леонидович благополучно задерживался, и можно не бояться его недоуменного взгляда.

Между тем за высоким столом, хоть сначала и медленно, и вяло, но начала завязываться беседа. Первым, как наиболее привычный к

тому, чтобы его слушали, заговорил серьезный товарищ, уверенно пуская носом дым и чуть покашливая. Сам он вышел когда-то отсюда, из Быкова, вместе с зампредом после войны начинал по общественной линии и, хотя давно переехал в город, но связей не терял, и, видно, лучшие впечатления его жизни все-таки остались связаны с поселком уже потому, что был он тогда молод и легок, не обременен столькими заботами, болезнями и детьми и точно знал, как жить дальше. Потому завел он речь про то, как гуляли здесь первые свадьбы в дни его юности под несмолкший еще бабий вой над недавними похоронками. После нескольких первых фраз товарищ сообразил, наконец, что похмелялся пока на чужие, и совершил поход к стойке. Теперь все, утолив начальную утреннюю жажду, прихлебывали пиво медленно, со вкусом, и слушали товарища крайне приветливо. По его словам выходило, что гуляли тогда свадьбы куда как веселей. И голодно, и бедно, и музыки — одна гармонь, а праздник получался — далеко до него нынешнему. Однако товарищ сразу оговорился, не желая никого обидеть, что нынешняя свадьба как раз очень ничего, грех жаловать-

ся, просто времена изменились. Какие раньше здесь песни пели, разве это тебе магнитофон, как плясали сутками, да танцы все разные, не то, что нынешнее топтание. Оно, может, и ничего (он опять не хотел обидеть), но у всех одинаковое, да и огня того нет.

Говорил он хоть и негромко, но довольно внятно, даже с некоторым выражением. Анна Степановна тоже слушала товарища. Уж она-то прекрасно знала, что по большей части он немилосердно врет, не было особой лубочной прелести в тех свадьбах, и ни песенниками, ни танцорами особыми Быков никогда не славился, вот в соседнем Старлетове, правда, говорят, певали, дак и те в основном с войны не вернулись, а в Быкове, что ж, весьма посредственно пели и плясали всегда в Быкове. И на счет веселья великого, разное могла бы вспомнить Анна Степановна про то веселье, и как опивались какой-то самодельной гадостью до смерти, и как дрались за мужика ошалевшие бабы, а он, похохатывая, материл их без всякого изящества, пока сам не получил суковатой жердью поперек лба, и как и чем мазали ворота новобрачным в первую ночь. Всякое бывало. Но ведь и Анька

Быкова не смотрелась тогда по утрам в финское зеркало с тревогой и опаской, а бросала мельком хищный взгляд в осколок над рукомошкой и шла винтом по знойной пыли...

А тем временем хозяйка, расслабившись, пропустила момент, когда разговор за столом стал общим и более оживленным. Закурили по второй. Теткин муж, чуть подправив линию разговора, завелся на тему, что, конечно, партия и правительство правильно делают, взяв курс на всемерное улучшение материального благосостояния, но это и губит. По его словам выходило: не каждому человеку хорошая вещь на пользу. Сначала надо выяснить, не испортит ли его вещь, способен ли он по своему моральному уровню оценить с правильной точки все последствия и не воспользуется ли во вред. Ну, разве можно, скажем, такую штуку, как автомобиль, продавать без всякого разбора, в чьи руки она попадет? Вот в прошлом году у них в главке дали не самым достойным, а тем, кто каким-то хитрым образом пролез в очереди вперед, а потом на этих машинах такую аморалку развели, девок катали и прочее. Товарищ поддакивал мужу тетки искренне и во всем был согласен,

даже пытался для примера приводить какие-то свои случаи, типа того, что радиоприемники тоже разные бывают, но до самого конца ему договорить не удавалось, у мужа, видать, накипело, и он горячился. Парень, думаю, соглашался не совсем искренне, история о катании девок не произвела на него такого уж страшного впечатления, и более заинтересовался он подробностями, но общего единогодушного настроения компании портить не хотел и потому делал всяческие одобряющие главную идею знаки, хмыкал в положительном смысле, показывал лояльность. Тетка моментами встревала по теме, хотя, честно говоря, больше всего в данный момент ее интересовало, кто будет ставить по четвертой, так как третья кончалась, и тетка чувствовала, что мужики на этом не остановятся. По справедливости должен бы, конечно, ставить ее муж, и он уже пару раз автоматически косился на ее сумку, где кошелек, но то справедливость была высшая, математическая, имеющая отношение к точным расчетам, кто сколько выпил и сколько заплатил. А если по кругу, по очереди, как с самого начала пошло, поскольку тетка — дама, четвертая получалась за парнем. А тот и не чу-

хался, и тетка уже начала поглядывать на него с неодобрением. Хоть была она и в платке, но по мертвым глазам крайней степени остервенения, отвечаю, что волосы у нее выщечены перекисью и сожжены щипцами до предела.

Анна Степановна услышала, как позади нее со скрипом открылась дверь и, нехотя переменив позу, развернулась от стойки. Появился Черных, принес поднос со свежими закусками. И очень вовремя, вот-вот должно было у них начаться первое утреннее оживление, приходила электричка из города, приближался обеденный перерыв на нескольких близких стройках. Андрей Леонидович помог жене составить тарелки удобной для раздачи пирамидкой, и, собираясь направиться за следующей порцией, осмотрел зал. Взгляд его стал удивленным. И уже став удивленным, он не изменил своего выражения, остановившись на Анне Степановне. Которая прекрасно все понимала. И вину чувствовала. За столом жестикулировала и общалась на несколько даже повышенных тонах компания с пивом, нещадно дымила, а рядом еще сидели дети и, домучивая сосиски, наблюдали эту картинку, полностью нарушая основные порядки

и принципы заведения. И таковое безобразие произошло не случайно, а изначально организовалось в присутствии хозяйки, чуть ли не с ее непосредственным участием. Взгляд Андрея Леонидовича становился все вопросительнее и требовал или какого-то объяснения, или немедленных и решительных действий по прекращению беспорядка.

Ни сделать, ни сказать что-либо вразумительное в данный момент Анна Степановна не могла. Изначальный момент, когда компания только начала оттаивать после первой и потянулась за сигаретами, был упущен хозяйкой по упомянутым ранее соображениям, и теперь уже дико и глупо, и грубо, что самое невыносимое, ни о того, ни с сего гнать женщину с детьми из зала без малейшего внешнего повода. Анна Степановна все еще надеялась, что ситуация разрешится сама собой, но женщина чувствовала себя за столиком с девчонками уютно, раскраснелась от горячей пищи, расстегнула пальтишко к даже перестала торопить дочерей, смотрела вокруг благодарными и доверчивыми глазами, было бы полным свинством ответить на эту благодарность резким окриком. Не мог-

ла сейчас уже Анна Степановна и объяснить мужу все причины, заставившие ее допустить происходящее до данного момента, получилось бы долго, неуместно, а главное, в глубине души она прекрасно понимала, что не стоит ему объяснять и про гостей со свадьбы, и про Быкова В. С., и про воспоминания всякие, и не стоит не только потому, что Черных не примет объяснений, а совсем не надо этого касаться, лишнее.

Так и не получив ответа, Андрей Леонидович слабо усмехнулся, но сочтя происходящее еще не поводом для дестабилизации производственного процесса, и по большому счету серьезно доверяя здравому смыслу и твердой руке жены, которой все годы вела она довольно капризное дело, Черных повернулся и направился готовить закуски на второй поднос. К тому же скоро ожидалась машина за посудой, и требовалось еще раз досмотреть, все ли ящики готовы к погрузке и нет ли бутылок битых.

Хоть и небольшая гуляла компания, но уж очень активно пользовалась сначала предложенным товарищем дорогим дефицитом, потом перешла на «Новость» теткиного мужа, и Анна Степановна, нащупав под прилавком кнопку,

включила вентиляторы. Их ровный мерный гул всегда придавал уверенность и успокаивал. Она любила серьезное оборудование, не встречающееся в обычном быту, большие торговые холодильники, напольные полутонные весы, кассовые аппараты и эти вот вентиляторы, которые Андрей Леонидович достал непонятно где, но точно известно, что за наличные. Лопасты рассеяли дым, несколько приглушили возбужденные голоса, а в какой-то степени нормализовали обстановку, сделали ее более приемлемой.

За четвертой переменной подошел все-таки парень. Тетка своего добила. Платил он широко, уверенно, не выискивал долго в кармане бумажку помельче и погрязнее, а вытаскивал первую попавшуюся и сдачу засовывал обратно, не пересчитывая, не отделяя купюры от монет, все вместе, одним комком, только побыстрее. Анна Степановна любила такую манеру, но отнюдь не потому, что это могло принести выгоду, здесь никогда никого не обсчитывали даже по ошибке, просто спокойное, равнодушное отношение к деньгам она ценила в людях как лично близкое и симпатичное качество характера.

Вернувшись к столу с новой порцией, парень воспользовался положением как бы угощающего и на время взял инициативу беседы в свои руки. Ему было интересно повспоминать перипетии прошедшей трехдневной гулянки, еще не переключился толком, с каждой минутой становилось все более жалко, что все кончилось, что начинаются скучные будни, предстоит возвращение к жене и орущему грудному ребенку, недавним приобретениям, но надоевшим уже смертельно, и одними воспоминаниями о них парень портил себе настроение. Правда, оставалась еще дорога, дорогу он любил, жил в ней всегда полной жизнью, с удовольствием, заводил знакомства, внимательно слушал дорожные рассказы, и сам был не прочь поделиться жизненным опытом, но самые лучшие дорожные впечатления — те, после которых предстоит что-то еще более интересное, типа той же свадьбы, а такая дорога у него уже позади, предстоящая вела к скуке и тоске, потому омраченной оказывалась изначально.

За прошедшие три дня парень успел многое и посмотреть, и поучаствовать как следует, развлекался он, пожалуй, активнее всех присутс-

твующих, припомнить мог тоже полнее и ярче, и слушали его не без интереса, тем более, что некоторого дара рассказчика парень оказался не лишен. Когда же он вспомнил эпизод с матерью невесты в последний день — догуливали уже на квартире — пришедшей на кухню за приготовленными тортами и обнаружившей, как молодежь, не разобрав, что тут возвращенное со стола на выброс, а что еще не поданное, превратила большинство тортов в пепельницы и очаровательно украсила их окурками; когда он изобразил всю эту сцену в лицах — и скорбное недоумение хозяйки, метавшейся между непреодолимым желанием устроить скандал и постоянным воспоминанием о том, что она все же жена зампреда, и ребят, старавшихся спрятаться друг другу за спину, изображая полнейшую непричастность каждого; когда стал подражать одной девчонке, ни с того, ни с сего начавшей рассказывать, что никогда не держала в руках сигареты, — вся компания залилась пронзительным смехом, и даже Анна Степановна слегка улыбнулась, так как очень хорошо знала зампредову жену и прекрасно могла представить себе ее реакцию на подобное святотатство,

особенно по отношению к произведениям кулинарного искусства. Даже два раза улыбнулась Анна Степановна.

И все же веселая свадьба была, и зампред молодец, и жених молодец, и невеста у них получилась почему-то, видно от избытка чувств, тоже молодец. Даже тетка, окончательно успокоившись, что проскочила благополучно и лезть за кошельком более не придется, потеряла часть напряженности, согласно кивала в такт — все молодцы! Общее единодушие, полнейшее согласие мнений и настроение момента, а отсюда чуть не до умиления доброжелательство друг к другу, да по четвертой выпили...

Первым не выдержал парень. Он кинулся к оставленной в углу спортивной сумке с невеликим своим багажом и достал заветную, на дорожку приготовленную для самого необходимого случая бутылку. Никого уговаривать долго не пришлось. А то что, в самом деле, все пиво да пиво, лопнуть можно, и отметить такое дело надо, и на дорожку, и на поправку... Какое уж такое дело требуется отмечать, и какая пойдет эдаким ершом поправка, они толком сами себе ответить и не смогли бы, но переполняв-

шие каждого благостные чувства искали выхода и нашли его. И тетка не отказалась, как-то залихватски даже махнув рукой, давай, мол, и получила в переполовиненную уже кружку пива свои граммов семьдесят, наравне со всеми, а оставшееся парень водрузил в бутылке посреди стола с расчетом на следующую порцию. Там по пятьдесят каждому точно оставалось.

Если бы они еще эту чертову бутылку так демонстративно на самую середину не выставили. Ну, плеснули белого и спрятали бы обратно, а в пиве семьдесят грамм незаметно, в пиве и больше не заметно, ну, кому нужна такая выставка? Улыбка, последняя улыбка, которой Анна Степановна отреагировала на представляемую парнем сценку, застыла у нее на губах. Уберите, скорее уберите, твердила она про себя. Допивайте скорее, что ли, не тяните, уберите бутылку со стола! И поняла, что поздно уже, что раздался за спиной привычный скрип двери, и Черных принес второй поднос закусок.

Еще какое-то время ушло у него на то, чтобы разгрузить тарелки, повернуться, да и не сразу он все заметил, внимание его вновь оказалось привлечено детским присутствием,

и он уже открыл рот, собираясь сделать, наконец, замечание жене, крайне редкое и вообще практически никогда не используемое, о манкировании хозяйскими обязанностями, и тут только заметил бутылку. И медленно закрыл открывшийся было рот. Анне Степановне стало окончательно ясно, что так долго сохраняемому и так тщательно лелеемому ею нейтралитету пришел конец.

— Товарищи, — сказала она не очень уверенно и не совсем представляя, как сейчас попасть в верный тон. — Товарищи дорогие, оставили бы на дорогу, что наспех продукт переводить, вот и электричка скоро...

Анна Степановна смешалась, так как никто из компании просто не обратил на нее внимания, представить им сейчас было трудно, что кто-то может столь резким диссонансом потревожить их ладный настрой, и потому даже не зафиксировали помеху в сознании, полностью пропустили мимо ушей. Только Черных с совершенным недоумением поднял глаза, что она такое порет, при чем тут продукт и электричка, что вообще сегодня здесь происходит? Он еще некоторое, не очень, правда, длительное время

постоял, надеясь: жена придет, наконец, в себя и вспомнит о своих непосредственных обязанностях, но вдруг все это ему мгновенно надоело, недоумение в глазах погасло, и взгляд стал тусклым. Андрей Леонидович наклонился над прилавком, убрал отвлекающий гул вентиляторов:

— Вы вот что. Уважаемые! Распивать здесь запрещено. Вы меня слышите?

Парень раздраженно повернулся на звук голоса и досадливо махнул рукой в сторону какого-то старика в черном халате, непонятно зачем мешающего людям отдыхать и наслаждаться общением. Всей компании было дико, что это за чучело вздумало здесь распоряжаться, но чучело явно не стоило внимания, и парень отвернулся снова к столу, и об инциденте мгновенно забыли, как забывают о пролетевшей мухе, оторвавшей на миг жужжанием от важного дела.

Привлеченная знакомыми интонациями голоса Андрея Леонидовича, из подсобки бесшумно выскользнула старушка Дутик и встала так, чтобы не пропустить известного знака Анны Степановны бежать за старшиной. Но к полнейшему удивлению Дутика знака не следо-

вало. Не могла, ну просто не могла сейчас Анна Степановна устраивать этим людям после всего (после чего «всего», она бы, пожалуй, не смогла особенно четко изложить, но сюда входило и то, что они обсуждали и вспоминали, и что она была чуть ли не участницей этих воспоминаний) — не могла устраивать им встречу с Петром Васиным, слишком хорошо зная, чем обязательно закончится встреча в данной ситуации. И еще надеясь по-детски, без всяких оснований, но надеясь, только потому, что уж очень хочется, на мирное разрешение всего каким-то чудесным и естественным образом, Анна Степановна продолжала стоять неподвижно, стараясь ни с кем не встретиться взглядом.

Впрочем, Андрей Леонидович тоже не смотрел более на жену. Казалось, он что-то сообразил. Губы его приняли довольно странную форму, делавшую выражение лица еще более неприятным, чем обычно. Он поднял откидную доску прилавка, сделал шаг в зал и сказал громче и отчетливее:

— Или вы меня не слышите?

Муха оказалась слишком надоедливой, и приходилось, к сожалению, на нее реагиро-

вать. На сей раз, все четверо подняли головы от кружек, а парень даже полностью развернулся:

— Слушай, дедуся, ну, отвяжешься ты, наконец? Отстань по-хорошему, тебя только не хватало. Не похмелился, что ли, с утра, так попроси, может, нальем.

— Мальчик, — голос Андрея Леонидовича сразу стал ласковым и тихим, — я вам всем даю секунд пять, чтобы убраться.

От такой наглости парень не сразу опомнился, а когда опомнился, его аж скрутило, он дернул головой и шатнулся к старику. Но тут между ними кинулась сидевшая у стены женщина:

— Как вам не стыдно, — пронзительно закричала она парню, размахивая руками. — Как вы можете, человек на протезе, на войне ногу потерял, чтобы вам жить было, а вы, а вы!..

Компания протеза не видела. Сначала его загораживала стойка, а выйдя, Черных стоял так, что перед ним оказался высокий стол. Женщина заметила протез, она сидела низко и сбоку, ей ничто не мешало. Теперь же все посмотрели вниз и обнаружили, действительно,

старик перед ними одноногий. Получалось неловко. Парень опустил поднявшиеся было руки и отступил к столу. Черных медленно чуть развернулся в сторону женщины:

— Уважаемая, я ногу в сороковом потерял. Под вагоном. Когда за мной сторож погнался после неудачной попытки стащить с платформы ведро угля. Так что на войне я не был. А вам с детьми давно уже здесь не место. Это пивной бар. Тут курят и прочее. Закругляйтесь.

Изложив это скучным голосом, Андрей Леонидович снова повернулся к компании, остановив на ней внимательный, пристальный взгляд. Настроение у четверых все равно было сбито и испорчено, даже запал злости пропал, и восстанавливать его парню тоже не очень хотелось, а тут еще на привокзальной площади заговорил репродуктор, его специально установили так, чтобы в баре было слышно, и поведал о приближении опоздавшей электрички. Взяли свои вещи и, не глядя друг на друга, вышли из зала. Женщина, смутившись, тоже моментально собрала девчонок, стала пятиться к двери, благодаря Анну Степановну. Черных развернулся и исчез в подсобке.

Анна Степановна еще пару минут постояла, автоматически переставляя какие-то тарелки, покрутила в руках большой хлебный нож, хотела им что-то сделать, но резко кинула на жесть стола и торопливым шагом направилась вслед за мужем. Его нигде не было. Бросилась домой, спеша, неуклюже размахивая руками, первый раз за все годы оставив заведения без присмотра и даже не подумав об этом. Но и дома Андрея Леонидовича не оказалось.

Он вернулся через час. Зал был закрыт, тоже впервые в рабочее время. Анна Степановна сидела за столиком у стены, а рядом с беспомощным выражением лица топтался Васин. Увидев Андрея Леонидовича, старшина сглотнул слюну и, ни слова не говоря, тихонько вышел. Черных сел на второй стул:

— Иди домой, Анна. Собирайся. Через два часа поезд на Москву. Билет я взял. Там делают сейчас протезы. Специальные. На взгляд от ноги не отличишь. Все выяснишь, с кем надо, договоришься. У тебя выйдет и быстрее, и лучше. Я пока за всем слежу. Когда будет точно, дашь телеграмму и вернешься, сразу поеду я. — Он вынул из кармана и положил на стол

тугую пачку сторублевок. — Здесь должно хватить. Иди.

Анна Степановна подняла лицо, губы не очень слушались:

— Андрей, всю жизнь так прожили, ну зачем сейчас-то, Андрей?

— Иди, Анна, иди, — поморщился Черных, — зачем мне повторять?

ПРИГЛАШЕНИЕ

Буров сказал, что в эту субботу состоится традиционный осенний прием на даче у Алинских и мы получили приглашение. Я сказал, что никакого приглашения не получал и получить не мог, так как совершенно с Алинскими не знаком и не горю желанием познакомиться. Тут Буров страшно заволновался и стал на меня просто-таки кричать, что я не имею никакого морального права, что его, Бурова, специально и отдельно просили быть именно со мной, что Алинские замечательные люди, и так далее. Я очень не люб-

лю, когда на меня кричат, но Буров всегда умудрялся кричать так, что его становилось сильно жалко. К тому же он, действительно, сделал мне в жизни достаточно хорошего. Правда, я не уверен, что всегда совсем бескорыстно, но остальные небескорыстно делали в основном все же плохое, а Буров никогда. Короче, я немного послушал его крики и согласился. Тем более что не на электричке ехать, а Буров, оказывается, уже договорился с Гадуками, они захватят нас на своей «Волге» и потом непременно развезут по домам. Гадуков я знал, они люди хорошие, только слишком гостеприимные. У меня в свое время с их дочкой роман был. Очень бурный, но совершенно платонический. И я, как проявивший благородство, посчитал возможным принять от них транспортную услугу. Буров казался счастливым.

В субботу за мной заехали довольно рано, чтобы успеть к обеду. Уже на трассе пошел дождь, но мелкий, движению не мешал, а в машине тепло, уютно, музыка играет, и дождь никого не расстроил. Мы прибыли далеко не первыми, но оказалось, все равно поспешили. Хозяева почему-то задерживались. Ворота на

участок были открыты, около них уже стояло множество машин. Приглашенные столпились на большой открытой веранде, кто стоял, кто сидел, кто к стене прислонился, и ждали, так как дверь заперта. Но при этом люди светские, между собой в большинстве знакомые, потому нетерпения не выказывали, мало ли что могло Алинских задержать, а непринужденно переговаривались самым изысканным образом. Я посмотрел — кроме Гадуков, больше ни с кем не знаком, хотя многих в лицо знаю и слышан, но это еще не повод. Оставил Бурова общаться и пошел бродить по участку.

Участок у Алинских великолепный, соток пятьдесят, и именно то, что я люблю, никаких тебе садов-огородов, а просто кусок запущенного лиственного леса, который особенно хорошо смотрится как раз в середине осени. Дорожки, однако, аккуратные, выложены бетонными плитками. Кое-где попадаются столики со скамейками. Я побродил не без удовольствия, такое, знаете, меланхолическое настроение обуяло, даже уходить не хотелось. Однако, наверное, уже пора, и я вернулся к дому. Но ничего не изменилось, только народу на веранде стало

больше. Дождик, хоть и совсем мелкий, но я тут, смотрю, единственный в плаще, остальные явились налегке, из-под навеса носу не кажут. Беседа как будто не менее оживленная, но в ней уже проскальзывают нотки нетерпения. Да и действительно, говорили, к трем, а сейчас около четырех. Нехорошо.

Я опять пошел в заросли. Кусты влажные, ветви у деревьев томно провисли, земля листьями усыпана, и запах от них чуть прелый, очень приятный запах. Выбрал я себе скамейку, с которой сквозь лес веранда просматривается, видно не совсем четко, но когда всех позовут, понятно станет. Сиденье на скамейке мокрое и тоже в листьях, а спинка массивная и довольно чистая, вот я и присел на эту спинку, у плаща воротник поднял, шарф поплотнее затянул — очень даже удобно, и воздух свежий.

Так я посидел, подышал, мысли всякие хорошие в голову лезут. И подходит ко мне одна женщина в больших очках. Рядом села. Мы разговорились. Я женщину эту видел до того несколько раз, но представлен не был. Да она бы тогда со мной и знакомиться не стала, это очень шикарная женщина самого высокого

круга. Но тут на нее, видать, тоже настроение нашло меланхолическое, к тому же я оказался среди приглашенных к Алинским, да не просто, а на традиционный осенний прием, значит, не просто так человек, уж во всяком случае, если потом когда придется свидеться и поздороваться, хоть не сильно скомпрометирую. Вот и познакомилась.

Мы о чем-то там парой слов перекинулись, потом одну сигарету на двоих выкурили, это, знаете ли, сильно сближает, но скоро на спинке сидеть ноги затекли, а в дом, смотрим, еще не зовут, пошли вглубь участка размяться. Я держался вполне прилично, со скупающе-добродушным выражением лица, оно таким спутницам как раз соответствует, но надо быть изысканно вежливым, хотя и чуть рассеянным, иначе можно сбиться с тона. Но я обычно не сбиваюсь.

Поголяли мы действительно хорошо, она оказалась бабой вполне нормальной и в такой естественной обстановке особо не пыжилась, выяснилось, что даже совсем не глупа, про остальное я уже не говорю. Оба мы остались довольны, но начали слегка замерзать, даже

она, хоть и в непромокаемой куртке на теплой подкладке, а что про мой плащик говорить, он много лет назад греть перестал. Пошли к дому в предвкушении теплых комнат и горячего обеда. На веранде никаких изменений, хоть и начало шестого. Только разговоров поменьше.

Я извинился, спутницу мою покинул, отозвал Бурова в сторону. Слушай, говорю, ты, как хочешь, а я поехал домой, нагулялся, и делать мне здесь больше нечего. Хамы, говорю, твои Алинские, если только, конечно, они в автомобильной катастрофе не погибли. Но и тогда смысла ждать особого нет. Буров так и вскинулся. Ты, кричит, не можешь меня сейчас покинуть, это, кричит, бесчеловечно, да и наверняка какая-то важная и чрезвычайно уважительная причина Алинских задержала, вон, смотри, все ждут и ничего, а тебе, кричит, обязательно надо людей обидеть.

А тем временем на веранде наметилось некоторое оживление. Там создалось нечто вроде особого комитета под предводительством одной известной эксцентричной дамы, очень влиятельной, перед ней даже в свое время сама Алинская не то, чтобы заискивала, но оттенок

наличествовал. Так вот этот комитет как будто совещался, слышались уверенные голоса и настоячивые восклицания, наконец, было принято решение, о котором дама торжественно объявила народу.

Оказалось, на веранде, я отсюда не видел, стояло несколько стареньких дачных шкафчиков и тумбочек, кто-то от нечего делать дверцу одного из шкафчиков открыл, и там обнаружилось немного еще вполне пригодных к употреблению коржиков. Принялись тогда смотреть дальше и нашли большой кусок сыра, банку варенья смородинового и три огурца. Вот комитет и постановил, пока суд да дело, слегка заморить червячка, разделить все наличествующие запасы строго поровну, для чего была создана специальная комиссия из четырех человек. Они встали вокруг тумбочки, и к ним выстроилась очередь. Сама дама — председательша — руководила вареньем; найденной тут же старой алюминиевой ложкой она, не скупясь, доставала из банки кусок засахарившейся массы и оделяла каждого. Кто двумя пальцами брал, кто сразу губами хватал — особо не чинились. Рядом Гадук, у него перочинный ножик оказался, отре-

зал ломтики огурца. Какой-то незнакомый мне старец профессорского вида отламывал кусочки сыра тонкими холеными пальцами исключительной чистоты. Девушка, похоже, его дочь, а может, и не дочь, крошила коржики. Кто это все так, отдельно съедал, кто хитрые сэндвичи придумывал. Не толкались, без очереди не лезли, но и своего не упускали, кушали.

Буров побежал порцию получать. Я даже дорогу на станцию не успел у него спросить. Ладно, найду как-нибудь. К тому же у меня еще одна мысль появилась. Может, удастся уговорить шикарную женщину тоже уехать. Она здесь на машине, без спутников, сама за рулем. Но, конечно, при всех с веранды ее увести не удастся, слишком уж демонстративно получится, нам демонстрации ни к чему. А вот подожду-ка я ее на «нашей» лавочке, если сообразит и сама подойдет, тогда все в порядке, а нет, так и, слава богу, один доберусь.

Я посидел еще некоторое время на спинке скамейки. Смотрю, по дорожке к веранде идет какой-то молодой, длинный, со всклоченной шевелюрой. И громко так заявляет всем. Я, мол, специально приехал сюда со своей едой,

чтобы не подумали, будто на Алинские харчи польстился. Но поскольку такое дело, желаю принять участие и жертвую в общий котел. Тут достает из кармана несколько репок и протягивает Гацуку. Все оживились, Гацук репки аккуратно разрезал и раздал. Их съели.

А шикарная женщина про меня, видать, совсем уже забыла. Ладно. Встал и направился, было, к воротам. Но тут вдруг в доме во всех окнах разом вспыхнул свет, распахнулись двери, из них пахнуло теплом и запахом невиданных яств, а на пороге появилась сама мадам Алинская. Ах, тысяча извинений, щебетала она, так уморилась ожидаючи, так убегалась готовючи, только на секунду прилегла отдохнуть, и как провалилась, спала, ничего не слышала, и Алексис тоже, оказывается, заработался у себя в кабинете, совсем очумел, отключился, ничего не соображает. А вы давно ждете?

Все ее кинулись уверять, что только приехали, что ничего страшного, что с удовольствием подышали свежим воздухом и так далее. И тут же ломанули в комнаты. Первой дама-председательша наострилась, за ней Гацук с супругой, профессор мелкой рысдой побежал, сзади

его, наверное, дочка в обнимку с репковым парнем. Остальные, впрочем, не отставали, только шикарная женщина чуть задержалась, мне даже показалось, что оглянулась пару раз по сторонам, но потом тоже кинулась — холодно же.

И двери закрылись. Я грустно стоял под засыпающим деревом и думал. Мысли мои были отрывочны, но четки.

...Жалкие, ничтожные люди, не имеете никакого чувства собственного достоинства, даже не поняли, что вас специально хотели унижить...

...А может, и еще хуже, все прекрасно поняли, но не захотели показать вида, потому что у каждого есть на это свои причины...

...Как хорошо быть гордым и независимым, ни от кого ничего не хотеть, довольствоваться имеющимся и пользоваться единственной привилегией — высоко держать голову...

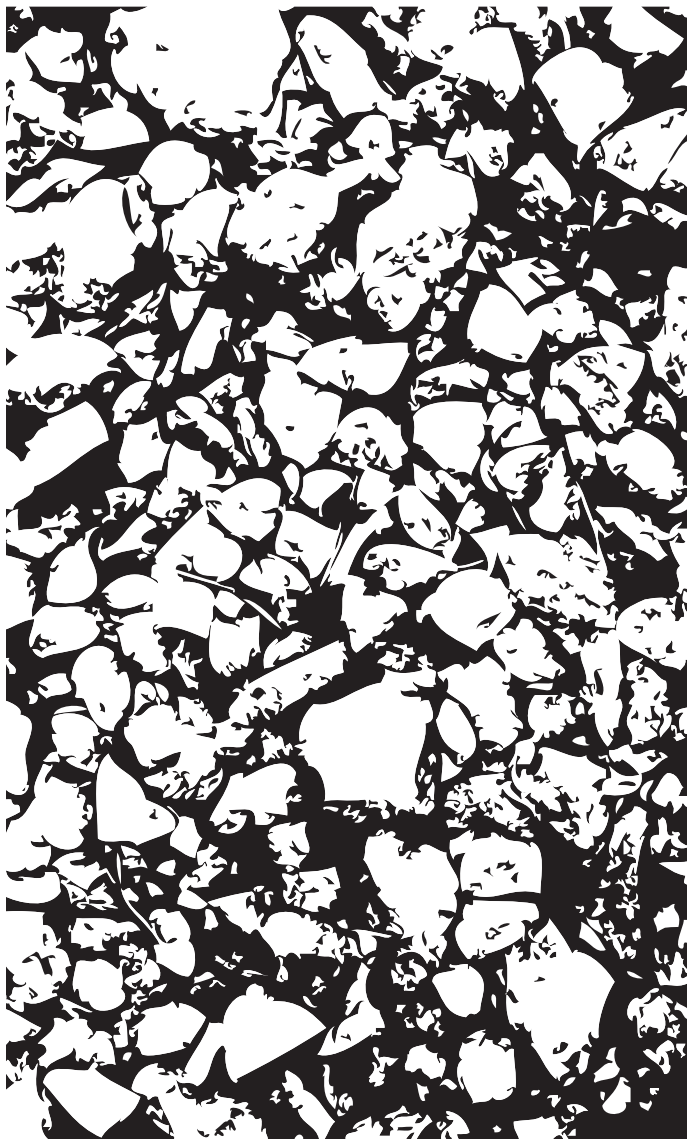
Эх, думал я, как это хорошо, и какие же они дураки, что не понимают. А ведь все так просто.

Я встал, поднялся на веранду, подошел к двери и громко, уверенно постучал. Створки тут же распахнулись. Сама мадам Алинская кинулась мне навстречу. Какое счастье, кричала она,

я уже Бурову чуть голову не отвинтила, что не сумел вас привезти. Какой же вы молодец, что все-таки сумели выбраться, тут все, ну буквально все, будут счастливы с вами познакомиться, без вас этот вечер... Ах, вдруг всплеснула она руками, да ведь я и сама еще не успела представиться.

— Это ничего, — успокоил я, снимая плащ с помощью хозяйки и проходя в залу, бросившуюся на меня блеском огней в хрустале.

— Это ничего. У вас еще будет время.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Только головой она кивнула,
Он увел ее из-под венца.
И по церкви покатались два кольца,
И в истерике забились карабины,
И метнулась кавалькада от крыльца.
Только головой она кивнула,
Он увел ее из-под венца.
Только головой она кивнула,
Он поднял округу на дыбы,
Верстовые вспыхнули столбы,
Мастера готовили гробы,
Хоронить невинно убиенных,
И на век проклявши окаянных,
Старики перекрестили лбы.
Только головой она кивнула,
Он сказал: Ты будешь мне женою
С этого мгновенья навсегда.
Пред тобой открою города,
Пред тобой глаза свои закрою.
Только головой она кивнула,
Отвечала, сдерживая стон:
Мир застыл в тоске по Аполлону,
Милый мой, из страшного полона
Я ушла на крыльях опаленных
Не за тем, чтоб в новый пасть полон.

Только головой она кивнула,
Он ушел, не поднимая взгляда.
В ночь ушла шальная кавалькада,
Всадника оставив у дороги,
Женщину, поникую в седле.
Молча вслед коням она глядела,
Губы извивая в немоте.
Только головой она кивнула.
Мир застыл в тоске по Аполлону.
Мы ушли из страшного полона
На крылах, любовью опаленных,
Не затем, чтоб в новый пасть полон.

ЗИМНИЕ ВИДЫ СПОРТА

I. ЛЕД

На поезд до Москвы он успевал, но билетов в кассе уже не было, а возиться и что-нибудь придумывать не хотелось. Тем более, что часа через полтора пойдет электричка. Долго, но надежно. И оставалось время поесть, не ел он уже давно. В двух шагах от вокзала высился свежий небоскреб гостиницы с модным названием. Зал ресторана оказался пуст и вызывал радость, пока не попалась на глаза табличка о санитарном часе. Пришлось вернуться в зал ожидания и жевать резиновые пирожки. Запить их не удалось. Очередной раз пожалел, что не курит, сейчас бы хоть закурить, может, не так мерзко стало бы во рту. Но начинать курить ему уже поздно.

Наконец, объявили нужную электричку. Тогда он встал, отыскал в зале окошечко почты, купил конверт с листом бумаги и тут же, на приступочке, покрытом линолеумом с фантастическими лиловыми разводами, написал письмо строк в десять-двенадцать. Запечатал конверт, опустил его в оказавшийся рядом ящик. Посмотрел сквозь грязноватое стекло в хвост уходящей электрички, вышел на привокзальную площадь и сел в такси. В это время на площади свободных такси много.

Еще в пятницу Нина Сергеевна почувствовала, что, кажется, дождалась. Впрочем, казалось ей это уже неоднократно, и она ничуть не удивилась бы, если бы на завтра все опять растаяло. Но не только не растаяло, а просто более идеальное зимнее утро трудно себе представить. Она вскочила мгновенно, только проснувшись, наскоро умылась, сделала пару глотков молока и стала одеваться. Коньки приготовлены уже давно, прекрасно наточены и, уложенные в элегантную спортивную сумку, ожидали в передней.

Этот год получился не из самых удачных. Нина Сергеевна долго болела, ранней вес-

ной подхватив какую-то неприятную ангину и не сразу обратив на нее должное внимание, нарвалась на осложнения. До этого у нее со здоровьем вообще редко бывали какие-либо сложности, легкие пакости привыкла переносить на ногах и почти с возмущением спрашивала врачей, что они тут придумывают, ведь она никогда не болела. Почти извела их этим искренним недоумением, пока в очередной раз участковая толстуха, продлевавшая бюллетень и более ничего делать не умевшая, не сказала ей довольно резко, что даже красивым женщинам полезно иногда задумываться о возрасте.

Из-за болезни сорвался летний отпуск и еще многое. Уже осенью в какой-то очень дефицитный пригородный санаторий предложили ей путевку на работе. Лили дожди, ехать не хотела, но врачи очень советовали, даже настаивали, она согласилась и прокляла потом это свое согласие. Хотя условия оказались отличными и кормили хорошо, но публика в сочетании с погодой доводила до воя. Когда же, дней за пять до конца срока, два аккуратных товарища предпенсионного срока в почти оди-

наковых двубортных костюмах постучали вечером к ней в номер и пригласили на танцы, Нина Сергеевна запихнула, не глядя, вещи в чемодан и швырнула ключ на стол ни в чем неповинной дежурной. Долго стояла на шоссе в ожидании попутки, промокла насквозь и сильно продрогла, но обошлось это для нее без последствий. Видимо, несмотря ни на что, пребывание в санатории все же дало положительные результаты.

И с нетерпением ждала наступления зимы. Казалось, когда кончится эта мерзкая слякоть, когда можно будет притронуться острым лезвием к чистому гладкому льду, нелепости уйдут в прошлое, и останется только жмуриться от солнца и ветра. Пусть даже будет ветер. Но осень затянулась, и лишь в начале декабря ударили морозы. Сразу, неожиданно и очень сильные, градусов под тридцать, с метелью. Резко повысилась атмосферное давление. Раньше слова о давлении в прогнозе Нина Сергеевна автоматически пропускала мимо ушей, но теперь они имели для нее значение. Почтя неделю не то, что на каток, из дома выходить было трудно. Людей сдувало у остановок, и за такси платили

вдвое. А затем опять началась оттепель, и все растаяло. Казалось, неразберихе этой уже не будет конца.

И вот все стало на свои места. Уже три дня Нина Сергеевна звонила по утрам в Парк, и ее обнадеживали — заливаем. А в пятницу сказали совсем уверенно, что если ничего необычайного не произойдет, то в субботу обязательно откроют. В субботу же не стала и звонить, такая была погода. Специальная погода для открытия катка.

Троллейбус подошел сразу. В метро почти пустой вагон. И второй троллейбус, уже прямо до парка, ждал на остановке. Нина Сергеевна купила билет за двадцать пять копеек на каток для начинающих не потому, что она была начинающая, а потому, что там раздевалка удобнее, есть буфет, и лед не так изрезан, на беговых коньках не пускают. Хотя сегодня лед пока не мог оказаться изрезан нигде. Не успели еще.

На скамейках раздевались всего несколько человек. Первый день, не все знают об открытии, да и время раннее по выходному дню, часа через два-три здесь сесть будет трудно. Нина

Сергеевна вынула из сумки коньки, попробовала еще раз на ноготь лезвие, хотя, что там пробовать, заточка идеальная, но попробовала. Поставила пока на скамейку. Стянула сапожки, нарочно надела невысокие, чтобы места меньше занимали, уложила их в сумку, сняла куртку и пошла к гардеробной стойке. Милый, совсем еще мальчик, оторвался от книжки, с безукоризненной предупредительностью взял вещи и вручил зеленый пластиковый квадрат с белыми цифрами. Нина Сергеевна засунула номерок поглубже в задний карман брюк и вернулась к своей лавке.

Обычно она зашнуровывала «Ботас» предельно туго, любила жесткое положение стопы и мечтала о фирменном монолитном пластиковом комплекте или хотя бы таллинском, но за фирменный просили триста пятьдесят, и она пока не решилась, а в Таллине связей не было. Однако сегодня в самом начале шнуровки Нина Сергеевна сделала послабление, нога после большого перерыва могла заболеть от перетяжки, а то и опухнуть, но зато под конец затянула в свое удовольствие, аж кончик языка от усердия высунув. Встала, переступила с ноги на ногу на

резиновом ребристом коврикe, поправила свитер, проведя обеими руками вдоль бедер, надела шапочку, аккуратно упрятав под нее пряди, варежки сунула пока в задний карман и пошла к выходу на лед. Мальчик из гардероба внимательно посмотрел ей вслед.

Играла музыка. Какая-то. Посреди поля изящная дама учила сына лет шести модным пируэтам. Он стоял и смотрел. Еще несколько пар маячили вдоль оградительной сетки. Нина Сергеевна сошла с деревянного помоста, потом медленно, не отрывая лезвий ото льда, проскользила пару метров, прижала ладони к бедрам, чуть согнув руки в локтях, слегка подалась корпусом вперед и резко оттолкнулась правой. Все так и было — чистый лед с голубизной дорогого фарфора, и солнце, и слабый, почти мягкий ветер, от которых приходилось щуриться.

После первых десяти полных кругов она заставила себя вернуться в раздевалку. Уходить не хотелось, но инстинкт самосохранения уже во многом начинал подсказывать Нине Сергеевне меру. В зале приятно пахло свежей кожей и горячим столовским кофе, который имеет запах

только для человека с мороза. Подошла к буфету, взяла два стакана, отнесла их на лавку, села, поставила с двух сторон от себя, нагнулась, расслабила шнуровку на ботинках, с наслаждением вытянула ноги, откинулась на спинку и стала пить кофе.

Дыхание не сбивалось, усталость не приходила, Нина Сергеевна делала круг за кругом, не снижая скорости, и лишь изредка отклонялась, на резком вираже обходя неуверенных малышей, да и не только малышей, которых все больше стало появляться на пути. Пришла легкость и, наконец, совершенная уверенность, что осень кончилась. Время приближалось к полудню, захотелось есть, щеки обветрились и горели, и вообще, хватит для первого дня. Все. Нина Сергеевна подошла уже к настилу и взялась рукой за перила, но оглянулась и, заранее прощая себе самой слабость, решила на последний круг. В этот момент крохотная девчонка в очаровательном платьице фигуристки, не рассчитав сил, слишком быстро сбежала с настила и, не умея еще тормозить, ударила Нину Сергеевну сзади по коленям.

Падала она очень плохо, плашмя, спиной, со всего размаха, но в последнее мгновение, в какой-то невысказанной уже позе, движением конвульсивным и несвойственным человеческому телу, успела хоть немного сгруппироваться, перенести центр тяжести на бок, и удар получился не таким уж страшным. Резко заныла правая рука, но в первый момент Нина Сергеевна даже не обратила на это внимания. Быстро отряхнулась, пошла в раздевалку, взяла вещи, переобулась и направилась к танковке.

Ждала долго. Начала мерзнуть. Уже у метро почувствовала, как распухает и немеет рука, и решила взять такси. Никак не могла поймать, только время потеряла и спустилась все-таки в метро. Дорога утомительно затягивалась. Наконец, добралась до дома, разделась, посмотрела руку, локоть немного распух, но вроде ничего страшного, постояла полчаса под горячим душем, замотала волосы полотенцем, напилась горячего чая и прилегла. Она решила, что просто надо слегка отдохнуть, и все будет в порядке. Ни в коем случае нельзя расстраиваться от мелких неприятностей. Главное — держать

себя в руках, не распускаться, делать то, что положено, и тогда опять же все-все будет в порядке.

На следующее утро Нина Сергеевна получила письмо.

СПРАВКА

Сначала я даже хотел сделать этот случай эпизодом романа. Рука не поднялась. Потом думал соорудить рассказ. Какое-то внутреннее чувство все время мешало. Никак не мог отделаться от мысли, что тема слишком мелкая, а происшествие уж очень заурядное. Но оставить все это совсем без последствий не хотелось. И потому я выбрал самый легкий способ. Просто перескажу событие вкратце и таким образом отделаюсь.

Анна Петровна работала заведующей отделением в детской больнице. Ей было сорок девять лет. Имела мужа, подполковника, преподавателя в военном училище, и дочку Лену,

успешно закончившую десятый класс. Все они носили фамилию Приходько.

Доктор Приходько и на работе, и дома, и в кругу знакомых всю свою жизнь отношения с людьми строила на основе двух основных понятий — долга и честности. Она твердо убеждена, что основное предназначение человека — выполнить долг и быть при этом кристально честным. Подполковник Приходько убежден в этом, возможно, и не меньше жены, но говорил о сих материях много реже. Так же и Лена, наверняка, не без данных убеждений, но вот твердости материнской ей явно не хватало, так как, правда, только в исключительных случаях, могли появляться сомнения. Впрочем, все эти тонкости совершенно не мешали монолитности семьи. Как не помешало и произошедшее. Это прошу запомнить особо.

Лена с детства мечтала быть врачом. Уже одно это в достаточной степени показывает, какое влияние на нее имел пример матери. Но крохотный оттенок — она хотела стать хирургом. С ранних лет не лишенная некоторой предприимчивости, а так же не без чувства, что данным качеством в семье обладает она одна,

Лена еще в десятом классе несколько раз ездила в медицинский институт, пообщалась там со студентами, даже умудрилась с кем-то из членов приемной комиссии, и уяснила для себя один непреложный факт. Попасть просто так девчонке после школы на хирургическое отделение шансов нет практически никаких.

— К нам собирается поступать дочка профессора такого-то, заведующего кафедрой, круглая отличница, и то, может быть, не поступит, — говорили ей, но Лена сделала из этого неожиданный вывод, что дочка профессора, может быть, и поступит, а вот ей, тоже, кстати, круглой отличнице, хорошо бы быть еще и чьей-нибудь дочкой. Но поскольку она была всего лишь дочкой своей матери, и сделать с этим ничего уже нельзя, то Лена решила использовать на крайний случай этот не слишком значительный факт. Дело в том, что больница, где работала Анна Петровна, хоть и была самая обычная городская, не какой-то там всесоюзный научный центр или известнейшая специализированная клиника, но больница с очень хорошей репутацией, а отделение, которым конкретно заведовала доктор Приходько,

и вовсе такое, что далеко не везде есть, и с отличной импортной аппаратурой. Многие люди, чьи дети имели заболевание по профилю этого отделения, питали к доктору чувство самой глубокой благодарности и продолжали дарить цветы на 8 Марта даже после выздоровления детей. Тем более, что выздоровление редко бывало полным, но не по вине доктора, а просто по болезни. И вот среда этих людей встречались фигуры городского масштаба, и их слово могло помочь решить многие вопросы. Потому Лена и решила обратиться к матери с просьбой, чтобы кое-кто из этих людей позвонил кое-куда по поводу хирургического отделения. Но мать категорически отвергла противоречащую ее принципам просьбу.

— Всегда всего нужно добиваться своими силами. И быть там, где это нужнее всего нашей стране. Нельзя идти нечестными путями. Бери пример со своих родителей. Мы с отцом всегда выполняли свой долг. Всю юность провели по самым захолустным гарнизонам и военным городкам, а если и оказались здесь, то только тогда, когда этого потребовали общегосударственные интересы. Мне стыдно за тебя.

Уже в тот момент некоторое сомнение начало закрадываться в душу дочери. Она была не совсем уверена, что не нужна стране в качестве хирурга. Или уж, по крайней мере, что государственные интересы более требуют на этом месте видеть дочку профессора, чем дочку заведующей отделением в детской больнице. Был и еще один нюанс. Подполковник иногда любил, в особенности во время суточных дежурств жены, пригласить кого-нибудь из приятелей и выпить с ним на кухне по рюмке-другой водки. Обычно человек крайне сдержанный и молчаливый, он порой во время таких застолий позволял себе несколько удариться в воспоминания, а поскольку голос у него командирский, то, даже совершенно не желая подслушивать, Лена вынужденно получала обрывки кое-какой информации. И по этим обрывкам у Лены могло сложиться впечатление, что из захолустного гарнизона на преподавательскую работу в центр подполковник попал не сам собой, а пришлось предпринять для этого все же кое-какие шаги. И шаги эти были предприняты отнюдь не без некоторого влияния, а возможно, и помощи жены. Но впрочем, существовал риск, и риск

большой, что впечатление это вовсе ложное, так как информации все же явно недостаточно.

Но впечатления впечатлениями, однако, будучи девочкой практического склада ума и не получив должной поддержки, Лена не стала пробивать стенку лбом и подала документы на фармацевтическое отделение. Туда она успешно сдала экзамены, совершенно самостоятельно, даже репетиторов не потребовалось, да и на них родители не пошли бы, предупреждали заранее. Студенткой стала Лена очень хорошей и старательной, целыми сутками пропадала в институте и библиотеке, первую сессию сдала на отлично, вторую тоже. Но практический склад ума, о котором упомянуто, не давал ей покоя, и одновременно с самыми усиленными занятиями она предпринимала еще кое-какие шаги.

Я забыл упомянуть, что Лена была прекрасной спортсменкой. Играла по первому разряду в волейбол и, оказавшись студенткой, дела этого не забросила, а даже наоборот, всячески совершенствовалась и вошла в сборную команду института. Старание девочки во всех вопросах и ее спортивные успехи обратили на себя внима-

ние, ее сообразительность во многих нюансах, даже напрямую не относящихся к учебному процессу, оказалась правильно понята, кроме того, возникли и некоторые личные взаимоотношения. Короче, после первого курса появилась у нее возможность перевестись на хирургическое отделение и стать там второй особой женского пола после дочки профессора, которая, как ни странно, все же туда поступила.

Но возможность эта была пока довольно абстрактная, для перевода требовался хоть какой-то формальный повод, а его как раз и не хватало. Но один умный человек, из тех именно, с кем Лена завела личные взаимоотношения, подсказал: хорошо бы достать справку, что у девушки имеется аллергия на определенные виды химических соединений, а потому фармацевтом она работать никак не сможет.

С идеей этой Лена опять пошла к матери. Все врачи местной районной поликлиники ей хорошо знакомы, а заместитель главного врача даже иногда бывала в гостях и считалась если не другом дома, то уж приятельницей вполне. Но мать и в данном вопросе оказалась привычно непоколебимой:

— Нельзя начинать свою жизнь с обмана! Если ты окажешься достойной перевода на хирургическое отделение, то пусть это произойдет, но только исключительно по причине твоих личных достоинств, а не из-за доставаемых мной каких-то липовых справок.

Лена подумала, подумала и решила, что принципы матери начинают мешать ей жить уже всерьез. Она испытывала к ним всяческое уважение, но не видела в себе стремления к тому же идеалу. Потому рискнула, так как выхода другого все равно не было, и пошла сама на прием к этой самой заместительнице главного врача. Заместительница Лену знала еще с пеленок, встретила крайне благожелательно и выслушала чрезвычайно внимательно. Но ответила нечто, крайне Лену удивившее:

— Леночка, очень нехорошо с твоей стороны меня обманывать. Ну, сказала бы честно, зачем тебе нужна такая справка, я бы ее, конечно же, дала. Но придумывать какую-то несусветную историю с переводом на отделение, где ты и так давно учишься...

— С чего вы взяли, будто я учусь на хирургическом? — спросила Лена.

— Ты не учла, что твоя мама всегда мне все рассказывает. И еще скажу тебе, для любого другого человека подобный поступок еще можно чем-то оправдать, но, прости за грубое слово, вранье в устах дочери такой матери, это уже просто...

Видимо, второго грубого слова воспитанная заместительница главного врача районной поликлиники не нашла. Дело в том, что в кругу знакомых она как раз славилась своей воспитанностью.

ОШИБКА СТАРШИНЫ ВАСИНА

Жизнь участкового милиционера на селе полна неожиданностей и внутреннего драматизма.

Старшина Васин совершил ошибку и переживал этот факт тяжело, явно неадекватно тяжести самой ошибки.

Впрочем, фраза о старшине Васине с полным правом могла быть первой, а предыдущая,

о жизни — второй. Читал недавно кого-то из отечественных новеллистов, писателя, считающего себя (да таков он, видимо, и есть) большим мастером стиля. Пишет, что первая фраза в рассказе — главное. Что она задает тон всему повествованию, и тот, кто ошибется в первой фразе, сфальшивит, задаст неправильный ритм или внесет оттенок не того настроения, уже далее не сможет сказать желаемое, никак не выправит испорченное и обречен на неудачу. И наоборот, верная первая фраза гарантирует от ошибки и сбоя, она не даст уйти сторону, замельтешить, убережет от соблазнов разбросанности, обеспечит завершенность и гармонию. Были в этих рассуждениях еще какие-то сравнения с музыкой, упоминались доминанта, мажоры и миноры, но тут я слаб, и потому хорошо не запомнил. Основное же, думаю, пересказал верно, и полагаю, писатель, конечно, прав.

Дело не только и не столько в ритме и настроении, и не в стиле, о коем вообще понятие имею смутное, и кроме многозначного, но по сути довольно пустенького выражения «человек — это стиль», навряд изложу что-нибудь путное. Нет, гораздо важнее другое. Человек,

начинающий рассказ и произносящий или пишущий при этом уверенно первую фразу, ту самую, которая только и может быть первой, заявляет тем самым окружающим, а, значит, должен быть убежден и сам (здесь речь идет только о честных рассказчиках, о прочих — отдельный разговор), что знает правду. Знает точно, с чего началась данная история, и берет на себя власть, а, следовательно, и ответственность отместить все предыдущее. Вот потом уже действительно не помогут никакие ретроспекции. Они лишь расписка в собственной беспомощности, в невоспитанности ума и неприученности его к порядку. Короче, взял на себя смелость воссоздать что-либо произошедшее, будь уверен в своем знании истоков.

Именно с этим у меня тяжелее всего. Вознамерившись написать всего об одном только довольно непродолжительном по времени и незначительном по последствиям эпизоде из долгой жизни старшины Васина, я сразу же ощутил полную свою неспособность одной единственной фразой, той самой, первой, разрубить надвое происходящее, исключить, отбросить, а значит, признать недостойным внимания и не имеющим для нас значения все то, что предшествовало

эпизоду. Предшествовала же довольно долгая жизнь человека, может быть, и не очень богатая особо интересными и значительными событиями, но и не совсем серенькая, вполне, надо сказать, достойная жизнь, поскольку говорить я хочу именно об этом человеке, то можно ли хоть что-то в нем понять без этой, уж для него самого точно самой значительной жизни?

Но с другой стороны, я совершенно не собираюсь создавать подробнейшего жизнеописания Петра Васина, у меня нет ни желания, ни возможности проследить все нюансы становления его характера, выработки его мировоззрения и жизненных принципов. А многого я попросту не знаю. (Кстати, насчет принципов: первой в рассказе вполне могла стать и такая фраза: «Старшина Васин жизненные принципы имел твердые».)

Впрочем, только ли в жизни старшины дело? И тут у меня нет необходимых твердости и уверенности. А не имеет ли каких прав на наше внимание купец первой гильдии Шутов, создатель нового архитектурного стиля, загадки которого до сих пор занимают специалистов? И стоит ли так уж отмахиваться от поручика в отстав-

ке Ключева, погубившего лучше годы жизни в борьбе с Лысой горой? А замечательная парочка — оба хороши, что архитектор, что инженер-путеец, насчет путейца я совсем в растерянности, судьба этого человека известна мне плохо, но именно его вспоминаю я чаще всего, совершая нелегкий путь от Быкова к Роговцу и произнося, порой даже громко, нехорошие слова.

Но все же тут много от лукавого, вполне можно изложить занимающее меня в данный момент событие кратко и просто. Старшину Васина обидел Петька Мокеев, пацан, знакомый Васину с пеленок. Петька разбил стекло в станционном здании рядом с буфетной стойкой (разбил нарочно, а не во время какой-нибудь мальчишеской игры, да никакими мальчишескими играми Мокеев давно уже не увлекался), и буфетчица Рюхина доложила о том старшине. Васин позвал Петьку, но Петька так клялся в своей невинности, что Васин один из немногих раз в жизни поверил на слово. В этом и была его ошибка. О том, что именно ошибка, узнал он очень скоро, совсем случайно от самого Мокеева, так что сомнений не оставалось. Старшина переживал настолько тяжело, что, совсем

растерявшись (а только полной растерянностью можно объяснить обращение Васина к чувствам правонарушителя), воззвал к совести Мокеева. Петька же, вместо хоть какого-то намека на виноватость, нагрубил Васину, и Васин расстроился еще больше.

Вот, собственно, и вся история. Смысл ее (то есть не ее смысл, он мне неведом, как никому неведомо то, что не в нем самом произошедшее, да и то, что в самом, впрочем, тоже под вопросом, а тот смысл, который я хотел вложить в рассказанное) заключается в том, что человеку на старости лет не стоит менять своих привычек и заниматься делом, ему несвойственным. Например, участковый милиционер не должен пускаться в дебри возрастной психологии, а его задача более стремиться к неукоснительному соблюдению норм социалистической законности на вверенном участке. Иначе даже при самых благих намерениях могут выйти одни неприятности.

Мысль, конечно, не нова, но не новизной мысли тѣшилсѧ блеснуть. Я хорошо отношусь к Васину, он мне приятен, мне приятны люди, подобные ему, а таковые существуют, и их много,

как существует и само подобие, что бы там ни говорили о неповторимости и уникальности личности человеческой; уникальность существует, но и подобие тоже. Так вот, по хорошему моему отношению хочется если не успокоить, то предостеречь от других ошибок и Васина, и прочих, а то, может, и в самом деле успокоить — Мокеев пойдет в армию, его там воспитают, а грызть себя попусту нечего, ты всей своей жизнью уважение заслужил, и не таким пустякам его поколебать. Хотя, впрочем, урок все же извлечь не мешает.

Разбитое стекло — вообще чепуха, да и Рюхина тоже хороша. На этом поставленную задачу считаю выполненной, и следует лишь разъяснить еще несколько нюансов, касающихся вопросов второстепенных, менее всего интересных Васину, так как в большинстве своем они ему известны. Может быть, несколько развлекут они читателя, но в основном, конечно, потребны мне самому для уяснения — почему так сильно расстроился старшина (хорошее умное слово «неадекватно» я уже раз использовал, а жаль, оно и тут к месту).

Первый нюанс относится к тому, что и Рюхина тоже хороша. Правда, недавно в новой

части Быкова комбинат закончил строительство Дворца культуры, и было торжественное открытие с речью и концертом, но традиции это особенно не поломало. В старом Быкове клуб давным-давно стоит, клуб хороший, не какая-то развалюха, а каменное здание на семь окон по фасаду и большая пристройка для кинобудки. Кроме кино, там и хор, и кружки, и лекции бывают, надо сказать, что работа по организации досуга молодежи на территории быковского сельсовета поставлена на должном уровне. Конечно, когда начинался комбинат, и у них там не то, что кино с лекцией, а по первости помыться негде было, то сложности появились. Но потом положение нормализовалось, теперь и вообще нечего говорить, ДК отгрохали такой — итальянскую оперу можно привозить.

Но опера не приезжала, а традиция осталась: в самый сильный мороз Быковские собирались на станции. Собственно, компаний в поселке было несколько, но именно быковской считалась только та, что набиралась из ребят от пятнадцати и до армии, живущих по дворам старого Быкова. Кто жил в новом, звались комбинатовскими и ходили в другие места, а кто постарше, никак

уже не назывались, делились не по жилью, а по работе, и о них другой разговор. Так вот Быковские издавна имели обыкновение в самые сильные морозы отогреваться в зале ожидания необычно шикарного для такого поселочка вокзала (я имею в виду, конечно, прежние времена, теперь-то здание это для нового поселка стало казаться маленьким на фоне корпусов комбината, да и в самом деле пропускная способность вокзала перестала устраивать, уже много лет возводят рядом новый, но что касается красоты, он все равно старому в подметки не годится).

Но тут стоит сделать небольшое отступление и пояснить, откуда в Быкове появился такой вокзал. Да, собственно, вокзал вовсе и не Быковский, его тут нипочем оказаться не должно. Как, впрочем, и самой железной дороги. Это все роговецкие купцы виноваты. То есть когда-то, конечно, роговецкий купец был, что надо, и за ним бы дело не стало.

Город Роговец расположился на правом берегу притока великой реки, думаю, даже пораньше основания Москвы и уж точно прежде самых первых упоминаний в летописях нынешнего областного центра. И приток никто при-

током не называл, рекой только, да он и был рекой, мощной, судоходной для самых больших по тем временам судов. Через город проходил один из важнейших торговых путей с севера на юго-восток, хорошел кремль, строились посады и слободы, процветали ремесла, и местный купец не знал горя. Но шло время, сместились на Руси центры, мелела река, и потихоньку отходил Роговец на вторые, третьи, а там уже и совсем несчетно какие планы. Народ беднел и разбредался — дела особого не было — и остался под конец самый минимум, те только, для которых наситенность места много важнее его активности. Так тянулись века.

Однако за века эти город приобрел новую славу. Тишина здешних мест в сочетании с дивными рощами по пологим холмам и умиротворяющим журчанием медленной речки не могла не привлечь желающих уединения и покоя. А поскольку дачников тогда еще в больших количествах не имелось, то таковыми желающими оказались монахи. И вдоль высокого берега один за другим росли монастыри. В основном небольшие, уютные, с тихой трудолюбивой братией, с настоятелями, далекими от жела-

ния вступать в какие-то отношения, а тем более конфликты со светской властью. Оказалось, впрочем, несколько и крупных, но славящихся особой строгостью устава. И к концу прошлого столетия Роговец совсем определился как место захолустнейшее, но чудной красоты и великой нравственности. Видно, это и привлекло купца Шутова, когда оказался он в затруднительном положении.

Ну, по правде говоря, особо затруднительным это положение, как, впрочем, и любое другое, для Шутова не было. Надо знать Шутова. Да и купцом-то настоящим он, по сути, не был. Вот отец его — тот действительно был купец. Нажил миллионы, а из детей только сына Сашку. Сын особого воспитания не получил, образования тем более, для него готовилась родителем узкая сфера деятельности, но старик промахнулся, умер, когда Сашке еще и семнадцати не исполнилось. Опекун взял на себя дальний родственник, но не докучал и даже не ограбил, как выяснилось впоследствии, с умыслом. Женил на своей единственной дочке. И тоже не бедной. Но весьма убогой по всем прочим статьям. Вскоре умер. Так оказался в молодых еще

довольно летах Шутов с несметными деньгами, процветающим делом и тоскливым семейством на руках безо всякого над собой начала.

Тут и проявился его дурной характер. Дело он поручил нескольким неизвестно откуда взявшимся ловким ребятам с мутными верными глазами, строго цыкнул на поднявших было вой матушек да тетушек, посадил с ними безгласную жену с тремя к тому времени уже отпрысками, положил в карман большую сумму наличности и — укатил в Европу. Дальнейшие годы его жизни темны. Колесил он много, наведывался и в Россию, бывал в столицах, ненадолго заезжая даже в родимый Нижний, но чем занимался, толком сказать трудно. Два факта лишь несомненны и вызывают некоторое удивление. Во-первых, ловкие ребята вели дело с толком, и если для себя наворовали порядочно, то и Шутова не обидели. А во-вторых, Александр Петрович ни в каких крупных карточных проигрышах замечен не был, и не потому, что не играл, играл он как раз довольно много, а просто чаще выигрывал. Таким образом, когда на горизонте блуждающего купца появился Роговец, состояние батюшкино не только не расплылось, но

значительно приумножилось, и Шутова продолжали по-прежнему не без почтения именовать первой гильдией.

Впрочем, сначала, конечно, на горизонте появился не Роговец, а Надежда Любская. То, что она не Любская, все знали, но вот как на самом деле — никто. Говорили даже, что из дворян, да так про многих говорили. Она играла на театре в постоянной труппе крупного города, имела большой успех и еще славилась совершенно редкостными в то время среди актрис образованностью и строгостью поведения. Так что даже, по мнению самых досужих и недоброжелательных, там не то, чтобы стандартная картинка нарисовалась — окрутила актриска богатого купца, он ее и купил. Нет. Про меж них серьезная любовь была, и это потом подтвердилось.

Но любовь любовью, а делать что-то было надо, жена есть жена, да еще дети, тогда по темноте своей такими мелочами не пренебрегали. Ехать за границу Надежда Андреевна отказалась, то есть скататься туда, погулять — вполне, и катались, но вот место жизни хотела иметь постоянное в России. Сцену согласилась, по настоянию Шутова, бросить сразу, к тому

же намечался ребенок, и они его очень ждали. В общем, при рассмотрении со всех сторон оказалось, что более удачного места, чем Роговец, когда тот случайно попался на глаза, не найти. И Шутов начал строить там дом.

Дело велось не по дедовским заветам, а на полном серьезе и с невиданным давно в этих местах размахом. Выписали из столицы настоящего архитектора — Ивана Карловича Штернберга. Он-то и создал дом, а можно по праву сказать, что и дворец, стиль которого в последние годы так заинтересовал сначала просто любителей старины, а потом и солидных историков архитектуры. Утверждают даже, что здесь предугаданы многие находки Ле Корбюзье и еще кое-что из времени последующего, вплоть до недавних изысков Нимейера. В сочетании, однако, с серьезными казаковскими традициями, с «русской классикой». Даже термин такой стал появляться — «шутовской стиль», хотя архитектором-то был Иван Карлович. Но с другой стороны, может быть, есть в термине этом и доля правды; как сей стиль создавался, я позже расскажу, а пока несколько слов о самом Штернберге.

На самом деле известно мне о жизни этого человека крайне мало. Мать его была самая что ни на есть русская, из семьи тамбовских чиновников, такие ямочки имела по щекам — ну, просто утонуть в этих ямочках. Отцовы предки обрусели во времена незапамятные, и если что от родины хранили, так только фамилию да лютеранство. А при столкновении с тамбовскими нравами и от последнего пришлось отказаться. Осталась одна фамилия. Правда, носил ее Иван Карлович с превеликой гордостью, так как отца почитал за идеал, и от него, тоже архитектора, унаследовал свою неистребимую тягу к гармоническому совершенству. Учился Штернберг везде, где только можно, и в России, и по заграницам, и всюду имел одни самые хвалебные отзывы о прилежании и способностях. Потом начал строить, поначалу даже не без некоторого успеха, но оказалось слабое знание жизненных реалий, а еще более финансово-психологической стороны вопроса (в России почему-то финансы — вещь обычно довольно сухая и считающаяся чуть ли не олицетворением абстрактности, — неизменно и очень быстро обрастают таким количеством мудреной психологии и парадоксальной конк-

ретенности, что сам не замечаешь, как остаешься без штанов). Пошли у Карла Ивановича кое-какие неприятности, начались неувязки в делах, а на последнем он чуть было попросту не сел. Но главное даже не это.

Главное, что смущало Штернберга, и более того, совершенно выводило из равновесия, лишало уверенности, как в собственных силах, так и чуть ли не в верности извечным идеалам, — это полная невозможность создания гармонии не только жизненной (с этим бы еще он смирился, а, вернее, даже и не заметил бы при успехе в основном), но архитектурной. Нет, он был совершенно не из тех творцов, что во имя воплощения какой-то своей отвлеченной идеи готовы жертвовать насущными интересами бытия и приходят в отчаяние, если идея вступает в конфликт с этими самыми интересами. Да и архитектура не то искусство, что может позволить настоящему мастеру совсем уж избежать утилитарности. Более того, Штернберг хотел построить дома красивые и практичные не в такой последовательности, чтобы сначала красивые, а потом удобные, нет, он желал, чтобы непременно и то, и другое вместе, и даже в первую оче-

редь обязательно практичные, но и непременно красивые тоже. Правда, возможно, понятия о красоте у него были своеобразные, тут ничего сказать не могу, я, к сожалению, никаких творений раннего периода не видел (да если бы и видел, у меня самого с этими понятиями непростое), но желание Штернберга несомненно, а вот оно-то каждый раз роковым образом спотыкалось о преграды непреодолимые. И еще ничего, если бы преградами этими служило нечто принципиальное, если бы его понятиям, его системе эстетических ценностей оказалась противопоставлена какая-то другая система, другие понятия, но четко сформулированные, с собственной мерой, собственными точками отсчета. Тогда Иван Карлович мог бы спорить, мог бы отстаивать свою правоту, что-то доказать, а с чем-то, возможно, и согласиться, так как был он отнюдь не фанатик и вполне подвержен убеждениям логикой, если она превосходила его собственную.

Но вот как раз никакой системы ему никто не противопоставлял, даже наоборот, все его мысли, и не просто какие-то там отвлеченные мысли, а воплощенные в самых конкретных чертежах и даже моделях, вызывали всяческое одобрение,

да что там одобрение, серьезные люди готовы были вкладывать серьезные деньги. И вкладывали. Но потом начиналась какая-то полная чушь и нелепица. Все хвалили, все соглашались, а работать никто толком не давал. С изначальными проектами происходили какие-то незаметные и совершенно немислимые превращения, портик тихонечко преобразовывался в бортик, фронтон в фонтан, фонтан в балкон и, наконец, ну, скажите на милость, откуда взялась эта башенка, ну, совсем никакой башенки тут быть не должно, а вот выросла себе и все, да еще криво. И хоть бы нужна для какого дела, ну, пусть на луну с нее ясной ночью любоваться, так и то нет, не взберешься, а все равно — стоит башенка.

Но пока честные (по мере сил) подрядчики еще попадались — ладно, а как один хапнул лишку, совсем лихо стало, чуть прямо всех не замели (о чем упомянуто). Так что для Штернберга Шутов оказался весьма кстати, он все улаживал и сулил свободу творчества. Для купца же, впрочем, архитектор этот тоже получался вариантом идеальным. Не какой-то там талант доморощенный, а солидный специалист с блестящим образованием и даже некоторым именем

соглашался на неопределенный срок забраться в совершенную глухомань и создавать там нечто небывалое. Заинтересованные стороны поладили довольно быстро к взаимному удовлетворению, и в Роговце началось грандиозное по местным масштабам строительство.

Да, но прежде чем начать рассказ о самом строительстве, следует упомянуть (чтобы яснее было дальнейшее) об одной большой мечте Ивана Карловича. Он хотел построить вокзал. Вокзалов тогда по России было мало, да и по Европе не густо еще, но не количество их желал увеличить Штернберг, а общее стилистическое направление не устраивало. То есть, его не устраивало, что совершенно новая суть, новое понятие, связанное с коренной ломкой привычных представлений о времени и пространстве, совершенно новое бытие, создать которое грозила железная дорога и связанная с ней скорость — все это вместе взятое никак не могло обрести соответствующую форму, не реализовывалось в требуемом архитектурном решении. Вокзалы были красивые, даже были среди них очень красивые, но это были красивые дворцы, павильоны, гостиницы, рестораны, постоялые

дворы — все, что угодно, но только не вокзалы. А Штернберг хотел создать нечто, ничем уже иным, кроме вокзала, быть неспособное. И даже не только хотел, но имел на этот счет кое-какие конкретные идеи.

Недавно разработанная классификация Мельникова полностью устраивала Ивана Карловича. Ведь теперь архитектурные конкурсы по оформлению железнодорожных станций грозили только первому и второму классам, и Штернберг мог заняться любым остановочным пунктом третьего, например, класса, без риска борьбы с Кекушевым или Красовским. Нет, он ни в коем случае их не боялся, его не устраивала сама идея конкурентной борьбы, когда выбираемый изначально становится в зависимость от выбирающих и неизбежно несет груз этой зависимости в свою работу. И нарядные деревянные домики с обилием разных деталей, и пришедший им на смену «кирпичный стиль» были данью вкусам общества, а не потребностям дороги. А Штернбергу нужна свобода, и ради нее Иван Карлович многим готов если не пожертвовать, то сильно поступиться. Но пока он строил дом для Шутова, и происходило это так.

— Ваня, дорогой! — весело орал Шутов, дико вращая глазами и бегая по шатким мосткам, перекинутым через груды строительных материалов. — Да ну его к чертовой матери, этот ордер, что он тебе так дался?! Мне тут кресло поставить надо будет, у меня тут кресло, понимаешь, задумано. Лаже два. И стол. Может, мы тут с тобой в карты играть станем, ведь ты любишь играть в карты, а, Ваня?

— Да не люблю я играть, — хныкал Штернберг, — и не играл никогда, нет у меня твоих денег... И причем тут карты?..

— Нет, так будут, это ты брось, а деньги не уйдут, деньги — это тьфу, и в карты научишься, потому ты колонну эту убери, на кой она тут сдалась, эта колонна, мне тут еще и лампу вешать, нет, ты, пожалуй, две убери... точно две, а то темно играть будет. И верхнюю залу надо длинше, Надежда Васильевна говорит, что там толком и польского не спляшешь, не то, что какой приличный танец, а у нас люди собираться станут, мы не бирюки все же, хотя какие в этой дыре люди... А все равно длинше надо, вон туда, вперед длинше делать, уж тут она права...

— Куда длиньше-то, — пел на высокой тоскливой ноте Иван Карлович. — Куда длиньше-то, куда вперед, ты, Сашенька, очумел, там и так от стены до стены, там стена капитальная, понимаешь ты это, несущая!

Шутов на мгновение замолкал, как бы споткнувшись о серьезность аргумента, но лишь на мгновение, а затем, чуть опустив глаза и стараясь не встречаться с архитектором взглядом, произносил несколько тише, но с твердостью, не оставлявшей более возможности для пререканий:

— Ты, Ваня, вот что... Ты стенку, Ваня, это... Подвинь стенку...

После чего Штернберг еще некоторое время внимательно разглядывал заказчика, а затем молча и тихо уходил работать. Так рождался шутовский стиль в архитектуре.

Тут нужно еще заметить, что Ваня и Сашенька стали звать друг друга по имени и перешли на «ты» очень быстро после знакомства, буквально даже через несколько дней после знакомства, что было крайне странно по тем временам, да и не во временах дело, а уж очень разные они люди, и в наш фамиллярный век им

с трудом далась бы близкая дружба, тем более в столь короткий срок. А ведь тут и дружбы-то не получилось, так что совсем непонятно. Впрочем, догадка одна существует. Они сразу же стали вместе работать, именно вместе, так как Шутов исполнял, кроме функции активного заказчика, еще множество других, связанных с поставкой материалов и даже конкретно с организацией строительства. (Вообще постановка строительного дела той поры, особенно в провинции — вопрос чрезвычайно интересный, и мне жаль, что не могу уделить ему здесь достаточно внимания). Работа же для обоих этих людей была на удивление фактом несколько запредельным, хотя и по разным совершенно причинам (Ну вот, вдавайся теперь в рассмотрение причин, а тут все-таки не роман, да ладно, пока пусть так, а там, может быть, само собой прояснится, хотя интересно, как это что-либо может проясниться само собой?), но этой своей запредельностью давала им возможность с несвойственной во всем прочем легкостью переходить границы некоторых условностей, но только исключительно с теми, в ком в свою очередь видели они нечто подобное. Друг в друге увидели

сразу, это не трудно было, так как и не скрывалось сильно, и вообще такие люди обычно чувствительны, в современном значении слова, а не в смысле «сентиментальны». Ну да ладно, все это по боку, и в самом деле, не роман.

Пора добраться, наконец, и до Николая Сергеевича Ключева, местного жителя, поручика в отставке, обитавшего на краю города в небольшом, но очень прочном и удобном собственном доме вдвоем со старшей сестрой, не слишком хорошего здоровья девушкой лет пятидесяти, которая без помощников вела там по мере сил несложное домашнее хозяйство. (Это, между прочим, странно: что ни поручик в отставке, так обязательно сестра на шее, тут закономерность, занялся бы ею кто).

Вышел Николай Сергеевич в отставку давно и не по какой-то истории в полку, и не по обычным семейным обстоятельствам, когда после смерти родителя надо срочно браться за дела в запущенном имении, а так, без всякой видимой на то причины, придумав для отвода глаз какую-то болезнь, от коей никогда в жизни более не лечился. Родители, впрочем, у Ключева действительно умерли, но произошло это давно, еще в

юнкерстве. И имение было, хоть крохотное, но на редкость справное, и доходов с него хватало на жизнь, правда, очень строгую, но чистую, хотя, кто знает, может, и больше доходов могло давать имение, только владелец там почти не бывал, получал с арендатора без запроса и даже хотел продать, только покупателя не находилось. Дом, однако, имел на окраине Ключев не по особой бедности. В Роговце тогда и со своими средствами мог вполне место выбирать, но именно сам и выбрал, по соседству с Лысой горой, которую тоже купил, правда, уже совсем за бесценок.

Лысая гора есть, собственно, вовсе и не гора, а так, холм, и даже не очень большой, но со своей легендой. Будто бы проходили когда-то через эти места войска Чингисхана (может быть, чьи-то и проходили, я не такой большой знаток истории, только чингисхановские точно не проходили), и умерла некая очень любимая им женщина. При жизни особенно славилась она красотой груди, и убитый хан приказал на ее могиле насыпать холм, чтобы формы он был такой же, как грудь покойницы. И непременно руками, без всяких орудий, дабы не прикасалось к груди ничто грубое. Прошли несметные орды,

кинул каждый из воинов горсть земли, и получился необыкновенный холм. Сам же хан три дня на его вершине просидел без пищи и рыдал горячими слезами. И такие они были горячие, и так пропитали землю, что стала она непригодной ни дня чего живого.

Легенда данная со всех сторон, надо сказать, так себе, ни особой красотой, ни большой оригинальностью не отличается, но что любопытно — холм действительно очень похож на красивую женскую грудь (хотя на нее похожи все холмы правильной формы, но этот уж очень сильно) и, самое главное, на нем и вправду совсем ничего не растет. Ученые даже как-то анализы делали, думали, почва чем-нибудь особенная, так нет, обычная почва, никто ничего понять не может. Вокруг сплошные леса, заросли всего, что только бывает, а прямо у подножья Лысой, как ножом, проведена черта, и никакая травинка, никакой даже бурьян паршивый через черту не переходит.

Гора находилась на монастырской земле, и у монастыря Ключев ее купил за какие-то совершенные копейки. Впрочем, и копейки были непонятно зачем им заплачены, монастырь и так

позволил бы делать с горой, что угодно, она ни для чего практического совсем и не нужна, так отошла когда-то вместе с лугом по случаю, но поручик непременно хотел ее именно купить. И купил. А за свои последующие занятия заслужил в городе репутацию чудака и не от мира сего, но ученого. Надо сказать, что ни тем, ни другим он не был.

Прежде всего, для чудака Николай Сергеевич имел совсем неподходящую внешность. Вершков около 12 росту, обладал он прекрасной фигурой, но отнюдь без излишней солдафонской прямизны и натянутости, а наоборот, держался очень вольно, но опять же не в дурном тоне, а чрезвычайно изящно, даже «не по чину и средствам», как заметил ему в свое время полковой командир после очередного смотра. Прекрасные, немного волнистые светло-русые волосы, чуть большей, чем принято, длины, обрамляли иконный голубоглазый лик, оттененный, однако, тонкими порочными губами, постоянно слегка тронутыми весьма далекой от праведности улыбкой. Да и в самих очах часто появлялось нечто, заставлявшее любого сразу же отбросить всяческую мысль о каких бы то

ни было чудачествах или отрешенности от мира. Что же касается учености, то и ей как будто особенно неоткуда взяться, не более, чем у каждого армейского офицера без всяческих потуг на академию генерального штаба. Впрочем, ходили слабые слухи о каких-то книжных завалах по столам ключевского дома, но слухи эти исходили от лиц, черпающих информацию из просветов в занавесках мерцающих по вечерам окон, а потому не заслуживают особого доверия. В самом доме никто из посторонних не бывал, но если бы даже и бывал и подтвердил бы наличие завалов, то и это ни о чем конкретном не сказало бы, владение книгами и даже чтение, как известно, не имеют никакого отношения к настоящей образованности.

Но основой создавшегося мнения было, естественно, нечто более серьезное, чем подглядывание в окна. Вскоре после приобретения Лысой горы Николай Сергеевич стал изредка появляться на ее склонах, обычно ранним утром, и то ли копал там что-то, то ли сажал, то ли поливал, одним словом, некоторая садово-огородническая деятельность прослеживалась явно. Однако никаких последствий деятельность не

имела, во всяком случае, наглядных, если только не считать последствием эту самую укоренившуюся за Ключевым, и еще раз уверяю вас, что совершенно ложную репутацию чудака.

И. К. Штернберг уверял как-то Ключева после нескольких больших рюмок водки в трактире Еремеева:

— У нас с тобой, Николай Сергеевич, много общего, да что там много, все общее, мы с тобой одно дело делаем. Дурацкое. Я строю дома там и тогда, ну, в смысле всюду нынче, где никогда и ничего построить нельзя, а ты сажаешь там, где ничего не растет. Только им, им-то, — он тыкал твердым своим, никогда не дрожащим пальцем в сторону кадковой пальмы с чисто вымытыми и блестящими, как у салата, листьями, — им все равно ничего не докажешь. Ты, может, устыдить думаешь? Или подвигнуть? Нет, брат, их не сдвинешь, эдакая махина, все без толку... Только ты не сдавайся! Это все равно, и не надо никому, а все ж ты не сдавайся, ты сей, даже если думаешь, что смысла нет, а смысла, понятно, нет, только, может быть, главный смысл и есть, то есть не в том смысле, что смысл, — окончательно запутывался Штернберг, язык его в отличие

от пальца не всегда оставался верен хозяину до конца, а Ключев продолжал подливать Ване, себя, впрочем, тоже не обижая, но в беседу особенно активно не вступал, а только улыбался изредка своей нехорошей улыбкой, да косился временами в сторону открытого окна, за которым душный июньский день тужился разродиться, наконец, нудной провинциальной грозой.

Еремеев трактир содержал на самую солидную ногу, заведение славилось чистотой, а также и кухней, хоть не очень разнообразной, но сытной и вкусной. Штернберг бывал здесь часто и затащил сегодня Ключева то ли на поздний завтрак, то ли на ранний обед с мыслью еще и выплеснуть очередную порцию накопившегося за последнее время недовольства фантастическим строительством. Каковую мысль он не без успеха претворял в жизнь так, что трапеза грозила перейти в ужин. И Иван Карлович даже начал с интересом поглядывать по сторонам, задумав, видимо, спросить еще графинчик. Но Ключев вдруг поднес к глазам часы, щелкнул крышечкой и решительно стал прощаться, ссылаясь на неотложные дела. Архитектор расстроился, но знал по опыту (а как ни странно, в некоторых воп-

росах, чаще всего, правда, не имеющих прямого отношения к его непосредственной деятельности, Штернберг был до чрезвычайности восприимчив к опыту), что противоречить даже в мелочах поручику бесполезно, и потому грустно махнул рукой, что половой, однако, воспринял как знак и графинчик-то притащил.

Ключев вышел из трактира решительной походкой действительно направляющегося по делу человека, но использовал ее недолго. Уже через четверть часа оказался он в дальнем конце набережной, хотя набережная — это, конечно, слишком громко сказано, так, довольно широкая тропинка вдоль берега реки, которую местные жители, имеющие к тому время и склонность, использовали для прогулок. По тропинке никто никогда деловой походкой не ходил, хотя бы потому, что из любого и в любое место в городе можно попасть значительно более коротким путем, а, значит, оказавшийся здесь изначально был человеком праздным и, следовательно, только в таком виде выглядел на берегу естественно. И Ключев, с присущим ему чувством органичного, сразу из активного ходока превратился в гулящего для моциона. Более

того, как бы невзначай заметив в тени большой липы укромную некрашенную, но по виду довольно чистую скамеечку, Николай Сергеевич присел на нее, даже скорее не присел, а сел со всей основательностью и принялся меланхолически наблюдать медленное движение вод.

Продолжалось это, однако, всего несколько минут, так как вскоре к скамейке приблизилась фигура в изящном летнем платье отнюдь не местного покроя под кокетливым, но и весьма полезным по случаю солнцепека зонтиком. Это была Н. А. Любская. Затем, несколько позади, показалась обычная ее спутница и подруга, обрусевшая англичанка с резким именем Джудит, с мутной биографией (не в отрицательном смысле), но точно известно, что именно подруга, а не приживалка или что-то в этом роде, хотя и жила она, скорее всего, на деньги Любской, вернее Шутова, но это, впрочем, в сторону, не до тонкостей тут.

Англичанка остановилась поодаль и, поверотившись к реке, принялась мурлыкать себе что-то мелодическое под нос (из Шопена). Надежда Андреевна подошла к скамье, слегка кивнула небрежно Ключеву и опустилась на кра-

ешек, изящным движением сложив зонт. Николай Сергеевич привстал, раскланялся, но тоже не очень по протоколу, а так, скорее изобразил вставание, и они сразу заговорили. В этом не было ничего странного, Ключев и Любская встречались до того неоднократно — и у Шутова, и еще в нескольких местных домах, хозяева которых выказывали либеральность и понимание новых веяний, принимая Шутова с гражданской женой (так это не очень точно определялось) подчеркнуто радушно. Так что были представлены и даже считались хорошо знакомы. Любская сразу изобразила светскую улыбку, заговорила быстро, чуть склонив голову к правому плечу и бросая отрывистые взгляды на Ключева:

— Помилуйте, Николай Сергеевич, это становится просто невозможным. Я ведь просила не писать мне ничего, и тем более не искать встречи. И тем более не требовать ее! Мы не дети, в конце концов...

Ключев отвечал, не поворачивая головы, и глядя все в ту же точку на середине реки:

— Вы ошибаетесь, Надежда Андреевна. То есть не в том, что не дети, про детей это вы как раз очень точно. А про то, что просили.

Я что-то не помню, чтобы вы в последнее время меня о чем-то просили. Даже запомнил, а мы вообще-то последнее время виделись?

— Ну, ладно, ладно, — муржила зонтик Любская и нетерпеливо дергала краем губ. — Ну, не виделись, ну, не сама просила, но ведь через Джудит передала, но ведь она вам сказала, ведь сказала же, что вы в формальности вдаетесь, да и скушно, наконец!

— Ах, вот оно как, значит, мне не показалось? А я-то, грешным делом, думал, что показалось, что мне через служанку приказание передали. Я сначала, честно сказать, так и подумал, и даже удивился несколько, а потом опомнился, нет, думаю, Клюев, совсем ты дурной, видать, человек, если такое может тебе показаться. Никогда Надежда Андреевна себе такого не позволит, если б захотела, что сказать, так сама не почла бы за большой труд, да и не за сто верст живем. Только вот не сообразил, что скушно... Тогда конечно...

— Перестаньте, ради бога, вы все прекрасно понимаете, и это не идет вам вовсе. И не через служанку, мне Джудит не служанка, и это вы тоже прекрасно знаете и кривляетесь прос-

то, и про соблюдение, кто сказал, и лично или нет, так вам все равно решительно, и зачем вы все это устраиваете?

— А я еще пока ничего не устраиваю. Я просто хотел слышать от вас, только от вас, заметьте, а не в передаче, только одну фразу, и тем не сильно затруднил, вы, между прочим, и так по три раза на дню здесь прохаживаетесь, так что и жертва невеликая на скамеечке посидеть.

— Вы опять этим тоном. Перестаньте. Давайте, какую фразу вам надо, и я пойду, и зря вы думаете, что мне все так легко, говорите, пожалуйста, скорее.

— Да, дело это нелегкое. А фраза совсем уж короткая, скажите только, что ничего не было, только вот не было, и все, и покончим с этим.

— И что вы опять — было, не было. Ну, не было. Ну, было. Но что было? Да, было, было! Жарко было и душно (тут часто жарко и душно — заметил Клюев вскользь, но Любская как бы не обратила на это внимание и продолжала на одном дыхании), Шутов уехал, тоска страшная, а я, да, я просто пустая и развращенная женщина, вы и это тоже прекрасно знаете, и знаете, что это главное, а жара и скука ни при-

чем, а тут еще вы рядом, такой замечательный, такой загадочный и никем не понимаемый, и с благородной идеей, мертвую землю оживить пытаетесь. Ну, а тут ко всему еще и взгляд мексиканский...

Клюев неспешно развернулся всем телом в сторону Любской. Она быстро неприятно поморщилась и заговорила еще торопливее и еще бессвязнее:

— Ну ладно, ладно, сама понимаю, что это гадко, вы вправду это все, и это с моей стороны дурно, я утрирую, и это совсем плохо, мне так, верно, легче, чтобы все то в комичном виде, но вы же сами прекрасно знаете, что там ничего комичного не было, но сейчас-то, что с того, вам-то что с того, ну было, было, ну что вам-то!

— Было, — без всякого выражения констатировал Клюев, — Так, значит, все-таки было. Да, а что это вы про мертвую землю (очень заинтересованно, как будто обратив, наконец, внимание на самое для себя важное), что за оживление, про меж нас, сколько помню, эта тема новая, не знаю что-то, чтоб раньше возникала... А впрочем, не надо, сейчас это чепуха. Мне ведь, знаете, что во всех ваших рассуж-

дениях любопытно более всего, это то, что вы меня как бы вовсе из расчета вычеркнули, вроде как сама согрешила, сама и покаюсь, а ты отстань, как-то все это ловко у вас.

— Да, ведь я Шутова люблю, где тут до ловкости, я ведь люблю его, и оттого все, и только!

— А было?..

— Ну, было, так ведь то было, нет, я не лгала тогда, правда, но и тогда любила его, ах, да вы же прекрасно все понимаете, только зачем вид такой делаете? А послушайте, Николай Сергеевич, — вдруг с неожиданной заинтересованностью продолжала она, даже чуть склонившись в сторону собеседника, — вы ведь сами-то вовсе меня не любите, и даже не любили, а? Вы ведь даже мне не говорили этого ни разу, правда, правда, я вспомнила, другое говорили, а это нет, и даже, когда...

Она резко встала, хотя из тени не вышла, но зонтик сразу раскрыла:

— Давайте, впрочем, закончим, что вы хотите от меня, наконец?!

— Ой-е-е-ей! — грустно и монотонно проговорил Клюев. — Ну, прямо прима на бенефисе. Ну, не буду, не буду, простите, это я и

вправду зря, по дурости, не обижайтесь. Но почему, собственно, вы вообще решили, что я от вас что-то хочу? Я ведь, кроме фразы одной, пока ничего не просил у вас, да и того толком не добился, а впрочем, у меня и в самом деле сейчас одна мысль появилась. Вы вот что, приходите-ка ко мне сегодня вечером, так, к полуночи ближе, только одна, без этой, вы способ найдете, я знаю, и долго не задержу. И затем у меня более уже никогда и никаких просьб и вопросов к вам не будет.

— Вы с ума сошли там, в своей норе, — с неженской даже злостью, трудно предполагаемой в столь милом существе, процедила сквозь зубы Любская. — Вы соображаете, что говорите? — но, как ни странно, не ушла в тот же миг, а продолжала стоять, быстро-быстро вращая лежащий на плече зонт.

Клюев улыбнулся вдруг широко и открыто, без всякого дурного намека, и даже глаза его, кажется, чуть-чуть потеплели:

— Да вам же самой лучше будет, коли придете!

— Вы, кажется, мне еще угрожать вздумали?

Клюев еще постоял несколько мгновений, все с той же улыбкой, потом резко погасил ее, сказал:

— Нет, — и быстро пошел прочь.

Любская повернулась и увидела, что Джудит стоит рядом и смотрит, не мигая, вслед Николаю Сергеевичу.

— Вы слышали, что он смел мне предложить?! — Надежда Андреевна даже ногой притопнула. — Нет, вы слышали, и чуть ли не требует!

Джудит слегка сощурила глаза, как будто для того, чтобы еще лучше запомнить удаляющуюся фигуру, а затем молча повернулась и тоже довольно быстро пошла в противоположную сторону. Следом тронулась и Надежда Андреевна, ничуть, впрочем, не удивившись молчанию подружки в ответ на свой вопрос, и даже не потому, что и вопрос-то был все-таки скорее риторическим, а просто такая манера поведения была в обычае у этой уж слишком обрусевшей англичанки.

Тем временем оставшийся за столиком в одиночестве Штернберг будто внезапно что-то вспомнил и, вопреки обыкновению своему,

решительно отставив в сторону заманчиво потеющий графинчик, спросил сельтерской и два сырых яйца. Приняв эти препараты, в чудодейственность которых свято верил, несмотря на бывавшие уже промашки, Иван Карлович удовлетворенно откинулся на спинку стула и принялся ждать благотворных результатов. Но ему недолго удалось предаваться этому замечательному занятию. К столу резким шагом подошел высокий человек в темном, наглухо застегнутом кителе, напоминающем о чем-то форменном, и решительно сел на свободный стул:

— Я уже битый час здесь прохаживаюсь, пока вы изволили плакаться в жилетку Ключеву, что, забыли о времени? Сами же назначали.

— Тысяча извинений, господин Саблин, и в самом деле из головы вон, то есть только касательно времени, о самой встрече не только что помнил, а готовился и все подробнейшим образом разузнал и выяснил.

— Что значит «разузнал», да вам разве разузнавать надо было, вы хоть с Шутовым-то поговорили, или опять экивоки какие начинаются?

— Говорил, говорил, ну, что вы так кипятесь все, Степан Степанович, я, может быть,

что не так излагаю, у меня с деловыми людьми всегда не очень выходит, вы мне помочь старайтесь, а вы кипятитесь, ведь и в ваших же, согласитесь, тоже интересах, чтобы помочь...

— Ладно, хватит, что Шутов сказал? Даст деньги, с другими говорить станет, у нас и вправду времени в обрез, сами знаете, так даст или нет?

Однако чем более торопился, чем более убыстрял свою речь Саблин и казался нетерпеливым, тем вольготнее и спокойней чувствовал себя как бы немного поначалу растерявшийся Штернберг. Наконец он даже налил себе рюмку водки (и не без удовольствия ее выпил.) Затем заговорил уже не только уверенней, но и с некоторой внутренней хитрецей, правда, для человека опытного довольно простодушной по явности выказывания:

— Конечно, у Шутова заинтересованность своя здесь может быть, да и пять тысяч — деньги для него невеликие, так как он, действительно, уже и с другими говорил, и положительно рассчитывает остальные пять с прочих причастных получить, только уж какой ни европейский он человек, а все же купец. А купец, сами знае-

те, просто так, за битое стекло радужную кинуть — это ничего, а как о деле разговор, так и копейку считать будет, не то что пять тысяч, а это при любых деньгах все ж, согласитесь, не копейка. Так что желательно бы и некоторые условия оговорить, и среди прочих то, о чем я вам в прошлый раз подробнее разъяснял.

Тут Иван Карлович от удовольствия собственной речи махнул еще одну, а Саблин посмотрел на него пару мгновений в упор и тоже спросил себе чистую рюмку. И тоже принял, но закусывать не стал, а только в рот себе помахал ладошкой, да чуть нахмурился:

— Это не Шутова условия, это ваши условия, а Шутову наплевать, это вы не придумывайте, а уж прочим, так совсем точно наплевать.

— А вот и не скажите. Шутов тут надолго и всерьез задумал. Вы по нему прошлому судите, а в нем нынче большие перемены. Здесь не времянка какая задумана, а постоянное место жительства, и потому многое становится небезразлично, что и вам на руку, но и к моим планам (а что они действительно более всего мои, так я этого и не скрываю) вполне подходит, так что условие с проектом непустое, как вам кажется,

да ведь и, если совсем прямо говорить, то мое посредничество тоже стоит что-нибудь, раз вам оно потребовалось, вы ведь практический человек, вы нестоющие вещи совсем не берете.

— Ну, посредничество, так это скорее дело формы, впрочем, я и изначально готов был некоторую сумму обговорить, вы сами воспротивились, но, конечно, что скрывать, нам через вас удобнее, потому, в крайнем случае, и доказательств никаких, только что-то пока таких случаев не бывало, хоть штука-то самая частая и обыкновенная, так что вы не очень-то дорожитесь. Да и с условием бы вашим мы не противились особенно, нам тут разницы большой нет, но вы же сами знаете — смета.

— Так у вас все равно типовых проектов-то нет, где же риск?

— Я разве про проект сказал, я говорю — смета! Да и какой тут проект особый может быть, не губерния же и не узловая даже, так если честно говорить, в общем масштабе не более, как полустанок, любому студенту пятирублевую дать — он планчик набросает, куда там вашему Монферрану, а артель у меня бывала, выведет по нитке, не подкопаешься.

— Ну, про пятирублевую это вы, уважаемый, загнули, я ведь тоже не совсем мальчик в таких делах, могли бы и осведомиться. К тому же приплюсуйте ту «некоторую сумму», о которой вы изволили вскользь упомянуть, так что тут получится довольно-таки уже приличная сумма, которую если приплюсовать к смете, а и она, я знаю, тоже не две копейки, то моя идея выходит уже и не такая фантастическая.

— Да главная-то фантастика и не в этом, главная фантастика, что не возьму я никак в толк, господин Штернберг, из чего вы-то бьетесь, ведь вся корысть ваша получается в том только, чтобы бесплатный проект сделать, а уж тут на нас свет клином не сошелся, да опубликуйте вы о своей такой корысти в газетах, к вам очередь в версту выстроится.

— Во-первых, проект делать мне не надо, он у меня готов, и вы его видели и имели возможность оценить, что уж в нем-то никакой фантастики не наблюдается. А во-вторых, корысть я вам свою объявил прямо и изначально, она в том, чтобы никто не смел мне мешать до окончания строительства, что должно вестись

полностью под моим надзором, и чтобы у меня были письменные гарантии. И более мне сказать вам нечего — коли порешим, так давайте хоть сейчас бумаги подписывать, в счет же остального мое слово верно, да вы и сами знаете. А нет, так нечего и попусту говорить, других соблазнов во всех ваших делах участвовать вы для меня все равно не найдете, и извольте тогда уже с Шутовым сами, денежки из ручек в ручки. Раз вы такие смелые, и все для вас «частое да обыкновенное».

С минуту они молча посидели, потом почти одновременно глубоко вздохнули и выпили еще по одной, но на этот раз и Саблин закусил.

— Послушайте, Иван Карлович, я, может быть, человек порченый, то есть, конечно же, порченый, только я все подвоха ищу, а найти не могу. Что же вы за каверзу-то придумали с этим условием? Вам это даже рекламы и то толком не даст никакой, ну подумайте, какая из этой дыры реклама? А проект ваш отличный, я ведь смотрел его, вы не думайте, что я все забыл, я еще понимаю кое-что, так зачем его бесплатно, его и за деньги у вас с руками оторвут, и за весьма приличные деньги...

— А, пустое это, это уже все было, и отрывали было, и за деньги было, вы знаете, сколько мне Шутов за здешние хоромы отвалил?

— Наслышан, потом многие слюнки роняли...

— То-то же. Так что не нуждаюсь. А вот строить не дают. Редактирование все одно, редактирование да цензура, это, понимаете ли, как Катков из «Бесов» «У Тихона» выкинул, слышали историю?

— Да я вообще-то в отношении литературы...

— Ну, бог с ней, с литературой, вот я насчет вас спрошу, вы-то сами, как все это видите, насчет своего дела, вас-то сомнение не берет, когда линейку по карте в сторону сдвигаете, коль переговоры неудачны выйдут?

— А что ж сомнения, когда тут вопрос чисто денежный.

— Про денежный, это я понимаю прекрасно, не о том сейчас говорю, но вот мне казалось всегда, что весь смысл дела вашего, путейского то есть, я имею в виду, в том состоит, чтобы скорость человеку дать, простор его расширить, расстояния сдвинуть, выплеснуть всю эту нашу глухомань чертову на широкую дорогу. Ведь это же не

простое дело, это дело тяжелое, я знаю, рельсы-то тянуть, и ведь вам все тоже даром не дается, а вот вы уже вроде и дотянули почти, а тут осечка. И будет станция в пятнадцати верстах? И не будет скорости, а одна видимость только ее?

Саблин выпил, не дожидаясь компании, но после этого уже решительно отодвинул рюмку и даже салфетку зачем-то сложил:

— Будет. В пятнадцати. Иначе никак нельзя, иначе потом никто платить не захочет. Тут главное — постоянство линии. Деньги тут.

— Опять вы все деньги да деньги. Про деньги я давно уже все понял. Да вам-то самому неужели не тошно иногда хоть, ведь тут разлад получается, тут без разлада никак, я не поверю, ведь вы живой еще, вам лет-то сколько, и сколько вам еще вот так-то, с разладом...

— Был у меня разлад, был, — шлепнул Саблин по столу свернутой салфеткой, — не время и не место здесь исповедоваться, а то порассказал бы я вам историй, одну особенно, про студента еще беспортошного, как первый раз тот студент под утро, после дружеской пирушки с речами и пением Гаудеамуса липовую схему чертил, не свою еще, тогда до главного быть

допущенным и не мечтал, но пара красненьких уже ждала приготовленная, а за стеной, не за стеной, впрочем, стен-то всего четыре было, за занавеской, дочка ныла, простуженная, а на врача нет, на лекарства нет... Были, были, все было, и разлад, и угрызения. Так, знаете ли, аж до третьего ребенка было. Потом прошло.

— Это старо и уже общим местом стало — на семью валить-то...

— А вы задумались бы, отчего это общее место, отчего вообще общие места получаются? В общем месте оригинальности мало, это верно, но вот мало ли в нем правды? У вас самого-то есть дети?

— Ну, это совсем, знаете, способ глупый, мол, если у меня нет детей, так я уже судить не могу. Эдак все на детей свалить можно. Это уже получается из серии «и кто же на его месте не убил бы»?

— Ладно, вот уже до чего договорились, не выйдет у нас все равно сейчас решения никакого, по теории, я имею в виду, так что давайте к нашим баранам. Поверил я вам отчего-то. С Шутовым осечки не будет?

— А от каких причин ей быть-то? Сколько он сюда всего вгрозил.

— И то, правда. Хорошо, пойду, раз в жизни, против правил, хоть и зарекался раз и навсегда любые обязательства давать только после того, как деньги в кармане, но и то сказать, таких чудных обязательств с меня никогда еще и не требовали. Так что пошли оформлять, документы готовы.

— Как, прямо сейчас?

— А что тянуть, сегодня все подпишем, а завтра придете с деньгами — из рук в руки, а я вам бумагу — вы мне бумаги. Ну, пошли, что ли?..

А в это время Надежда Андреевна сидела на своей половине (они жили не на купеческий манер, двумя половинами, но не из потуг к дворянству, а из взаимного удобства) дома, не нового, а временного, снятого до окончания строительства, и ждала Шутова, велела немедленно доложить, как он появится. Дела у нее срочного не было, она его сейчас по быстрому придумывала, но требовалось немедленно видеть Александра Петровича и говорить с ним, чувствовала, что именно это сейчас надо, после плохой встречи на берегу реки. И придумать пыталась поскорее что-нибудь важное, что позволило бы поговорить подольше, и на тему желательного отвлеченную, но ничего под-

ходящего не подвертывалось под руку. И когда Шутов, наконец, широким шагом вошел в комнату, она ничего лучшего не нашла, как спросить:

— Как тебе сегодняшняя жара, а, Саша?

Шутов кинул фуражку в угол дивана, сам плюхнулся на него шумно, отдуваясь, рассмеялся искренне, без всякой задней мысли:

— Ну вот причина, чтоб мне даже умыться не дать! Лукерья сказала, что тут чуть не пожар, я уж кинулся тебя из пламени вытаскивать, вели хоть принести попить что-нибудь холодненькое...

— Да нет, ничего срочного, Лукерья вечно что-нибудь напутает, просто хотела спросить, что там, наконец, с домом, надоело эдак на узлах сидеть.

— А ты, я смотрю, особо не сидишь, все больше прогуливаешься, да шучу, шучу, не хмурься, делай, что хочешь. А дом, что дом, он уж и закончен почти, сама могла бы посмотреть, отделки только на пару недель осталось, но, честно говоря, получилось, конечно, черт знает что, и даже винить некого.

— Ну, уж Ваня Карлович найдет, кого обвинить, он тут нылся у меня третьего дня, все

твою родословную вспоминал сгоряча, не посмотрел, что при даме. Крепко же ты, видать, кровь ему попортил.

— Уж кто кому больше попортил, еще неизвестно. Только ему и вправду легче, есть на кого свалить. Да ладно, нам за наши грехи и отдуваться.

— Вот именно, сам накуролесил, бог знает как, а отдуваться нам.

— Не ворчи, обживем — так, может, еще и понравится. И вообще, кто его знает, а вдруг это и есть как раз архитектура будущего — хоть и нелепо на первый взгляд, а на самом деле каждый закуток свое глубокое и специальное значение имеет? Только я еще пока несколько все же сомневаюсь...

— Что-то для меня в тебе это чувство новое, я про сомнение-то.

— А знаешь ты меня мало, вот и новое. Ты на срок или на силу чувств не смотри, тут это ни при чем, женщина мужчину всегда мало знает, пусть хоть и сама его родила, и сама глаза закрыла, и в промежутке от юбки не отпускала, а все равно — мало. И с домом этим — ничего нового, у меня так всю жизнь. Ты вот не лю-

бишь знать про мои дела, тебе скучным кажется, а хочешь, расскажу про самую первую мою сделку, может, и посмеешься даже?

— Коли обещаешь, что так не скучно, что даже смешно, то расскажи.

— Дело было в Швейцарии, в каком-то крохотном городке, сейчас уже и из памяти вылетело, а оказался я там совершенно случайно, по дороге то ли из Вены в Париж, то ли еще куда, только хватил лишку на станции, да и остался проспать в гостинице, гостиница, впрочем, как сейчас помню, была очень даже порядочная. А сам я, надо признаться, совершенно был тогда еще шальной и молокосос, хоть и мужем и отцом считался, только из-под опеки выбился и кроме гульбы знать ничего не желал, а от Европы ихней обалдел совершенно. Ну, просыпаюсь, значит, по утру, требую рассолу и узнать, когда нужный мне поезд отходит. Выясняется, что поезд только вечером, а про рассол они и не слышали. От таких плохих вестей разболелась у меня голова совершенно. И тут докладывают, что хочет меня видеть соотечественник, купец Воскобойников, случайно здесь оказавшийся и узнавший о моем прибытии. Прощу. Оказывается, отлично знал

еще моего батюшку и вообще к семейству питает самые теплые чувства. Ну, слово за слово, выясняется, зачем я ему потребовался. Говорит, есть одно дело, самое что ни на есть верное, и дает прекрасный барыш, чуть не двадцать копеек с рубля. Но меньше определенной суммы вложить там нельзя, а у купца не хватает пятидесяти тысяч. Предлагает мне войти в долю, а всех забот-то — пару дней работы да вексель подписать. Я фамилию эту слышал давно и знал, что фирма почтенная, что тут без надувательства, но по обычаю сказал, что подумаю, и вышел прошвырнуться. Двух шагов не прошел, смотрю казино с рулеткой. Захожу ради интересу и вместо завтрака за час около десяти тысяч выигрываю на одном «красном и черном». Пошел в ресторан здоровье поправлять, и тут приходит мне мысль: а что я буду себя каким-то делом морочить, если тот самый барыш без всякого труда уже в кармане держу. Приходит Воскобойников, ну как, спрашивает, надумал? Нет, говорю, простите, пожалуйста, но не буду, я уж эти деньги заработал. Как так? А вот так. И рассказываю. Он даже плюнул с досады. Купец ты, говорит, русский или шушера перелетная, все равно тебе,

выходит, что дело сделать солидное, коммерческое, что банк сорвать, что деньги потом и кровью нажитые на сукно ихнее паршивое швырять? Но не устыдился тогда, бросьте, говорю, мораль мне читать, сыт ею по горло, деньги есть деньги, а если вам так уж обидно, то могу просто занять вам эти пятьдесят тысяч, и даже без процентов, потому как вы батюшки покойного приятель, и вам всего на пару дней надо. Деньги он, правда, взял, видать и в самом деле сильно приперло, только плевать не переставал и все мне черт-те чего пророчил. Ладно, посмеялся я только, да тем же вечером и укатил. Меньше недели проходит, находит меня Воскобойников в Париже (точно, теперь я вспомнил, в Париж тогда ехал) и вручает мне мои деньги. А как дело-то, спрашиваю, он мнется чего-то, но тут же от сторонних людей узнаю, что дело, как ни верное было, а только прогорело и тысяч еще двадцать убытку принесло. Вот уж я над стариком поизмывался. Ну что, спрашиваю, кто из нас больший купец, кто денежку к денежке прибавляет, а кто в авантюры пускается, да потом и кровью нажитое бог знает куда кидает? Старик, а он мне тогда стариком казался, хоть ему и пятидесяти не было,

только побряхтывал, да и сказать-то нечего, а потом в Гомбург поехал и, слышал я, за неделю тысяч до двухсот в рулетку спустил. Около года я ничего о нем не слышал, а потом встретил уже в Москве, он, говорили, снова на ноги вставать стал, опять зашебуршился, дела какие-то пошли... В клубе с ним сошелся, после обеда, настроение хорошее, да и он весел, видать, обделал что-то удачно. Ну что, спрашиваю, не будете больше на меня сердиться, не будете больше сукном попрекать? Попрекать, смеется, не буду, как сам теперь в этом деле человек грешный, а мыслей своих все равно не изменю. Потому как меня тоже раз черт попутал, так это наше с чертом дело, а на самом деле смысл купца не в том, чтобы любым способом копейку к копейке, как ты в свое время выразился, а делать работу, торговать, товар из места в место перекачивать, промысла развитию содействовать и тем славу родной земли и мощь ее множить. Тот же успех твой, говорит, он и тебе и окружающим вреден, потому и меня прельстил, и тебя самого наверняка с толку сбил. Я вот на свою дорогу все же вернулся, и бог меня наградил, почти все уже возвратил, да скоро, может, и больше будет, а

ты вот, скажи по совести, сколько еще просадил на рулетке? Я, отвечаю, точно уже не помню, траты большие, только не меньше тысяч сорока выиграл за это время. Воскобойников не повесил вначале, но ему потом подтвердили.

— Что-то я никак до морали в твоей истории не доберусь, а про повесничанье твое той поры я и так наслышана.

— А вот, что касается морали, то с ней тут, действительно, тяжело. И, кстати, насчет повесничанья, то гулял-то я хоть и широко, да совсем недолго. Но главное, я стараюсь тебе объяснить свое понимание дела, тогда, при первой встрече с Воскобойниковым. От батюшки мне осталось, как ты знаешь, почти два миллиона, у жены свой капитал огромный, так что и дети будут обеспечены. И вот я прикинул поначалу: мне, даже если никаких процентов не считать и ничем не заниматься, так не меньше сорока тысяч в год выходит при самом минимальном раскладе, а так как я в любом гулянии горчицей рожки половым не мазал и от сторублевок не прикуривал, так это мне даже и с лишком. Так что трепыхаться-то? Но я уже и тогда другое чувствовал. Деньги-то это не просто бумажки кредитных билетов, не

просто кружочки желтые, я экономист плохой, знаний больших не получил, и в словах у меня, может, не очень точно, но это ведь и огромный труд, воедино собранный. Не только там родителя моего, а великого множества людей. Скажем, закупить я могу, ну, тысяч двести сапог. Так это и сапожники, что их шили, и кожевники, и пастухи — сколько сил и времени затрачено было, и все это у меня в руках. А что же тут купеческого чисто? Раньше — понятно, раньше все в чистом виде было проявлено, накупил, к примеру, купец ковров в Бухаре, ведет караван, от разбойников отбивается, верблюдыдохнут, тяготы терпит. Добрался до другого места, где ковров не делают, продал их дорожке и тем свой риск и труд в монету обратил. А теперь того чистого вида нет, во всем своя специализация, переправкой транспортная контора занимается, продажей магазин — а где же купец? А откупы, биржа, ценные бумаги — я ведь и на бирже играл — это только для одного голого барыша и от рулетки не отличается, дела, понимаешь ли, нет там никакого живого. Вот я тогда над Воскобойниковым смеялся, тем более, что в рулетку мне везло, а смеялся-то от собственной растеряннос-

ти, и деньги давили, не хотели лежать спокойно да на мою утробу тратиться, и ничем пустым заниматься я не желал. Только на самом деле Воскобойников-то кругом был прав. Однако чтоб до конца понять это, торговля должна в кровь войти, тут талант нужен, ты зря улыбаешься, и талант типа дирижерского, махнул палочкой — скрипки пока молчат, не пристало им еще время, теперь пока пусть духовые работают. А вот в этом месте ударные, но недолго, теперь опять духовые, а скрипки все ждут, но не волнуются, знают — ты своего момента не упустишь... Ну вот, теперь смеешься, так и знал, что только насмешу. Ладно, сейчас закончу, понимаю, что цельной картины все равно не получается. Пришел я все же к тому, что дело придется крутить, раз дана мне такая сила этими чертовыми деньгами. И с тем в Россию вернулся. А Воскобойникову второй раз так больше из шалости про рулетку сказал (хотя все правда было), и даже хотел его к одной оптовой закупке привлечь. Только он, говорили всерьез, что с расстроя от меня записал, но не сильно и не надолго, а потом у него чахотка открылась. Рванул с перепугу на воды. И там опять по дороге в Гомбург попал... Ну,

хорошо, смотрю развеселил я тебя окончательно (Любская и вправду весело посмеивалась, хотя будь менее жарко, Шутов заметил бы, что смех ее самую малость, но нервический), пойду холодной водой окачусь, может, легче станет.

— А мораль-то, мораль, — Надежда Андреевна даже за рукав купца ухватила, — без морали я тебя теперь не отпущу, сколько ты меня своими высокими рассуждениями мучал, а теперь так просто убежать хочешь?..

— Какая тут мораль, — весело пробормотал Шутов, играючи высвобождая рукав. — Вся мораль в том, что Воскобойников просадил последнее, да так и помер, детей нищими оставил, а я до сих пор сквозь все эти высокие рассуждения пробиться не могу, как только дело хочу сделать, так деньги сами еще прежде того приплывают, хоть на цвет ставь, хоть на цифру...

— Так ты же в рулетку не играешь давно?

— А, какая разница, что рулетка, что другое, объяснял ведь уже, наверное, просто не получилось, да ладно, правда, жарко, пойду, пусти...

И когда был он уже в дверях, Любская спросила, вдруг сразу сбросив все свои смешочки и тихо, но очень четко:

— Саша, а ты все сразу и на «зеро» ставить пробовал?

Шутов постоял мгновение молча, посмотрел внимательно на женщину и быстро вышел. А она продолжала сидеть и смотреть на медленно закрывающуюся дверь и слушать звук замирающих в глубине дома шагов.

Но сразу умыться и переменить платье Шутову не удалось, так как он застал у себя Штернберга, не терпящего выложить последние новости:

— Подписали! Сашенька, представляешь, все подписали, теперь они у меня при любой погоде не вывернутся! И Саблин даже не пикнул.

— Смотрю я на тебя, Ваня, и удивляться не перестаю, — сказал Шутов с крайне доброжелательной грустью в голосе. — Ну, чему ты радуешься? Облапошили тебя, как ребенка, взяли отличный проект бесплатно, и еще тебя же заставили этого добиваться. И Саблин твой жук, каких мало.

— Эх, да что проект, что деньги, проектов этих у меня знаешь сколько, да толку-то... Вот хоть насчет твоего дворца...

Шутов несколько потупился:

— Ну, ты тут особо не расстраивайся, вроде и ничего получилось, я сегодня еще раз специально ходил, смотрел, вроде ничего...

— Вот именно, что ничего. Ах, Саша, Саша, когда вы, наконец, практические люди, поймете, что не всегда и не во всем можете хоть что-то понимать! Ты вот считаешь, что меня облапошили, а у меня, может, первый раз в жизни возможность будет сделать, что хочу, без ваших умных советов.

— Постой, а мне, знаешь, какая сейчас мысль в голову пришла, а ты уверен, что у тебя так лучше получится, без советов-то, по полной воле? Ты подожди, не перебивай. Я в Москве с одним поэтом познакомился, ну, случайно, в компании, выпили тогда много, я всего не уследил, но главное, как мне кажется, запомнил. Он говорил, что если бы все люди стихам излагали, ну, размер там и рифма, все это было бы для каждого естественно, то и никакой поэзии вовсе бы и не было. Что даже белый стих только тогда стихом становится, когда он в языке не естествен. Ну, то есть надо обязательно, чтобы узда была, чтобы что-то направляло, пусть даже и вопреки, чтобы было с чем бороться. А если полную свободу дать, так ничего вовсе и не получится.

— Так ты себя для меня вроде как размером считаешь? Ну, насмешил. А Надежда Андреевна тогда, выходит, как рифма будет? Молодец, придумал...

Тут ударила, наконец, долгожданная гроза. И многое смыла. А вечером, поздно, сидел у себя Ключев в одиночестве и курил папиросу. Вошла Любская, скинула мокрый плащ (гроза довольно быстро перешла в нудный провинциальный дождик, как и предрекалось) прямо на кресло. Когда она первый раз была в этой комнате, в ту душную сумасшедшую ночь, многое не запомнилось, но осталось ощущение какого-то удивительного беспорядка, накиданных всюду бумаг, много стеклянной посуды причудливой формы и явно специального назначения, запахи, нельзя сказать, чтоб уж очень неприятные, но слишком резкие... Сегодня все обстояло совершенно по-иному. В комнате ни пылинки, огромный письменный стол стоял совершенно чист, и только очень дорогой шандал с шестью зажженными свечами громоздился на нем единственным украшением. Сам хозяин сидел на диване, тоже чрезвычайно аккуратно (почему «тоже» — потому что все в окружающем носило характер чрезвычайной ак-

куратности) покрытом чистым шерстяным клетчатым пледом, коего, как помнила Надежда Андреевна, прежде здесь не было. Перед диваном стоял маленький столик, на нем — открытая, но не тронутая бутылка с шампанским, два высоких бокала, пепельница и ваза с фруктами, какими, она точно не запомнила, хоть и отведала впоследствии тех фруктов. Любская сделала вперед два быстрых шага и остановилась перед не изменившим позы хозяином:

— Вот, вы хотели, и я пришла, что вам еще нужно? (Довольно глупо, надо сказать, для начала разговора.) Я сама не знаю, зачем я пришла, но хотелось бы верить, что имеющиеся у вас понятия о чести не позволят вам...

— Садитесь, Надежда Андреевна, — мягко перебил ее Ключев, — я вижу, что вы пришли, и очень этому рад, я ждал вас, и вот что, давайте сегодня вовсе без жестов (он подчеркнул это «вовсе») а то такой мерзкий дождь на улице... (При чем тут дождь, осталось совершенно непонятным). Садитесь. Мы с вами просто поговорим немного, выпьем вина, я помню, вы любите «брют», и спокойно пойдете домой. Да садитесь же!..

Они действительно сидели и пили вино, говорили, впрочем, мало, но на удивление спокойно, ничуть не тяготясь долгими паузами, возникавшими между часто совсем отрывочными репликами, и ваза с фруктами, так же как появившаяся потом вторая бутылка, в конце вечера, вернее, уже глубокой ночью опустела, а пепельница наполнилась доверху, гостя курила тоже. Свечи были, видимо, слегка ароматизированы.

Кроме общего ощущения дружеского покоя и доброжелательности от беседы осталось в памяти немного, так, какие-то обрывки:

— Так что вы там насчет мертвой земли?..

— Да ведь это все знают. Вы хотите добиться, чтобы земля Лысой горы ожила, вы сажаете там растения, делаете всякие опыты, но у вас ничего не получается. Бог с ним, что не получается, само по себе желание прекрасно. Не надо стыдиться хорошего в себе, это же здорово, а вы и впрямь как будто стыдитесь и скрываете все, непонятно отчего...

— А что Шутов, решительно собирается здесь осесть, говорят, даже какие-то переговоры насчет железной дороги затеял, не слышали?..

— Вы зря о Шутове все время с каким-то подтекстом, ведь вы его не знаете совсем, и знать не хотите, это у вас, между прочим, очень отчетливая черта, что вы про одно ужасно много знаете, а про другое просто из принципа не хотите и не знаете совершенно. Вы как будто оскорбленным себя чем-то считаете, а ведь это не так, это внешнее...

— Мне, знаете, Шутовым быть оскорбленным никак нельзя...

— Глупости, это уже давно опровергнутые глупости, что есть люди, от которых и обида не в обиду, это от грошовой гордости придумано, самая-то большая обида как раз от тех, кого слишком ниже себя ставишь...

Только-то всего и было, что этих разговоров отрывочных. А потом она ушла. Ключев помог ей надеть совсем высохший к тому времени плащ, и она ушла. Да, еще вот что. Когда она уже стояла на пороге, Николай Сергеевич окликнул ее совсем тихо и как бы в задумчивости:

— Подождите, я, кажется, действительно все это время забывал сказать вам одну вещь, подождите...

Она резко обернулась:

— Какую?

— Я люблю вас. Ступайте.

И она ушла. Ключев затушил четыре из шести сильно оплывших свечей и, взяв канделябр, прошел в соседнюю комнату, где обычно спал. Там, в глубоком, стоявшем у кровати кресле, при тускло мерцающем свете разглядел он чрезвычайно прямую, неестественную для такого покойного кресла фигуру, тени от которой бесенятами прыгали по стенам и мебели.

— Здравствуйте, Джудит, вы давно здесь?

— Привет! С самого начала.

— С начала чего?

— Не валяйте дурака. Вы что, и вправду ее любите? Врете.

— Да. Нет. Вправду.

— Смеетесь? У меня что, опять грамматика плохая?

— Все в порядке. В том смысле, что грамматика хорошая. Вот подслушивать нехорошо. И прятаться в чужом доме нехорошо, да я и испугаться мог.

— Вы, испугаться? А, может быть, вы мне сейчас быстренько расскажете, что хорошо и что плохо? Может быть, еще какой-нибудь отрывок понагляднее из нравственности?

— Вы правы, простите. Хотите вина, у меня осталась бутылка.

— Забыли, это не я люблю «брют». Дайте папиросы.

— Вы сегодня на удивление милы и приветливы, начинаю опасаться.

— Не хвалите меня, я этого не люблю. Не оставляйте в моем сердце тяжелого подозрения, что вы хвалите из иезуитства, во вред истине, чтоб не переставать нравиться. А сами-то что так вдруг мрачны?

— Я? Да, действительно, мне сегодня как-то до странности гадко — хандра, что ли? Приписываю геморрою.

— Хватит! Надо прекращать этот балаган. Сворачивайте вашу дурацкую химию и немедленно уедем отсюда, денег я достану.

— Как, убьете и ограбите Шутова? И куда ехать, в кантон Ури?

— Достаточно литературных реминисценций, это уже вторая.

— Это третья, и не я первый начал.

— Хорошо, не будем по пустякам. Откуда достану — вас не касается, если надо, и убью, и ограблю. Только он сам даст. Он игрок.

— Мне деньги Шутова не нужны.

— Это будут мои деньги, а не Шутова. Он еще сам не знает, какой он игрок... Купца из себя строит, я его без штанов оставлю!..

— Это, как я понимаю, уже было.

— Дурак, не смейте мне хамить, мы с вами сегодня оба без козырей.

— Вот это точно. Потому не будем ссориться, Джудит. Я ведь и так свернул свою, как вы изволили выразиться, химию. И вполне готов ехать. Только не уверен, что стоит вас брать с собой.

— Послушайте, а кстати, — женщина впервые со времени начала разговора и тоном, и даже некоторым изменением позы выразила хоть и слабую, но заинтересованность, — а сколько правды во всех этих разговорах насчет мертвой земли, вы действительно хотели возродить эту гору к жизни?

— Чепуха, конечно, и не стоит об этом. Хотя... может быть, сегодня и можно... Да, вам, наверное, можно... Нет. Чепуха. Все наоборот. Я искал другое, искал как раз то, что сделало эту землю мертвой. Это ведь должно быть какое-то вещество, обладая которым... Впрочем,

действительно, чепуха, вам не интересно, да я и сам, может быть, не до конца понял...

— Нет, нет, обязательно продолжайте, вы нашли его, это вещество?

— Думаю, что там нет никакого особого вещества. Несколько редкоземельных элементов в не совсем обычном сочетании, но и это встречается и не дает никакого эффекта. Все дело в том, что холм, видимо, действительно насыпан руками. И смысл не в самих элементах, а в том, что если их перетереть при температуре, близкой к тридцати семи по Цельсию, да может быть, еще частицы пота как катализатор... Но тут не чисто химический процесс... Тут еще имеет значение время, они в очереди стояли, чтобы кинуть...

— Так нашли вы, черт возьми, или нет!..

Клюев неприятно засмеялся и сразу же сменил тон:

— У вас не с грамматикой, а с лексикой основные трудности, милая Джудит, выражение сие, насчет черта, в русском языке совсем не подходит даме. Да ничего я не нашел. Так, предположения... Пойдемте, я провожу вас, скоро начнет светать, получится неудобно.

— За меня не беспокойтесь. Сидите. Вы дурак, и я не хочу вас знать.

Она направилась к окну и, с невероятной легкостью вскочив на подоконник, распахнула створки. В комнату пахнуло сыростью погреба.

— Не смешите, дверь открыта.

— Дверь открыта не для меня.

Она прыгнула бесшумно в темноту. И туда же в темноту тихо спросил Ключев через пару мгновений, слегка поеживаясь от резкой прохлады:

— Это правда, что вы сказали, Джудит? Я и сейчас мог бы на вас рассчитывать? Во всем рассчитывать, Джудит?

И темнота ответила ему:

— Да.

А когда утром Штернберг после невнятного и торопливого стука вбежал на половину Надежды Андреевны, она уже прекрасно знала, что он ей скажет. Ключева первыми увидели пастухи, выгоняющие под утро стадо на монастырские луга. Он лежал у вершины холма, и пистолет далеко скатился вниз по склону.

...Дальнейшие события произошли достаточно быстро, и рассказать о них особенно не-

чего. Шутов с Любской уехали на следующий день, не дожидаясь похорон. И больше в Роговце не появлялись никогда. Исчезла неизвестно куда и Джудит, но то, что не поехала с подругой — это точно. Остался один Штернберг, автоматически доделал дела по дому и даже вел с кем-то какие-то не очень конкретные разговоры о его продаже, но кто здесь мог позволить себе такую покупку? Естественно, сорвалась и вся затея Саблина, оставшаяся без Шутова мелочь и обещанных пяти тысяч не набрала, так что путейские, вконец, разозлились и провели дорогу, как и грозились, верстах почти в пятнадцати от Роговца, через крохотный Быков. Но вот со Штернбергом у них промашка вышла. Степан Степанович, расчувствовавшись, может, первый раз такое в жизни себе позволил, выдал в тот день на руки архитектору все бумаги, а потом локти кусал. Впрочем, думаю, кусал более для виду, никто другой на этот лакомый кусочек не польстился бы, там и урвать, вряд ли, что можно было. А Иван Карлович, действительно, из сметы практически не вышел, весь перерасход вполне его неполученным гонораром перекрывался, так что выстроил он от начала и до конца отлич-

нейший вокзал, правда, не в Роговце, а в Быкове, ну, да ему-то все равно. Но вот что любопытно, хоть никто ему никаких указаний давать не смел, что всячески в документах оговорено было, а все же строение получилось по всеобщему мнению замечательное, но совершенно, в конце-концов, не то, о чем мечтал Штернберг. (Потому я и говорил, что об истинном его понимании стиля судить не могу.) И виновницей оказалась та самая изумительная артель, что «с любого плана по ниточке выведет». Она и выводила. Только гораздо то более, что ей было сподручней, хотя и не без общего духа, конечно, архитекторского. И с этим уже Иван Карлович бороться неспособен был совершенно, ну, какие, скажите, аргументы могут поколебать эдакую косую сажень в плечах с невероятно красными щеками, которая на все ваши замечания с самым подобострастным видом кланяется и почтительнейше говорит: «Ага», — но при этом делает почти исключительно только то, что сама пожелает в данный момент...

Ну, одним словом, что получилось, то получилось. Спасибо, что хоть так.

И потом Штернберг тоже исчез. Я не встречал по России более следов его творчества, хотя

всегда, оказываясь в новом месте, внимательнейше оглядываюсь по сторонам именно с этой целью — найти.

Но приходится, видимо, все-таки вернуться к вопросу о том, почему Рюхина (это, если еще помните, вокзальная буфетчица) сама хороша. У нее как-то настроение испортилось по причинам, о которых я расскажу отдельно (не пугайтесь, не здесь, в другом каком-нибудь рассказе), и она неожиданно в самый сильный мороз стала гнать ребят из зала. Те, было, от недоумения заупрямились, уж совершенно это вещь несообразная, столькими годами освященную традицию ломать, но Рюхина такого шуму напустила, что решили не связываться, но нечто нехорошее в душе затаили. Однако думали, что это у нее женское, временное, и на другой день собрались, как ни в чем ни бывало, морозы, как на зло, продолжали стоять чудовищные. Но Рюхина опять истерику устроила. Тут уже ребята совсем возмутились, поднялась буча, Рюхина позвала Васина. Васин оказался в положении несколько щекотливом. С одной стороны, буфетчица полностью права, зал ожидания — он для пассажиров, а не для каких-то там компаний, милиционер

на станции обязан поддерживать порядок и следить, чтобы все происходило, как тому положено быть. И во всякие тонкости входить вовсе не обязан. Но с другой стороны, Васин ведь тоже не какой-нибудь чужой, и ему прекрасно известно, что ребятам, действительно, деться некуда, тут не город, по подъездам не постоишь, а погреться где-то надо. Одним словом, проблема получалась. И надо сказать, к чести Васина, подобного рода проблемы он всегда старался решить по совести и к обоюдному удовлетворению противоборствующих сторон, несмотря на их должности и звания. И сейчас он тоже попытался цыкнуть и на бунтующих ребят и на разоряющуюся Рюхину, но вот тут-то и произошел крохотный сбой. Если на ребят он цыкнул, как всегда, в полную силу, так что они сразу поняли бесполезность дальнейшей борьбы и оказались готовы выслушать последующие руководящие указания, то с Рюхиной... тут был один нюанс. Недели две назад в буфет завезли сосиски, и Рюхина оставила Васину пару кило. Он ее совершенно об этом не просил, но она сама баба довольно добрая, только истеричная, она вполне могла Васину не оставлять никаких сосисок, и не только потому, что не просил,

но и попросил бы, мало ли что, кроме того, что не положено, она от Васина никак независима, он ей не сват, не брат, не начальник и никогда до этого дурацкого случая Рюхина в услугах Васина не нуждалась, но именно потому-то Васин со спокойной душой сосиски и взял, потому что они как бы совершенно не по делу, а исключительно от хорошего отношения, и в тот момент, когда базар начался, сама Рюхина наверняка об этих сосисках и не вспомнила, но вспомнил Васин, вернее, не вспомнил даже, а так, некой тенью мелькнули они в мыслях его, и может быть из-за той тени, хотя, может быть, и нет, но самое главное, что вполне может быть и да, он на Рюхину цыкнул на какую-то самую долю тона ниже, чем требовалось к месту и достаточно для воздействия. Буфетчица эту долю тона почувствовала. И не унялась. Тогда Васин махнул рукой и ушел. И всем было ясно, за кем осталось поле брани. Ребята тоже поняли и ушли. Но перед уходом Петька Мокеев обернулся и пригрозил Рюхиной, смотри, мол, так просто тебе это не пройдет. Она, конечно, тут же его послала вместе со всеми угрозами, но на следующий день с нежным звоном полетело стекло прямо рядом с ее стойкой, и

все, естественно, сразу стало ясно. Васин тотчас же призвал к себе Мокеева. Мокеев не явиться, конечно, не посмел, но, явившись, отпирался страстно и довольно ловко:

— Ну, дядь Вань, ну вы подумайте сами, ну что, дурак я, что ли полный, ну стану я стекла бить, когда каждый сразу на меня и подумает, как ведь я только что Рюхиной грозился? Что я, совсем чокнутый? Точно, слышал кто и воспользовался, а вы сразу на меня, ну, гадам буду, не я, ну, дядь Вань...

И Васин на эту иезуитскую логику клюнул. Но клюнул он на самом деле, конечно, не на какую ни логику, а на редкостно искренние Петькины интонации, и Рюхиной так твердо и сказал — это не Петька! И даже стал предпринимать кое-какие действия (а у него были свои способы), чтобы найти истинного виновника, так как преступление сие (не то, что стекло разбили, а то, что чрезвычайно нагло, среди бела дня, да еще и на вверенной его попечению станции, чего вообще никогда не бывало, а так бы, из-за любого другого простого стекла, он бы и дергаться не стал) решительно для себя постановил не оставлять безнаказанным.

Но очень скоро все разъяснилось самым неожиданным образом. В новом Быкове, в большом ДК появилась у Васина знакомая кассирша Данько. И Васин к ней иногда заходил потрепаться в ее закуток, в последнее время на самом деле все чаще и чаще. Но это тоже другая история. Так вот зашел Васин как-то вечером и двух слов не успел сказать, как вызывает директор кассиршу по какому-то делу. Она попросила старшину посидеть и обождать, окошко свое фанеркой прикрыла и убежала. Сидит Васин, читает газету, а в это время с другой стороны подходит к кассе компания ребят и среди них слышится мокеевский голос. И голос излагает ребятам всю историю в подробностях, как он, то есть Петька, и Рюхиной, стерве, отомстил, и старшину вокруг пальца обвел. Васин так и замер с газетой в руках, шевельнуться боится, получится ведь, что он подслушивал, вроде специально. Тут вбегает Данько, но он ей с порога знаки стал делать, палец к губам прикладывать и на себя показывать, молчи, мол, как будто меня здесь нет. Кассирша удивилась, но все исполнила, фанерку убрала (Васин сбоку сидел, его все равно видно не было), отпустила ребят с билетами, потом

только к Васину повернулась вопросительно. Но старшина ничего объяснять не стал, а пробурчал нечто невнятное и расстроенный пошел домой.

А на завтра все же велел ребятам передать Петьке, чтобы зашел. И вот тогда-то и обратился по запарке к чувствам нарушителя:

— Что же ты, сукин сын, врал-то так складно, есть ли у тебя после этого совесть, и как же ты на меня такими честными глазами смотрел-то...

Ну, и еще несколько слов сказал, все насчет совести. Тут ему Петька и выдал. У Васина даже глаза заволокло, так что он дословно и не запомнил, но смысл был, что у Рюхиной все отовариваются, за нее все и горой, а она потому и позволяет себя стервить, а никто ей не мешал (что верно), а стекло ей по заслугам, а совесть здесь совершенно не причем.

Больше Васин с Мокеевым разговаривать не стал. Он даже не ответил ему ничего. И не из-за этих чертовых сосисок. А потому, что вспомнил про ту самую крохотную дольку тона, на которую не дождал. И старшина пошел по привычному уже в последние дни маршруту к кассе ДК, но с него свернул, провел весь день дома, весь тот день, что оставался еще от смены, то есть

всего пару каких-то быстро тускнеющих часов, но и это произошло с ним первый раз в жизни.

На следующее утро Мокеев собственноручно вставил стекло (где взял — неизвестно) в раму, до того временно заколоченную Рюхиной каким-то картоном, и прислал меньшого брата доложить о том Васину. Но меньшой Васина не застал ни на службе, ни дома. Старшина взял отгул и пригласил Данько, та тоже, к случаю, оказалась выходная, съездить в Роговец для культурного отдыха. Там они купили билеты на экскурсию, походили по какому-то монастырю, и вышли потом к Лысой горе. Она была замечена снегом, и потому казалось, что ничем не отличается от всего, лежащего вокруг.

СТАНЦИЯ

Конечно, касса имела официальные часы работы, от и до с обеденным перерывом, о чем даже свидетельствовала странно изящная табличка над окошком, но Котова не считала себя

обязанной строго придерживаться распорядка, да никто ее к этому и не принуждал. Видимо, действительно, не было необходимости. Первый утренний автобус уходил из Ивановки в 7.20 и, как правило, без опоздания, если же предыдущим днем шофер застревал на трассе, то Котова знала об этом и вывешивала на кассе записку, сама же шла домой, благо, жила в пяти минутах ходьбы, ждала, когда красное пятно «Икаруса» появится из-за поворота, но не боялась и пропустить, все равно за ней зайдут, дорогу до ее избы в поселке знал каждый. Далее, до десяти, ну от силы до половины одиннадцатого было еще два проходящих рейса, один из Луговского, другой из Шатова, оба шли на Хохловку, село почти за сто километров, стоящее в месте выхода дороги от Ивановки на шоссе, связывающее ближайшие областные центры. Если они в положенное время не появлялись, Котова более не ждала, знала — во второй половине дня ни Луговские, ни шатовские не выезжают, не хотят рисковать застрять до темна вдали от дома и умудряются тогда уже дотянуть до следующего утра.

А потом, часов до трех, даже до начала четвертого, делать в кассе все равно нечего. Рань-

ше, когда еще ходили старенькие ЛиАЗы, перед выходными случалось, что сидячих мест хватало не всем, и некоторые предусмотрительные пассажиры предпочитали купить билет заранее, Котову беспокоили, и она вынуждена была иногда просиживать целыми днями на рабочем месте, чтобы зря не бегать. Но уже несколько лет, как пустили новые междугородние «Икарусы», там кресел достаточно и даже обычно оставалось, так что до прихода автобуса торчать без толку в кассе Котова смысла не видала. Да его и в самом деле не было.

В половине четвертого отправлялся их фирменный прямой рейс от Ивановки на Хохловку. Шофер был местный, ему нужно успеть два раза сгонять туда и обратно, а это около восьми часов только чистой дороги, так что он никогда не опаздывал с выездом, отходил минута в минуту, и вообще этот маршрут имел славу самого надежного вида сообщения с внешним миром. Но только если автобус не ломался. А ломался он регулярно каждый месяц примерно на неделю — на то имелись серьезные причины, связанные с дефицитом запчастей на АТП, и с некоторыми личными воззрениями данного

шофера относительно необходимой регулярности транспортной связи. О сроках ремонта Котову всегда информировали предельно точно и заранее. Так что и в этих случаях она попусту в окошке не торчала, а тоже вывешивала записку об отмене рейса.

Примерно с четырех начиналась полная неопределенность. По идее и расписанию в 16.10 должен возвращаться автобус из города, чтобы через пятнадцать минут отправиться обратно в повторный рейс. Потом, согласно той же идее, в 17 и 17.30 намечалось появление луговского и шатовского автобусов проездом из Хохловки на родину. На этом Котова, собственно, могла бы считать свою работу законченной, так как для второго восьмичасового рейса ивановского-фирменного продавал билеты сам шофер, у них с Котовой существовала четкая договоренность, да и пассажиров обычно оказывалось всего несколько. Но это все в идеальном варианте. А реальность сводилась к тому, что ни из города, ни из Хохловки автобусы никогда вовремя не приходили. У них летели баллоны, перегревались радиаторы, кончалось горючее, садились аккумуляторы, возникала еще тысяча

не очень понятных технически необразованной Котовой причин, по которым никаким образом выполнить расписание оказывалось невозможным. И хотя шоферов все время штрафовали, транспортное руководство постоянно получало выговоры и нагоняи, положение от этого вовсе не менялось и потому казалось совершенно естественным. Было ясно, что лучше постараться к нему приноровиться, чем портить себе нервы. И Котова старалась. Нервы не портила.

Особые хлопоты доставляли пассажиры из дальних сел, обычно это были бабы и старики, выбравшиеся по каким-то своим делам в райцентр и должны непременно сегодня же вернуться домой к оставленным без присмотра детям и внукам. Заполняли своими неподъемными сетками и мешками небольшое помещение станции, даже в жару и духоту не хотели почему-то посидеть на лавочках перед окнами, толпились у кассы и кричали на Котову за опоздание автобусов. Но ни настоящей злости, ни истинного сознания правоты не было в их крике, в глубине души они прекрасно понимали, что Котова совершенно ни при чем, и более следовали некой традиции, чем велению души. Котова, впрочем,

тоже воспринимала все происходящее философски, сердца на баб не имела, и немного послушав их, снова уходила домой, велев позвать, как машины объявятся.

Но эти-то автобусы, в конце концов, все-таки всегда приходили. Их шоферы хотели ночевать дома и потому умудрялись преодолевать сложности трассы, снабжения, технологии и даже собственной психологии. С трудом, с опозданием, но умудрялись. Хуже дело обстояло с городским рейсом. Поскольку водитель должен был потом возвращаться обратно в город, он не имел жизненно важной причины стремиться непременно второй раз объявиться в Ивановке. Получалось — хорошо. Нет — так на то, значит, имелось множество уже упомянутых объективных показаний. И Котова часов до семи никогда не знала его планов. Позже, однако, он уже точно не появлялся, да и правильно, некого было бы везти, а если бы кто случайно оказался, мог вполне дожидаться вечернего на Хохловку, а там проблем нет, любой проходящий до города довезет.

Так что Котова не перетруждалась. Успевала в рабочее время сделать массу полезного по дому без особого напряжения. А сегодняшний

день намечался совсем спокойным. О том, что фирменный Ивановский следует отменить, Котова узнала позавчера, шофер сказал, еще день как-нибудь протянет, а там пусть вешают объявление не меньше, чем дней на пять. Это самое объявление аккуратная Котова и повесила вчера утром, так что все, кто точно хотел добраться до Хохловки или города, и планировал это заранее, были в курсе и уехали утреним в 7.40, который ушел на сей раз четко по расписанию, что приятно. Некоторые, может быть, собравшиеся внезапно или просто не успевшие, оказались на станции около десяти и вскоре позвали Котову, прибыл автобус из Луговского. Затем, почти сразу, подкатил и шатовский, подобрал последних зазевавшихся бабок и отбыл на Хохловку. Котова удовлетворенно подсчитала выручку и уже стала закрывать кассу, когда появился этот самый мужчина в длинном запыленном плаще:

— Простите, когда ближайший рейс в город?

— Вон там написано, в 16.25 должен ихний отходить.

— А раньше никак не выбраться, может быть, с пересадкой?

— Ни раньше, ни позже, на Хохловку-то все уже уехали, что вы так, ведь только что шатовский отправил?

— Ладно, давайте тогда билет на 16.25, придется подождать.

— Вот и подождите, если он приедет, тогда и возьмете.

— А что, может и не приехать, или это вы так?..

— У нас все может быть. Но это я так, с утра все вроде в порядке было, как уезжал, сказал, будет, ждите, пока еще волноваться нечего, время раннее.

Котова пошла обедать. Мужчина тоже в зале не остался, сел на лавочке под окнами и, видимо, не имел в Ивановке, кроме ожидания, более никаких дел. Котова по дороге успела подумать, что странно, откуда он вообще взялся, местных почти всех она хоть в лицо, да знала, но и без того и по поведению его, по незнакомству с обычаями станции, и даже более по каким-то другим, не очень определимым, но совершенно ясным для Котовой приметам, мужчина не был и не мог быть местным. Приезжал погостить? Тогда почему его никто не провожает, и багажа

никакого, так здесь не принято. По делам? Не видела его последние дни Котова сходящим с городского автобуса, а то бы обязательно запомнила, это несомненно и проверено. Добирается через Ивановку из дальних сел? Тогда опять же на чем он приехал, если на луговском или шатовском, не опоздал бы в Хохловку. Впрочем, все эти соображения занимали Котову ровно до родного порога, переступив который, она мгновенно переключилась на другие, более насущные проблемы.

В начале пятого, хоть ее и не звали, сама сходила посмотреть обстановку. Мужчина по-прежнему сидел на лавочке. Рядом курил молодой парень в яркой пластиковой куртке. Парня Котова знала, знала и все его семейство, расположившееся внутри, в зале, бабки, тетки, жена с двумя детьми на руках, это все были шатовские, старожилы, приезжали сюда к одному деду на похороны, общему родственнику, заодно и за покупками, теперь собрались обратно. Кроме них в зале сидели еще несколько луговских старух и главный инженер из ихнего колхоза, у него машина сломалась, и он сегодня утром рейсовым приехал. Этих тоже Котова знала, и они

ее, первыми стали здороваться, спрашивать, как дела, Котова с ними потрепалась немного, потом посмотрела — времени около пяти, и даже открыла кассу, может, сегодня хоть кто не опоздает. И точно, вскоре из-за поворота показался луговской, Котова быстренько продала на него билеты, и автобус увез старух с главным инженером. Потом к окошку подошел мужчина в плаще:

— Ну что, на час опаздывает, никаких нет сведений?

— Какие там сведения, сами же сказали, что опаздывает. Ждите.

Тут сунулись две девчонки, продавщицы из универмага:

— Мироновна, как с городским, опять сегодня не будет?

— А кто его знает, обещался вроде с утра.

— Знаем, как он обещается... Ладно, мы тогда завтра.

К Котовой подковыляла одна из шатовских старух и протянула ей горсть семечек. Пощелками, перекинулись парой слов через окошко, а там уже и автобус шатовский. Котова прямо подивилась, что это они сегодня такие все точ-

ные. Собрала деньги, разложила по местам бумажки, заперла кассу. Мужчина по-прежнему сидел на лавочке.

— Что дергаться-то, уедете завтра утром, у нас гостиница хорошая, на одну ночь наверняка пустят, и столовая еще не закрылась.

— Спасибо. Мне обязательно нужно быть сегодня в городе. Может, на дорогу выйти, попутку какую подождать?

— Попуток у нас не бывает. Из дальних сел только утром кто в сторону шоссе ездит. Да и наши тоже, кто в ночь попрется?

Котова за время своей работы привыкла, что большинству пассажиров надо уехать немедленно и обязательно, но что-то даже не в тоне, а в позе сидящего на краю лавки мужчины заставило ее задуматься на несколько мгновений и не очень уверенно предложить:

— Может, какая машина из хохловских на ветстанции застряла. Или в стройконторе. Вы бы сходили, это рядом. Если есть, они не откажутся подбросить. А там вы точно до города доберетесь.

Котова показала, в какую сторону идти, уверила, что если городской рейс за это время

появится, то не даст ему уехать без мужчины, и направилась домой. Там иногда поглядывала в окно. Но «Икаруса» не было.

Пошел восьмой час. Котова собрала ужинать, сказала всем своим, чтобы готовились, и вышла устроить станцию на ночь. Мужчина сидел на прежнем месте. Значит, ничего у него с машиной не получилось.

— Вы бы, правда, переночевали в гостинице. Теперь уж автобус точно не придет.

— А что с ним случилось, вам звонили?

— Да какое там звонили. Что-нибудь случилось. Только он обычно после семи уже не приезжает.

— Никогда?

— Ну, почему никогда. Пару раз, может, и было. Когда он совсем тут рядом застревал. Но это в дождь, а сейчас сухо. Нет, не похоже, чтобы сегодня появился.

Котова зашла в зал, включила там все верхние лампы и боковые светильники, ночью они должны гореть, вместе с яркими витринами универмага, красными неоновыми вывесками столовой «Рябина» и гостиницы «Русь», придавая главной улице Ивановки цивилизованный

вид. Потом Котова закрыла дверь на два оборота. Еще раз внимательно посмотрела на мужчину, но ничего больше не сказала. Тогда он сам поднял голову и вроде бы извиняясь, негромко произнес:

— Может быть, он все-таки еще придет?.. Понимаете, мне очень надо быть в городе именно сегодня...

Уже подходя к дому, Котова на мгновение обернулась. Станция представляла собой бетонный куб с длинной стены метров семь. Вход сбоку. А весь фасад — четыре огромных окна. Над ними небольшой навес, а под ними — лавочки. Окна празднично сияли. На их фоне — крохотная черная фигурка с краю левой лавки.

ГЛАВА ТРЕТЯ

Забудем даты,
Вспомним имена.
Забудем стон постылых рифм
И голос фей.
И вспомним, что когда-то
Брат Рем построил Рим,
Брат Эйфель — Тур Эйфель.
А где-то там, на западе Брабанта
Сто девственниц, над пядями склонясь,
Вплетали шепот свой в призывный гул набата,
Свивая стягов золотую вязь.
И в день седьмой, в последний день творенья,
В последний день вершенья бытия,
Лишь тот имеет право на моление,
Кто до конца испил сомненья яд.
А если день восьмой не наступил,
Не только стыд пурпуром жжет ланиты.
Заполнила ущелье Фермопил
Спецрота личной стражи Леонида.
Лишь тот достоин нежиться в тепле,
Кто скакуну стер в страшной скачке спину.
Кровавый вождь, мальчишка Демулен
Задумался, взойдя на гильотину.
А мимо, головой кивнув и — мимо,
Уже сорвав с груди роскошный бант,

Пронесся к центру, не помедлив мига,
Смешной артиллерийский лейтенант.
Ему простятся спешка и беспечность,
Ведь он и вправду бешено спешит
Узнать, как на него посмотрит вечность
С вершин оторопевших пирамид.
Еще его виски не знают плечи.
Еще не знает, хоть уже спешит,
Как будет счастлив всю свою поспешность
Отдать неторопливому Груши.
Еще над миром ипаги звон и блеск.
Ковент еще в туше решает споры.
Но вышел в свой обычный долгий рейс
Английский клиппер в Караибском море.
И надоело кортикам сверкать.
На каждый поединок — время. Сколько!
В руках уже заворонела сталь
Игрушек юнги Самюэля Кольта.
И сразу меньше времени от финиша до
старта.
Закат приходит чуть не на заре.
Брусилов положил ладонь на карту.
Самсонов потянулся к кобуре.
И хочется кричать из-за плеча,
Но на устах уже немеет слово:

— Гвардейцы, продержитесь только час,
Я приведу полки под Ватерлоо!
Держитесь все, кто лег щекой на плахе.
Хотя бы час еще держитесь все.
Всего лишь час, и на Залесском шляхе
Я вас сменю, попович Алексей.
Уже моторов рев на вираже
Смешался с треском гусеничных траков,
Лишь только час, и в опаленный Ржев
Ворвусь с колонной ошалевших танков.
Не опускайте веки утомленно,
Забвенья и спокойствия прося,
Я поднял штурмовые батальоны,
Рванули эскадроны на рысях...
Они держались в свой последний день,
Пока в тоске не прокричала полночь,
И молча растворились в темноте,
И никому я не пришел на помощь.

ПОКУПКИ ВЕЧЕРОМ

Анна Лыкова была секретарем комитета комсомола отдела и кандидатом в члены КПСС. До конца кандидатского стажа оставалось два месяца, даже меньше, когда в составе заводской делегации ее направили в Вильнюс. То ли перенимать опыт, то ли передавать его, точно Анна не знала. Делать ей там совершенно нечего, всем остальным, впрочем, тоже. Так что, когда решали, кого включить в группу из отдела технического контроля, предложение Веремеева относительно Лыковой возражений не вызвало. Заместитель главного инженера Веремеев, человек не первой уже молодости и с одышкой, давно поглядывал на контролера Лыкову с некоторой заинтересованностью. Но она не при-

давала этому значения и поехала в Прибалтику с легким сердцем. Очень хотелось развеяться, до отпуска еще далеко, и Анна была благодарна Еремееву за неожиданное развлечение.

Литовцы встретили прекрасно, поселили в шикарных номерах, организовали экскурсию по городу, вели себя предельно мило, а потом состоялся товарищеский ужин. Поначалу все шло чрезвычайно корректно, однако водка довольно быстро кончалась, и хозяева без больших сложностей достали еще. Особенной активностью среди встречающих отличался тридцатилетний красавец, технолог со сложным именем, просивший для краткости называть его просто Витей. Витя этот, казалось, совсем не пьянел, а только пошучивал, правда, довольно плоско и с чудовищным акцентом, да наливал попеременно то Лыковой, то Веремееву, чутко следя ритм.

Потом у каждого оказалась своя версия, кто первый затеял скандал. То ли Веремееву не понравилось, как Витя на Лыкову смотрит, то ли Витя возмутился, как Веремеев с Лыковой разговаривает, короче, Витя Веремеева сильно побил, а тот, однако, успел поставить Вите крупный синяк и порвать очень дорогую рубашку.

Когда вернулись, у всех начались неприятности. Еремеев две недели просидел на бюллетене, уж слишком разукрашен получился, неудобно показываться. В партком вызывали и спрашивали по очереди. Кто там что говорил, неизвестно, только общее мнение сложилось, особенно среди женского персонала, — мужики, конечно, свиньи и напились, но вела бы себя Лыкова, как подобает, не дошло бы до такого. Заместитель секретаря партийной организации завода В. Т. Збруева сказала, что из-за нее вот драк не бывает. И посмотрела на присутствующих очень внимательным взглядом.

Разговоры, разговоры... А тут у Анны закончился кандидатский стаж. Не принимать ее, да еще по причине, в общем-то, до конца не выясненной, вроде бы странно. Но это с одной стороны. А с другой, все-таки скандал. И мнения соответствующие. Решили посмотреть, какой она секретарь комсомольский. Посмотрели — и как гора с плеч. Вполне можно не принимать. То есть совершенно даже никак невозможно принимать.

Работа Анну устраивала. Другой она не знала. Пришла на завод сразу после школы.

Сначала штампики ОТК ставила. Потом научили кое-каким замерам. Замеряла. За пять лет привыкла к девочкам вокруг, к начальству, к недолгой и удобной дороге домой. Получать стала побольше, общественной работой занялась, в партию вот собиралась и даже подумывала о вечернем техникуме при заводе. Так что рост намечался. Но когда на собрании проголосовали Лыкову в ряды не принимать, Анна поняла, что придется подавать по собственному. И сильно расстроилась. Очень не хотелось уходить. Однако знала прекрасно, теперь-то уж ее аморальное поведение надолго станет вопросом интересным. А отдел женский. Большой. И новостей мало. По всему выходило — писать заявление.

Отпустили ее тихо, девочки даже всплакнули и горячо шептали на ухо, что все эти сплетни — чепуха, и зря она так, а она вралась в ответ им, что сплетни ни при чем, просто нашла место лучше и зарплату больше, и то же вралась в отделе кадров, где участливо спрашивали о дальнейших трудовых планах и советовали побыстрее оформляться на новом месте, как бы не получились потом сложности со стажем. Места

у Анны никакого не было, да она, честно говоря, не очень его и искала, считала, тут проблемы нет, не большой начальник, дело всегда найдется. Что зря заранее беспокоиться?

Под расчет выдали неожиданно крупную сумму. Откуда-то что-то понабежало, и получилось больше двух сотен. У Анны бывали такие деньги перед отпуском, но там все заранее распланировано, и всему свое назначение, а тут будто сюрпризом, и потому очень приятно. В последний день работать Лыкову не заставляли, отпустили в бухгалтерию еще до обеда, и в кадрах тоже не задержали, так что уже к двум Анна оказалась дома. По дороге купила бутылку шампанского, сладкого вина для матери и два кило апельсинов совсем без очереди. Мать была не в курсе всех сложностей, она заранее выслушала убедительную историю про новое место и поверила ей. Она вообще верила дочери, та считалась правильной и серьезной, работала не ленилась, деньги все на хозяйство отдавала, если что купить, так с общего согласия, правда, согласие тут материнское всегда, и более того, стремилась еще из своих заначек добавить, чтобы дочка не хуже других смотрелась. Кроме

того, если что и случалось в личной жизни, мать в известность не ставилась, а по субботам позже двенадцати никогда, и сигаретами при этом не пахло, не так как другие.

В полном доверии была Анна у матери. И они, весело чокаясь, отметили событие, дочь чашкой шампанского, а мать несколько раз пригубила сладенького. Съели по три апельсина. Тут же порешили, что из полученных денег сотню или даже, где наша не пропадала, полтора-раста вполне может Анна потратить, как хочет. Тем более, теперь станет получать серьезные деньги. Мать клюнула напоследок свою рюмочку и пошла к соседке, как будто за содой. А Анна, чуть возбужденная шампанским и совсем непривычным для себя праздным состоянием в середине рабочего дня, решила съездить в Центр. Тратить так тратить, в конце концов, чего тянуть?

Зима кончилась, а весны еще не было. Немного больше нуля, но сухо, хотя небо и хмурое. Анна плотно прижала локтем сумочку с деньгами и собралась ускорить шаг, издали заметив желтое пятно автобуса. Рядом притормозила «Волга». Все ее заднее сиденье доверху забито

какими-то коробками и железками, а за рулем сорокалетний пижон с бородкой. Рядом с ним парень лет шестнадцати. Очень похожий. Но пижон оказался вообще-то вежливый:

— Девушка, спасайте! Пятнадцать лет в Москве не был, понастроили тут... Перед сыном стыдно, полчаса вокруг одного дома ездим.

— Вам куда надо-то?

— На Петровку. Любая трасса, чтоб в центр попасть. Я центр помню, только отсюда выбраться.

— Значит, так. Сейчас первый направо...

— А вы сами куда?

— ГУМ, ЦУМ, за покупками.

— А Пассаж устроит? Тогда давайте вперед, дорогу показывать. Петюня!

Сын Петюня сразу все понял, выскочил из машины и, кое-как растолкав коробки, устроился на заднем сиденье. Анна заняла место штурмана, очень довольная тем, что не придется час толкаться по транспорту с пересадками, и они покатили. Николай Андреевич, он сразу же представился, оказался человеком не самым молчаливым, и уже через пятнадцать минут Анна

знала, что приехали они из Киева по делам, дел очень много, но, если честно, то это, конечно, предлог, хотелось показать сыну столицу, давно обещал, последние каникулы в десятом, не повезло только, друзья, у которых можно остановиться, переехали в это чертово Загогулино, слава богу, машина под рукой, сейчас только несколько визитов к давно забытым родственникам, чепуха, конечно, но жена просила. Вот, правда, хорошо бы несколько коробок хороших конфет, да, оказывается, в Москве с этим тоже проблема, знал бы, дома позаботился. Николай Андреевич пересыпал речь свою незатейливыми шуточками, на которые, чутко реагируя, хмыкал Петюня с заднего сиденья, был крайне предупредителен, спросил, не дует ли, поймал по радио легкую музыку и поинтересовался, не мешает ли, предложил сигарету, иностранную, очень длинную и тонкую. Музыка Анне понравилась, сигарету тоже взяла, хотя курила всего несколько раз в жизни и без охоты, но тут с удовольствием сделала пару затяжек. И чуть робея от неуверенности в своих возможностях, однако, преисполненная чувства благодарности к человеку, вежливость и предупредительность

которого явно не подразумевали корысти, предложила, когда подъехали уже к Садовому:

— Тут у меня девчонка одна недалеко, в школе вместе учились, в министерстве. В буфете. Ну, я насчет конфет. Может, позвоню, а?

Это вышло почти по дороге, и все получилось очень удачно. Подруга оказалась на месте, провела Николая Андреевича в здание, и вскоре он появился радостный с большим свертком и россыпью благодарностей. Анна тоже была довольна удачей и еще немного тем, с каким значением и лукавым взглядом подмигнула подруга при виде бежевой «Волги» и ее франтоватого водителя.

Остановились напротив пассажа. Анна стала благодарить, что подвезли. Но Николай Андреевич начал возмущаться, апеллируя к сыну:

— Ведь это же непорядок, правда, Петюня, мы так этого оставить не можем.

Петюня в ответ значительно кивал головой и подтверждал, что, конечно же, никак они этого оставить не могут, хотя явно не очень понимал, о чем идет речь.

— Должны же мы вас как-то отблагодарить, а то форменное свинство с нашей стороны получается, — шумел Николай Андреевич.

— Да чего благодарить, и так подвезли...

— Ну, подвезли мы вас, за то что вы нам дорогу показали. А вот за заботу с конфетами, да и вообще, что мы, будто дети, считаемся, давайте, знаете как, вам на покупки три часа хватит? Ну и отлично. И мы тоже должны управиться. А ровно в семь ждем вас на этом самом месте. Понимаете, давно обещал повести сына в настоящий ресторан. А без дамы как-то неудобно. Тут рядом «Будапешт», заведение моей юности, поужинаем и доставим вас с покупками домой, нам все равно в эту деревню возвращаться...

Они укатили, оставив несколько ошарашенную Анну перед входом в магазин. Она глубоко вздохнула, приходя в себя после непривычно долгой езды в автомобиле, и шагнула в рвущийся к прилавкам поток.

Первое, что привлекло внимание — очередь метров в триста за чешскими босоножками. Босоножки как раз очень требовались, и, когда увидела их в витрине, поняла, что требовались именно такие, однако шансов достаться не было, это для профессионалов, и прошла мимо. Но за руку дернула бабка с предельно хитрым

носом и ангельскими глазами, полностью выцветшими от слишком долгой носки:

— Ты только тихо. Разорвут а то. Давай сороковку. Да аккуратно, не свети. Моей не пошел размер, зазря день убила, дуреха старая. Тебе пойдет, что я, не вижу. Тридцать шесть? Ну и вот. А моя кобыла до тридцать восьмого растоптала. Не доглядишь. Какая дочка, правнучка, в восьмом классе, прет ее, как на дрожжах, только тридцать шестой покупала, и вот на тебе...

Лыкова сначала не поверила своему везению и, забравшись в какой-то закуток между двумя пустыми контейнерами, быстро, недоверчиво стала развязывать веревку на коробке, но все оказалось в полном порядке, те самые замечательные босоножки. Без очереди. Без переплаты. И тогда Анна окончательно вдруг успокоилась и поняла, что это сегодня такой день. Что нужно отбросить все страхи, всю свою неуверенность и осмотрительность. Что нужно только гордо вскинуть голову, и придет успех везде и во всем, а вечером она ужинает в настоящем дорогом ресторане с солидным интересным человеком и его милым сыном Петюней.

Анна в заведении такого разряда была всего однажды, пару лет назад на свадьбе той самой подруги, что сегодня помогла с конфетами. Гуляли в «Праге», не в общем зале, а в одном из кабинетов наверху, но танцевать ходили то в Зимний сад, то спускались к эстраде второго этажа, и настроение огромного шумного, праздничного, сверкающего хрусталем и гремящего оркестрами дома запомнилось надолго. И чем больше времени проходило с того вечера, тем заманчивее и необыкновенней он казался, и немного, казалось, шансов на его повторение.

Сегодня все получится еще лучше. А пока вперед, и ничто нас не остановит! В отделе рядом оказались совершенно случайно тонкие перчатки нужного размера, разыскиваемые давно, но теперь Анна ничуть не удивилась этому, восприняла как само собой разумеющееся и продолжала набег с надменной усмешкой победителя.

Длинной чередой магазинов добралась до ГУМа, вся обвешанная коробками, пакетами и свертками, посмотрела на часы, и оказалось без пятнадцати семь. Надо было спешить, но у самых дверей с лотка давали польские косметичес-

кие наборы, и Анна умудрилась-таки, несмотря на жуткую толкучку, выудить из кармана кошелек и пробиться к прилавку. Правда, после этой последней и совсем уже не запланированной покупки в кошельке осталось ровно две копейки, но Лыкова и тут сейчас увидела добрый знак, кое-как боком втиснулась в телефонную будку и, промотав последнюю двушку, предупредила мать, что задержится.

К вечеру погода все-таки испортилась окончательно, пошел мерзкий, забирающийся во все щели дождик, и ветер начал бить по лицу. Анна шла мимо Музея Ленина, мимо «Метрополя», Малого театра, ЦУМа, шла легко, не чувствуя ни усталости, ни хлопающих по ногам пакетов, ни ветра, задирающего полы распахнутого пальто, и только со смешным фырканьем сдувала набегавшие на верхнюю губу капли ледяной воды.

На стоянке перед входом в Пассаж она простояла около часа. Потом долго уговаривала ленивую бабку на контроле «Проспекта Маркса» и врала ей про украденный в магазине кошелек. Добравшись до дому, Анна свалила покупки в угол, пару минут сидела, не разде-

ваясь, на кухне, вытянув гудящие ноги. Затем вынула из холодильника початую бутылку шампанского с аккуратно прикрученной проволокой пробкой, но раздумав возиться с этим сложным сооружением и испугавшись, что при еще одном закручивании проволока сломается, поставила бутылку на место. Сняла пальто, быстренько умылась, съела апельсин и легла спать. Уснула сразу.

А через несколько дней Анна Лыкова действительно нашла работу ближе к дому, и платили там на пятнадцать рублей больше.

КАК БУДТО РАННЯЯ ЗИМА

Большинство намеченных на сегодня поездов уже проследовало мимо станции. Часть из них останавливалась, часть даже не обращала внимания. Кроме бесчисленных и неучитываемых товарняков, оставался еще один пассажирский из города и электричка в обратном направлении

под вопросом. Потому как ее иногда по пятницам отменяли. А нынче пятница.

Аргунов чувствовал себя неважно, его немного знобило, и он поплотнее укутывался в казенный тулуп, хотя за весь день температура не опускалась ниже семи-восьми, а ветра не было совсем. Рабочее время скоро заканчивалось, машина, видно, так и не пришла, раз Аргунова не звали, и скорее всего уже не придет. Но совестливый Аргунов решил на всякий случай заглянуть на работу, спросить, не надо ли чего, и собрался вставать. Однако, поскольку делал он это всегда с неохотой и вообще являлся человеком медлительным, за время его сборов на платформе успела не только появиться, но и почти приблизиться вплотную женская фигура. Вернее, уже приблизившись, оказалась она не совсем женской. Девчонке вряд ли больше семнадцати, хотя добрый слой плохого грима пытался всячески скрыть возраст. Существо продефилировало мимо Аргунова несколько раз, как бы гуляя, хотя ничего глупее придумать нельзя, чем изображать гуляние по безлюдной заснеженной платформе, у которой ближайшие несколько часов не собира-

ется останавливаться ни один поезд. Аргунов с определенным любопытством понаблюдал некоторое время за перемещениями странной фигуры и вновь засобирався. Тут девочка решительно подошла к нему и голосом с легкой хрипотцой, но не лишенным приятности, спросила:

— У вас закурить не будет?

— Я не курю. К сожалению... — быстро, но как-то не очень уверенно ответил Аргунов, и было не совсем понятно, к чему, собственно, относится это сожаление, к тому, что он не курит или к чему-то совершенно другому, что должно последовать далее, но так и не последовало. Девчонка отошла и снова принялась гулять. Наконец Аргунов встал, опустил необъятный дубленый воротник и направился к ступенькам. Его окликнули:

— Подождите! А вы сами-то отсюда?

— Виноват? — не сразу понял Аргунов. — Я не здесь, я рядом работаю, а тут сидел просто... — и замолчал, удивляясь неуместной извиняющейся нотке. Как будто он заранее признавал какие-то права на себя со стороны этой нелепой собеседницы.

— Да причем «тут работаю», — с досадой отмахнулась девчонка, словно и в самом деле считала вполне возможным так вот, в открытую досадовать на Аргунова и быть им недовольной. — Вы живете здесь, в поселке, местный в смысле? Знаете кого тут?

— Здесь. В поселке. Кого-то знаю, конечно. А вам кто нужен?

— Прохоров Андрей. На комбинате работает. Ударник, не слышали?

— Нет, не припоминаю. Я на комбинате мало кого знаю. Там много ударников, хорошо трудятся, наверное...

— Какое много! — прямо-таки уже взвилась девчонка. — Ну, есть там еще этот рыжий, так он тарелки от барабана не отличает, его и в группу брать не хотели, вяжется только...

— Нет, извините, — осознав свою бесполовость, окончательно пробормотал Аргунов, — все же не припоминаю Прохорова. — И стараясь сгладить впечатление недоумка, которое он явно производил на собеседницу, решил дать деловой совет. — А вы бы на комбинате и спросили? — Но по ее реакции понял, что впечатления не сгладил.

— На комбинате! Ладно. Где тут у вас обычно стоят?

— Стоят? А! — обрадовался Аргунов, что наконец с первого раза сообразил, о чем идет речь, — молодежь собирается на площадке между кино и кафе, это вон по той дорожке прямо до упора и направо метров пятьсот. Не очень далеко. Или еще на пригорке за торговым центром. Тоже там рядом. Но зимой чаще на площадке.

Последние слова Аргунов произносил уже в спину быстро, решительным шагом удалявшейся в указанном направлении фигуры. Еще мгновение он постоял, слегка обескураженный манерами незнакомки, затем отключился, сразу, резко и окончательно, как умел давно и коим умением дорожил чрезвычайно, забыл о происшедшем, направился в противоположную сторону.

И очень удачно. Пришла машина. Черных, увидев Аргунова издали, поджидал грузчика в своей обычной стойке у заднего борта, а шофер стоял в кузове и прилаживался к ящику, нетерпеливо оглядываясь. Он был из постоянных, возил сюда пиво не первый год, знал, что Чер-

ных на проявленное усердие в работе смотрит крайне благосклонно. И устной благодарностью не ограничивается. Разгрузили быстро, но вот пустая посуда на загрузку оказалась еще не совсем готова, пришлось немного повозиться, да и потом нашлись кое-какие дела, так что освободился Аргунов часа через два, зато сразу был отпущен домой. Путь его лежал снова через платформу, и, скользнув по ней взглядом, он удивленно обнаружил знакомую гуляющую фигуру.

— Не нашли своего Прохорова?

— Нет. — На этот раз девчонка была предельно немногословна.

Аргунов зачем-то потоптался рядом и, чтобы скрыть неуместность этого топтания, по-деловому взглянул на часы, сверяя их со светящимся циферблатом на здании вокзала. Хотя сейчас ему ровно никакого дела не было до времени, тем более точного.

— Скоро электричка? — отреагировала на жест девчонка.

— Скоро. А что, ее сегодня не отменили?

— Как отменили, почему отменили, вам кто сказал?

— По пятницам в последнее время часто отменять стали. Видно, смысла нет, ездят мало, в выходные все больше дома сидят. А там объявление должно висеть, вы что, не заметили у кассы, когда билет брали?

В ответ Аргунов получил взгляд, по которому без труда догадался, что его замечание о билете прозвучало по меньшей мере бестактно. Девчонка повернулась и пошла к кассам. Аргунов медленно поплелся вслед, но когда добрался до дверей, она уже возвращалась.

— А автобус откуда ходит?

— Автобус тоже сейчас не ходит. Поздно.

— Что ж, из вашей дыры и до города не добраться?

— Ну, почему «дыры», — неожиданно обиделся Аргунов, хотя никогда не считал себя патриотом поселка, да и не был им, конечно. — Если уж так горит, добраться всегда можно, на шоссе любая попутка возьмет. Только сегодня опять же пятница, да и зимой машин меньше...

— Ладно, где шоссе?

— Пойдемте, до развилки нам по дороге, а там покажу.

Минут пятнадцать шли молча. Аргунову пора сворачивать.

— Ну, теперь все прямо пойдете, уже близко. Правда, пятница — может не повезти. Слушайте, на всякий случай, тут, если налево, два квартала, будет наш барак. То есть это не совсем барак, просто мы так зовем, блочный дом двухэтажный, там общежитие. Я вам сейчас черкну точный адрес. На крайний случай. У нас комендант — женщина удивительная. Спросите Аргунова, она позовет. Ну, если вдруг застрянете. Что-нибудь придумаем.

Он нацарапал на каком-то обрывке адрес карандашом, который всегда торчал у него в нагрудном кармане халата под тулупом и сунул бумажку девчонке. Только тут Аргунов заметил, что она без перчаток и вообще мерзнет отчаянно. Пальто, с яростной потугой на моду, но совсем не по сезону, куцая шапочка редкой вязки, сильно потертые на сгибах сапожки, довольно изящные, но явно не предусмотренные для начинки мехом. Разве уж очень искусственным. Нет даже шарфа толком, торчит что-то из-под воротника, невесть что, то ли платок, то ли косынка летняя, чепуха, одним

словом. А за последние несколько часов резко и неожиданно похолодало, поднялся ветер, и с каждой минутой, казалось, и он, и мороз усиливались.

По дороге домой Аргунов зашел в магазин, купил на ужин, как обычно, сыру, яиц, бутылку пива. Хлеб и масло, он помнил, еще должны остаться, и уже вышел за дверь, но сам себе не сознаваясь, зачем это делает, вроде бы как на всякий случай, хотя никогда ничего в запас не покупал, вернулся и взял банку импортного ананасового джема. Продавщица взглянула удивленно, джем в поселке за слишком большую экзотичность и непомерную цену отвергали категорически, банки запылились, покрылись каким-то удивительно приставучим мохнатым слоем, и Аргунов, как ни берегся, по дороге испачкал себе весь тулуп.

Барак, в котором жил Аргунов, самым обычным бараком и являлся, несмотря на удобства и бетонные стены, потому как основное здесь не легкость деревянной постройки, а призрачная временность, пронизывающая весь быт этого дома, хотя по сроку своего существования такие бараки порой переживают самые капитальные

сооружения. Когда-то здание наскоро, но довольно добросовестно слепили строители комбината. Наполовину себе под общежитие, наполовину под бытовки. После сдачи комбината дом по идее, как временный и никакими планами не предусмотренный, требовалось, конечно, снести. Но не такая ситуация с жильем была в то время в поселке, чтобы сносить хоть собачью конуру, независимо от обоснованности ее возведения. Руководство комбината попросило строителей оставить барак в покое, своими силами кое-как привело в порядок, и на первых порах это стало самое комфортабельное и популярное семейное общежитие. Потом, когда начали появляться современные жилые дома и настоящие, проектами предусмотренные общежития, о бараке стали забывать, жить там из кадровых рабочих никто не желал, да и необходимости не возникало, но все же комбинат от дома не отказывался, и привычка свое брала, да и служил он не без пользы подспорьем небольшой поселковой гостинице, часто не вмещавшей всех приехавших на комбинат командировочных.

Постоянных жителей в бараке немного. Чаще всего ими оказывались личности, чье же-

ление стабильно и плодотворно трудиться на благо общества вызывало в отделе кадров некоторое сомнение. Поскольку же в отделе этом люди сидят опытные, сомнения чаще всего оправдывались, и место освобождалось. Впрочем, если и не оправдывались, то тоже освобождалось, так как зарекомендовавшего себя переводили в обычное общежитие.

Аргунов был здесь самым давним постояльцем. Так как к комбинату отношения он не имел и попал сюда исключительно по знакомству Черных с генеральным директором, то шансы перебраться в место более шикарное полностью отсутствовали. Собственно, это постоянство статуса и являлось главным преимуществом Аргунова, за которое комендант здания Зубко отличала его от прочих в сторону положительную. А следовательно, и сам Аргунов имел основания считать коменданта золотой женщиной, хотя, если откровенно, стерва она первостатейная.

Придя домой, а иначе, как домом, комнату эту, на птичьих правах занимаемую, Аргунов не называл ни другим, ни самому себе, и по сути правильно — раз ничего иного таким име-

нем назвать не мог, так вот, войдя в свой дом, Аргунов впервые за почти три года проживания здесь снял сапоги на пороге, а не поперся первым делом сваливать на стол покупки. Но самое любопытное, что заметил он собственную странность только тогда, когда мешавшие переобуваться пакеты чуть не полетели на пол, а там, между прочим, были яйца. Вторая странность заключалась в том, что переодевшись и умывшись, Аргунов не сел сразу же к столу, не схватил газету, не откупорил пиво, не раскрыл сверток с сыром, а, постояв немного у окна и посмотрев на улицу, пошел к Зубко в свои закрома.

У коменданта имелся холодильник, и Аргунову как любимцу разрешалось занимать в нем половину верхней полки. Вообще-то холодильник числился по всем документам собственностью АХО комбината, а совсем не Зубко, но кому бы из здешнего контингента могло прийти в голову, даже при наличии необходимой информации, отстаивать свои права? Так что вопрос отпадал сам собой, комендантшин холодильник — и говорить не о чем, слава богу, хоть Аргунова подпускает, под его маркой иног-

да еще кое-кто умудрялся пристроить свой пакетик молока. У Аргунова же в холодильнике, кроме того же молока и масла, лежал сверток, вручаемый ему изредка Анной Степановной, разумеется, полностью за наличный расчет, тут у них строго, иного грузчик ни за что бы не потерпел, и руководство об этом прекрасно знало, но все же сверток этот приходилось выносить, не слишком афишируя содержимое, в широкой продаже оно наличествовало не часто.

Аргунов достал из холодильника банку шпрот, кусок колбасы сырого копчения, два лимона, десяток маслин в целлофане и крохотный ломтик постной буженины, граммов на сто, не больше. Отволол это богатство в комнату и вернулся на общую кухню с пакетом картошки, выпрошенным у кого-то из соседей похозяйственнее. Стал картошку чистить, потом жарить, потом свежий чай заваривать, тарелки свои, четыре штуки, полностью перемыл, ну, в общем, развил деятельность совершенно немислимую. А в процессе забежал к Зубко в апартаменты и попросил:

— Меня тут одна девушка может спрашивать, вы покажите...

— Григорий! — оживленнейше встрепенулась комендантша, искусно поигрывая грудным контраalto. — Григорий, детка, какая новость! А я уж, грешным делом, считала вас совершенно безнадежным. Девушка! Это же замечательно, наконец, да не просто покажу, принесу ее вам на руках, будьте спокойны!

— Ах, да перестаньте вы, ради бога, — бормотал досадливо Аргунов, отступая под натиском катящихся на него слов, — какая там девушка, и почти не девушка даже, девчонка одна, просто по делу может зайти, в дочки мне годится, а вы сразу начинаете, может неудобно получить...

Он вывалился от комендантши с каким-то маловразумительным бормотанием под ее ехидно-ободряющее хихиканье, но все это вместе сегодня почему-то совершенно его не расстроило, хотя обычно собственная растерянность перед бурностью чужой реакции, то есть совершенно обычное и всегдашнее состояние, надолго огорчала и выводила из равновесия дополнительно.

Комната Аргунова простотой убранства не отличалась только потому, что отличаться не от чего, все такие. Правда, у него единственного

была отдельная, потому попросторнее. А так все то же самое. Метров двенадцать. Слева вешалка, справа койка, тумбочка. Посреди стол квадратный под желтой клеенкой, стул и табуретка. Еще слева в углу, между вешалкой и окном стояли у Аргунова пять чешских книжных полок, одна на другой. Это, конечно, не очень обычно, но на самом деле не так чтобы и слишком экстравагантно. Сейчас много людей развелось со странностями, и обитатели общежития исключения не составляли, такие, знаете, занятные типы попадались, даже среди залетной алкашни, что прямо диву даешься, смотришь, думаешь, совсем конченый человек, а у него в том самом углу альбом, а там марки с жирафами и бабочками.

Григорий накрыл на стол и получилось очень красиво. Затем стал готовиться к ужину. Готовился он так, чтобы было предельно понятно — никого он не ждет и ждать не собирается, захотелось себя немного сегодня порадовать, вот и постарался, и ничего более, конечно, если случатся гости, то пожалуйста, а нет — того лучше, хлопот меньше. Взял чистое махровое полотенце, пошел в умывалку, обтерся по пояс ледяной

водой, смочил волосы, аккуратно расчесал их массажной щеткой, накинуд, не застегивая до конца, домашнюю рубашку, у него байковая, в крупную сине-белую клетку, очень уютная. Поставил тарелку — одну, примостил перед ней свежий журнал «Вокруг света», специально отложенный к ужину, с интереснейшей статьей о затерянных африканских племенах, и сел за стол. Получилось очень удачно. Как раз в этот момент в дверь постучали и на пороге возникла заиндевшая фигура, от одного взгляда на которую становилось холодно до зубной боли. А сзади маячила по-дружески ехидно зыркающая глазами физиономия товарища Зубко.

Первые минут двадцать было не до разговоров, девчонка скорчилась у стола и судорожно проталкивая в себя глоток за глотком раскаленный чай, казалось, все силы сосредоточила на том, чтобы не расплакаться. Но довольно скоро щеки ее начали розоветь, потом запылали пробившимся из-под смерзшейся пудры крепчайшим румянцем, и две слезинки, все же не удержавшиеся на краях ресниц, мгновенно испарились на этом румянце, так и не достигнув клеенки. Гостья распрямилась на стуле,

даже слегка откинулась на спинку, отодвинула чашку, сказала: «Ух!», обвела внимательным взглядом комнату и наконец остановила его на Аргунове.

— Ну что, пришла в себя?

— Господи, сдохну, думала. За два часа ни одной машины. А говорили — не дыра. Потом решила — пойду, а ноги не идут, еле поползла.

Она еще немного покрутила головой, с интересом, однако без всякого пренебрежения рассматривая убогую обстановку жилища, затем повернулась к хозяину уже всем телом, основательно, так что заскрипел стул, и с максимальной вежливостью, на которую способна, произнесла:

— Большое вам спасибо. Меня зовут Вера Степанова. А тебя?

Аргунов строил тоже очень вежливую и серьезную физиономию и даже сделал что-то вроде полупоклона, правда, не привставая с табуретки:

— А меня Григорием Андреевичем. Хотя в данный момент приму для краткости и обращение Григорий. Но все же лучше на «вы». Тебе сколько лет?

— Восемнадцать. Позавчера был день рождения.

— Ну вот. А мне совсем скоро тридцать шесть. У меня дочка такая вполне могла быть.

Вера вдруг резко, коротко и не очень приятно рассмеялась:

— Да ладно, дочка... Сейчас мужики так рано детей не заводят, стерегутся. Им другого надо. Одного им всем надо, мужикам-то...

— Во-первых, это все-таки не сейчас, почти два десятка лет прошло. А во-вторых, не знаю, чего всем мужикам надо, не имею достаточного опыта для столь широких обобщений, но все же думаю, что всем им надо совершенно разного. Однако давай лучше ужинать, а то у нас с тобой куда-то не туда разговор пошел. Тебе чего положить?

Несколько скованно, чуть поджав губы, Вера повернулась к столу и тут впервые по-настоящему обратила внимание на угощение:

— Ого! Ничего себе. Это у вас всегда так?

— Всегда. Подожди, сейчас картошку принесу, я ее на плите закутанную оставил, не должна остыть.

— А выпить нечего?

— Вот вина нет. Не сообразил. Я-то сам непьющий. Хотя подожди, у комендантши, может, есть. Пойду, спрошу.

Когда через несколько минут Аргунов вернулся с миской действительно совсем неостывшей, исходящей паром картошки, Вера уже наложила себе на тарелку одновременно колбасу, шпроты, буженину и крутое яйцо. Ногтем указательного пальца она тихонько постукивала по краю тарелки, а в другой руке нетерпеливо мяла горбушку хлеба.

— Нет, к сожалению, у комендантши ничего, кроме водки, не имеется...

— Во класс, да тут вся закуска как раз под белое! Самое оно будет.

Аргунов поставил миску на стол, пару мгновений с некоторым сомнением глядя на Веру, постоял в нерешительности, хотел что-то сказать, но затем молча быстро вышел и вернулся с бутылкой дешевой водки. Открыл ее, налил за отсутствием рюмок в чайные стаканы — меньше, чем на четверть.

— Ну, что же, будем здоровы. Да, я обо всем договорился, тут рядом в комнате три

девчонки живут, одна как раз в отпуске, на ее кровати и переночуешь, белье чистое там уже лежит. А две другие в ночную смену сегодня, никто не помешает.

Вера оживленно подняла стакан и потянулась к Аргунову чокаться:

— Ага, за знакомство. Здорово. Только зря так беспокоились, кто мне помешать может, нас вот в комнате шестеро, и друг другу не помеха, скучаем даже, бывает, когда народу мало, только это редко. Ну, когда мало.

Аргунов предложил гостье еще картошки, Вера ела быстро, но очень аккуратно, даже некоторое изящество порой проскальзывало в ее жестах. Водку выпила быстро, одним глотком, без всяких эмоций, кажется, и вовсе не обратив на нее никакого внимания. Через минуту, увидев, что Григорий не торопится повторять, сама взяла бутылку в руки и налила себе полстакана, потом, сообразив что-то и даже как будто чуть смутившись, привстала, чтобы налить хозяину. Тот прикрыл стакан ладонью:

— Спасибо, больше не надо. Я лучше пива выпью. Тебе налить?

— Не, у вас у самих мало. Да и не люблю мешать, голова потом трещит. А я выпью еще, ничего? Я пьяная не буду, вы не думайте, и еды много...

— Ничего. Раз не будешь, то ничего. Ты живешь-то где, в городе?

— В городе. Только не живу. То есть, можно сказать, и живу. Я вообще-то тут недалеко, километров пятьдесят, Опалиха, деревня такая, не слышали? А в городе в ПТУ учусь. Заканчиваю уже. И общага у нас там. Хорошая, теплая. И девочки хорошие. У нас весело.

— И кого из вас готовят?

— Да там разное. По бытовому обслуживанию населения. Я вот швеей-мотористкой буду, у меня и место там на комбинате готово. Обещали, просили даже, у них народу нет. Но я еще думаю пока, может и не останусь.

— Домой вернешься?

— Какое, домой, нужна я там кому очень! — Вера как-то не очень естественно захватски махнула рукой при этих словах, не предлагая более Аргунову, налила себе на глоток водки, выпила мимоходом, но тут же, словно испугавшись неверного понимания, остави-

ла стакан и очень серьезно, стараясь придать голосу всю возможную убедительность, быстро заговорила:

— Только вы не подумайте, у меня мама очень хорошая, она образованная, бухгалтером в правлении работает, у нее грамоты есть, только ей не везло всегда. Я про отца своего не скажу, не знаю, она молчит, но, думаю, тоже фрукт был. Потом еще один, это я уже помню, с ним она троих родила, девки все, сестры мне. Вот сволочь редкостная, лакал без роздыха и аж зверел. Различия не делал, что я, что свои девки, всем поровну доставалось. А маме больше всех. Забил бы всех к черту, точно забил бы, да под трактор попал по пьяни. Жалко, поздно. На маму уже смотреть нельзя было, серая вся. А терпела. И еще бы терпела. Тут не понять ничего. Он, говорит, вообще-то хороший. Тут с ней все бесполезно, загадка какая-то.

— Видимо, любила она его очень.

— Во-во. Это самое слово. Я его как теперь слышу, так мне нехорошо делается. Аж тошнит. Ну ладно, кончилось у нее, отголосила, платье черное до дыр затаскала, живи теперь спокойно, чего надо еще? Хотя мама у меня красивая.

Даже очень. И молодая, если в сравнении с другими. Ей почти сколько вам будет. А он уже старик, на пенсию скоро. Хотя богатый. Как будто.

— Это твой новый отчим, как я понимаю?

— Типа того. Они только пока не оформились по-настоящему, присматривается. Только думаю, никуда он не денется, кто ему еще рубашки стирать будет, а сам он со дня на день развалится — лопатой не соберешь. А вот ей зачем? Ну, да ладно, смотрю — страдает, а ему, главное, боязно, что столько баб сразу на шею норовят. Хорошо, думаю, я вам не помеха, одной меньше — уже легче. Да и подружки у меня еще две были. Вместе и подались.

— Значит, матери решила таким образом помочь? А то бы осталась?

— Да кто его знает. Нет, наверное, все равно не осталась бы. Я в Москву хотела, смотришь иногда по «Времени», где погода, картинки показывают, Большой театр там, или стадион Ленина, так я те картинки во сне потом видела. Мы и собирались сначала в Москву, даже узнали все, там строительное училище лимит давало. Но потом в последний момент перерешили.

Уговорили нас. Приезжали из нашего училища, прямо в школу, зачем вам, говорят, сразу в Москву соваться, вы там с непривычки голову сломайте, а у нас все условия, и специальность все же женская, культурная, не то, что там на морозе под открытым небом кирпичи таскать. И с другой стороны, до столицы всего четыре часа электричкой. Захотите, в любой момент пожайлуста, хоть каждый день катайся. Я подумала, подумала, мне, главное, маму жалко стало, тут все-таки и не так уж далеко, а из Москвы неизвестно, когда еще выберешься, да и кто знает, что там у нее с этим бобром получится...

Вера действительно по виду совершенно не пьянела, хотя в бутылке и осталось меньше половины. Правда, и ела она хорошо, если считать, что Аргунов довольствовался в основном сыром и маслинами, то вся остальная, наиболее калорийная пища пришлась на долю девушки, и доля эта явно не показалась ей чрезмерной. Григорий убрал со стола (Вера сразу же кинулась помогать, но он не позволил очень решительно), отнес грязную посуду на кухню, поставил чайник, пока тот закипал, быстренько сполоснул тарелки, оставлять их тут не положе-

но, да и негде, каждый держал свое хозяйство в комнате, здесь только готовили, иначе совсем бы не повернуться. Затем отнес чайник, достал банку джема, к случаю нашлось еще немного печенья, старого, правда, но того сорта, что от времени не меняется. Вера задумчиво крутила в руке пустой стакан, на сей раз размышляя, видимо, стоит ли продолжать, и говорила мечтательно:

— Ох, хорошо-то как, не верится прямо... Сейчас бы еще покурить, хоть папироску какую паршивую, так вообще рай, да ладно уж...

Аргунов достал из тумбочки пачку «БТ», что держал для редчайших гостей, там не хватало всего двух сигарет, положил перед Верой, пододвинул ей чистое блюдо под пепельницу и зажег спичку.

— Только ты, пожалуйста, много не дыми, мне еще здесь спать, а сейчас как следует не проветришь, если окно открыть, холодно будет. Топят плохо.

Вера затаилась с видимым наслаждением, аж рука дрогнула.

— Ну, красота! А вы совсем-совсем не курите или бросили недавно?

— Совсем-совсем. И не курил никогда. У меня легкие слабые. С детства.

— Чудеса. Не пьющий, не курящий, хозяйственный. Вот кому-то муж достанется, обзаведешься. Мне б рассказали, я б не поверила.

— А вот мужем я, как раз, был не очень... Даже, прямо скажем, совсем паршивым мужем был. Так что тут, видать, прямой зависимости не наблюдается. Пей чай, а то остынет. Ты джем любишь?

— Люблю. Наверное. Я такой не ела никогда. Он сладкий? Ну, значит, люблю.

— Так что там у тебя с Москвой, чем ваш роман кончился, насмотрелась, перестали картинки сниться или тревожат все еще?

— Сниться перестали. Я не маленькая уже, мне другое снится. А насмотрелась... да какое там насмотрелась. Это только разговор один, что рядом, и электричка ходит. Четыре часа в один конец, в тот же день обратно. Остановиться-то негде, да там и присесть толком негде, все на ногах, у ЦУМа лавки заняты, а со ступенек милиция гонит. Съездила один раз, мертвая вернулась, голова кругом, и не видела толком ничего, неделю потом отходила. Да

и денег таких нет — кататься, одна дорога, а там вообще глаза разбегаются, всего хочется, а стипендия наша... Ну, короче, за все годы так больше и не выбралась. Но я это дело так не оставляю. Сперва, может, и поработаю на комбинате, где предлагают, а все же стараться буду в Москву. Мы и с девчонками так решили, до конца вместе держаться.

— И как ты собираешься стараться, замуж, что ли?

— Замуж — это мечта! Особенно, если, конечно, сразу со своей жилплощадью. Только, где нам москвича взять, да и кто сейчас женится? Так что зря губы раскатывать? Тут другое, говорят, в Люберцах, или еще где, есть места, совсем рядом, можно фабрику найти, чтобы с общежитием, а через три года прописка постоянная. А эта прописка — все равно, что ты уже в Москве, на любую работу возьмут в самой столице. А потом разберемся, добратся бы только...

— Да, завидная тяга и целеустремленность. Дай-то бог.

— А что, и тяга! Вы сами-то были в Москве когда?

— Я родился там. И учился. И все прочее.

— Ну да! И уехали? Во даете! Жилья, что ли, не было, жена выписала? А вы кем тут на комбинате, что ж вам как специалисту квартиру-то не дали? Поди, обещают все, вы бы сразу требовали, а то станут динаму крутить, по вам видно, что можно, какой-то вы...

Вера, несколько замаявшись и споткнувшись, покрутила неопределенно пальцами, потом поднялась, заметно, что засиделась на стуле, разминая затекшее тело, прогнулась вдруг неожиданно блеснувшим грациозностью движением и отошла к окну. За стеклом было плохо и холодно.

— Я на комбинате никем. В общежитии этом случайно устроился. А работаю грузчиком. Пивной бар на привокзальной площади заметила наверное?

— Ладно, — довольно тихо и даже несколько устало сказала Вера, совсем не принимая слишком явной для нее шутки, — не надо, видела я грузчиков. Вы меня вообще зря все время за маленькую дурочку принимаете... Я же не навязываюсь... Вы мне еще чаю не подогреете, я бы и сама, да вы

не разрешаете на кухню ходить, у вас с этим строго, да?

Аргунов взял чайник и пошел на кухню. Возвращаться сразу он не стал, подождал, пока закипит вода, внимательно глядя на огонь и стараясь не думать совсем ни о чем. Когда вернулся в комнату, Веры у окна уже не было, она сидела на кровати, поджав под себя ноги и прикрыв колени отогнутым углом покрывала. Аргунов заметил, что водки еще поубавилось.

— Я тут немножко посижу, можно, а то на стуле затекло все, я аккуратно, не помну ничего, а?

Аргунов кивнул, налил чаю, размешал сахар, он уже заметил, что она кладет себе четыре куска, и подал ей в руки на блюде. Вера полуизвиняясь, полублагодарно улыбнулась. Говорила теперь довольно медленно, но чувствовалось в этом совсем не опьянение, а обычная усталость.

— У вас вон сколько книг хороших. И стихов много. Я люблю стихи-то...

— А какие?

— Да всякие. Я часто читаю, вы не думайте... Я Щипачева читала, у него про любовь хорошо так... Еще Асадов, про женскую гор-

дость... У вас его книжки нет, я посмотрела, конечно, ее достать тяжело.

— Тебе же от слова любовь нехорошо делается.

— Так то от слова, а другое дело — стихи. Мне еще вот один стих очень нравится, только я автора не помню, у меня, если честно, вообще память не очень, мне и в школе часто говорили... Там про то, как один человек заблудился ночью в метель, а его девушка спасла. И потом у них все так здорово было, они у огня сидели. Там есть еще такая строчка не очень понятная, я ее, может, потому как раз единственную наизусть запомнила — «и локон, выющийся как хмель»... При чем тут хмель, а?

— Это растение такое — хмель. Вьется очень красиво. Стихотворение действительно прекрасное. Его написал Роберт Бернс, был такой поэт в Шотландии. Только нельзя любить одновременно и Асадова и Бернса, ты бы что-нибудь одно выбрала...

— Почему нельзя, можно... зачем выбирать... можно...

Аргунов сидел у стола и маленькими глотками, так только, чтобы сбить непонятно откуда

взявшуюся сухость в горле, допивал остывший чай, Вера свой давно допила и теперь, поставив чашку рядом, прямо на покрывало, уютно щурилась от света бьющей ей в глаза лампы. Разговор затухал, перерывы между фразами становились все больше, слова произносились все ленивее и порой даже не очень внятно. Аргунов несколько раз ловил себя на том, что отвечает автоматически, не очень вслушиваясь в речь собеседницы, да и в свою, впрочем, тоже. Наконец он решительно встал, собрал чашки и пошел их мыть. Последняя фраза, которая осталась у него в памяти, вернее, даже не целая фраза, а так, несколько слов без начала и конца:

— ...я не тряпками, и колбасы мне ихней не надо... фонтан...

И еще, когда он уже закрывал за собой дверь, как сквозь сон:

— Какой вы счастливый... и красивый...

Помыв чашки, Григорий пошел в соседнюю комнату, постелил на указанной ему кровати выделенное комендантшей белье и вернулся к себе. Вера спала, свернувшись калачиком и натянув на себя покрывало. Аргунов тихо тронул

ее за плечо. Девушка невнятно забормотала, не открывая глаз и явно уже ничего не соображая:

— Сейчас, я сейчас... минуточку еще... ты только не приставай... минуточку...

Аргунов в некоторой задумчивости постоял возле нее еще какое-то время, потом снял со стены тулуп, кинул его на пол, погасил свет и лег спать.

Встали они рано. Вере надо было успеть на первую электричку, да и рабочий день грузчика строго нормирован. Наскоро собрались, не завтракали, не хотелось, пошли к станции. Погода стала совсем мерзкой, пуржило и, казалось, похолодало еще более, хотя вроде более и некуда. У вокзала им встретился Черных, он бросил вскользь, даже не взглянув на спутницу Аргунова:

— Поторопись, Григорий, сегодня обещали свежее пиво пораньше привезти. Две машины. Один не управлюсь...

Аргунов молча кивнул и пошел к кассе. Он за все утро не произнес почти ни слова, как, впрочем, и Вера. Когда вернулся с билетом, тут же подошла электричка. Вера вошла в тамбур,

повернулась к Аргунову лицом и посмотрела ему в глаза без тени улыбки. Григорий что-то неопределенно хмыкнул в воротник, стараясь соорудить приличествующую данному моменту гримасу, хотя, убей бог, даже представить себе не мог, что тут чему может приличествовать. Девушка не шевелилась.

— Что ж, до свидания, Вера. Может, черкнешь мне пару строк, у тебя адрес-то остался? Или будешь когда в наших краях...

Аргунов не успел сообразить, что он несет. Губы девушки бешено запрыгали, руки судорожно начали рыться в карманах.

— Адрес... адрес, говоришь, — она наконец буквально выдрала откуда-то чуть не с подкладкой тот обрывок бумаги, на котором вчера Аргунов писал ей свои координаты и стала терзать его, расшвыривая в стороны крохотные клочья, как будто стараясь продлить мучения этого беззащитного существа, — адрес... вот тебе твой адрес! Сволочь, сука рваная, дрянь, сволочь, сволочь!..

Двери уже закрылись, электричка тронулась, а Вера все продолжала измываться над бумажкой и кричать сквозь замерзшее и почти

не пропускающее света стекло со стандартной надписью по трафарету.

— Что это с ней, ненормальная, что ли?

Аргунов оглянулся и увидел рядом с собой старшину Васина, который, видимо, наблюдал всю сцену изначально и был ею крайне удивлен.

— Что с ней? Не знаю, Петр Сергеевич. Не знаю. К сожалению...

И опять осталось не совсем понятным, к чему относится это сожаление, к тому ли, что не знает, или к чему-то совершенно другому, что должно было последовать далее, но так и не последовало.

ОТПУСК ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД

Теплым летним вечером, то ли в самом конце июня, то ли в начале июля с превеликим удовольствием отвалил от перрона Курского вокзала фирменный поезд и ринулся к южному морю.

Одна за одной промелькнули на площадках солидные, затянутые в одинаковые тугие синие платья проводницы, окошки с приплюснутыми к стеклу носами, спальный вагон, вагон-ресторан, простучали колеса, пропел свисток, все закончилось. Провожавшие разошлись быстро, спешили в метро до закрытия, да и немного их было, как вообще немного людей желало оставаться в эту жаркую пору на городском асфальте. Опустел перрон, только какой-то выпивший мужичонка стоял, прислонившись к опорному столбу, и непонятно зачем долго еще смотрел вслед давно ушедшему поезду. Вся его поза выражала тоску, но если бы кто-нибудь заглянул ему в глаза, то увидел бы не зависть к уехавшим, а грусть и как будто даже сожаление о них. Однако некому было в тот час заглядывать в глаза одинокому человеку.

Слава никогда не отдыхал на юге, а Зина отдыхала, но в далёком детстве. Они никуда в отпуск не ездили лет пять, то есть столько, сколько женаты. Поженились на пятом курсе института, сдали государственные экзамены, получили дипломы со свободным распределением, напились как следует на прощальной ве-

черинке с однокурсниками и огляделись вокруг с некоторым изумлением и опаской.

Зина приехала учиться в Москву издалека, где у нее никого и ничего. Существовала в общезжитии и почти на стипендию. Понятно как. Подрабатывала. Зимой письма разносила, летом в отрядах. Питалась плохо и желудок себе испортила сильно. Училась прилично по необходимости. Наука ее интересовала не очень, к институту она относилась более как к гарантии другого уровня существования по отношению к прошлому, о котором вспоминать не любила. Прагматизм имел место в ее натуре, но не сыграл роли при выборе мужа.

Слава от рождения жил в Москве. Отца не было, мама работала в библиотеке, они имели на двоих комнату в коммуналке. Правда, большую комнату. И многие годы надеялись, что дом займет организация. Отличный дом, в самом центре, все вокруг, даже похуже, давно заняли, а их так и остался. Учился Слава тоже только на необходимом для стипендии уровне, но никаких гарантий никакой жизни не хотел, а в институт поступил исключительно, чтобы не идти в армию и успокоить маму. Желудок у него в

относительном порядке на крайне небогатой, но все-таки домашней пище.

Они учились на разных факультетах и не общались. Познакомились в начале последнего курса на каком-то общественном мероприятии. Возник роман, вспыхнула любовь, закружились головы, или в другом порядке все это происходило, но в результате они несколько утратили ориентацию и свойственное каждому из них в достаточной степени чувство реальности. Поженились. То есть, конечно, не совсем правильно обозначать произошедшие словом, подразумевающим нечто серьезное и имеющим отношение к созданию семьи. С двумя приятелями сходили записать свое новое гражданское состояние, оповестили об этом события маму, поздравили ее даже, и продолжали прежнее бытие без особых изменений.

Славина мама если и не была в совершенном восторге, то и претензий к свершившемуся тоже особых не имела, так как поняла окончательно, поверила, что мальчик закончит институт, а это для нее в жизни самое главное — исполнить материнский долг и дать сыну высшее образование, доказать миру и себе, что отсутствие отца не сделало жизнь ребенка ущербной. И пос-

кольку все это уже доказано и в счастливом финале сомневаться не приходилось, то мама предельно доброжелательно отнеслась к браку. Но исчезнуть по этому поводу она тоже не могла. И потому комната оказывалась в распоряжении молодоженов только в рабочее время.

Впрочем, их это пока устраивало. Их в тот момент все устраивало. Смотрели друг на друга влажными туповатыми глазами и ходили, держась за руки. Хорошо, не спотыкались. Или в библиотеке сидели, или в койке валялись, пока мать на работе. Ночевать обычно Зина шла к себе в общежитие, у нее там все-таки вещи были, с переездом пока решили не заводить, но иногда, если занимались допоздна у Славы, то матери удавалось уговорить Зину остаться, и та засыпала со Славой на узеньком его раскладном диванчике. Однако чаще распорядок бывал такой. На лекции, в койку, в библиотеку, по домам спать. Ритм особо расслабиться не давал.

Где там оглядеться как следует. Только зимнюю сессию свалили, уже диплом делать надо. Еще диплом не готов, сдали весеннюю. Опять диплом заканчивать. Защита. Государственные. Все, приехали.

Собрала Зина небогатый свой гардеробчик в чемоданчик, две чашки красивые с дулевским чайником заварочным в газету завернула, чтоб не бились друг о друга. Сняла со стены репродукцию картины Брейгеля, где дети на коньках, в трубочку свернула. И перевезла на жилплощадь мужа. Мама с работы пришла. Сели за стол, чай заварили в новом здесь чайнике. Стали этот чай пить. Мама настроена добродушно и умиротворенно, что вы, мол, головы себе морочите, не вешайте носа, проживем как-нибудь, все впреди...

Особых оснований для оптимизма, однако, не было. Требовалось найти приличную работу в Москве по отнюдь недефицитной специальности, решить что-то с жильем, деньги, чтобы хоть на время снять комнату, отсутствовали, связей не существовало, сколько-нибудь реального практического опыта тоже. Оставалось надеяться, что хватит сил по молодости. Но и эта надежда не особенно вдохновляла. Ребята растерялись.

Однако растерянность прошла быстро. Оказалось, что они толком не знали ни себя, ни друг друга. Сил хватило на все. И не только у

молодых. Мама, посчитав, что выполнила свое жизненное предназначение, увидев в руках сына диплом, вздохнула с облегчением, но облегчение это подействовало на нее не очень обычным образом. Она не расслабилась, и не отошла от житейских забот на покой, а наоборот, словно избавившись от давившего всю жизнь груза, распрямилась, купила себе из последних сбережений новое платье, перестав быть несколько затравленной опасениями наседкой, оказалась плечом к плечу с сыном во всех его делах надежным боевым товарищем. А по другую сторону молча, но со скрытым за этим молчанием жестким упрямством встала Зина, затуманенный последние месяцы взор которой прояснился, и выяснилось, что при необходимости он может быть достаточно холоден и пристален. Без ущерба для эмоций.

Нет возможности даже просто перечислить, что наворотили они за эти пять с небольшим лет. Не думаю также, что существует способ с совершенной точностью выяснить, как они это сделали. Но итог оказался в достаточной степени наглядным. Вернее, конечно, не итог, об итоге никто не думал, а так, определенная ступень

в развитии. Прекрасная трехкомнатная квартира с огромным холлом на Юго-Западе, пара гарнитуров, не из самых дорогих, но достаточно изящных, болгарский и чешский, вот кухня, правда, финская, первая (больше пока не надо) модель цвета «коррида» под окнами, звание кандидата наук у Зины и должность старшего группы у Славы. Кроме того, еще перед должностью, были три месяца в Монголии, а после назначения неделя в Австрии и двадцать дней в ФРГ. Пока.

Даже нельзя сказать, чтобы очень устали. Мать, казалось, молодела с каждым годом и превосходно себя чувствовала. Дети тоже смотрелись отлично, молодые ребята спортивного типа без грамма лишнего жира, улыбка на устах, уверенность во взгляде, четкость в движениях. И все же наступил момент, когда все трое сказали себе — «спокойно!» Пришла пора менять ритм и режим. Мать твердо заявила, что тут им не по дороге, развлечения имеют гораздо большую возрастную дифференциацию, чем работа, достала себе путевку в солидный прибалтийский санаторий и укатила. Ребята немного задержались в Москве, подыскивая наиболее

интересный вариант, и тут совершенно неожиданно он им представился, и действительно исключительный.

Строго говоря, совершенно неожиданным назвать его не совсем возможно. Еще в самом начале трудовой деятельности появился у них довольно любопытный знакомый. Люций Кречетов имел возраст очень неопределенный, между тридцатью и сорока. Занимался он какими-то вопросами в области внешней торговли, но при этом выходило, что имеет дело все-таки с ценностями скорее духовными, чем материальными. Как он стал знакомым и даже в некоторой степени приятелем молодой пары — установить крайне трудно. Вроде бы возник сам по себе и ниоткуда, вчера еще не было никакого Кречетова, а вот сегодня уже сидит на кухне в углу за бокалом шампанского, забежал всего на минуту по дороге, без предупреждения, но ему рады, и знают, что он не утомит, назойливым не будет, что на счет минуты, это не просто слова, а при этом говорит интересно и много полезного. Шампанское с собой всегда, в любое время суток, можно подумать, что возит в багажнике ящик, но ящика в багажнике не возит, так как

по непонятной прихоти обходится вовсе без машины.

Самое странное заключалось, пожалуй, в том, на кой, собственно, черт, нужны Слава с Зиной этому Люцию. Но обычно такого рода вопросами люди задаются только в случае, когда подозревают за знакомым некие корыстные побуждения и стараются в этом подозрении утвердиться. Думать же что-либо подобное в отношении Кречетова совершенно смешно, он обладал возможностями, которые совершенно исключали всякое сомнение в его бескорыстии. Более того, нередко случалось, что эти возможности вдруг перехлестывали его потребности, и тогда он с величайшей легкостью делился ими с друзьями, в том числе и со Славой. Вот, например, очередь свою на машину отдал. Ему не надо, зачем должна пропадать? Сложность с поездкой за границу возникла, Люцию стоило только телефонную трубку снять. Оказалось, его давно какой-то ответственный товарищ умолял дать возможность отблагодарить за оказанную услугу, но кроме как к заграничным поездкам товарищ этот ни к чему отношения не имел, а именно этого Кречетову ну абсолютно

не требовалось, не ездил он туда и ездить не собирался, так почему Славе не помочь, раз все равно пропадает? Короче, Люций удивительно ненавязчиво умел появиться в проблемной ситуации и решить вопрос с выражением лица абсолютно мимоходным.

Вот и сейчас. Оказалось, что приятель Кречетова уехал в длительную командировку. И просил Люция присмотреть за домом. А дом на берегу моря. Огромный, двухэтажный, комнат на пятнадцать. Кругом масса интересного. Туда как раз Кречетов в данный момент и собирается. Почему бы не поехать вместе? Решили, что вариант идеальный.

Слава и Зина начали готовиться. Собственного опыта не имелось, но существовали знания, почерпнутые из большого потока информации, а так же стремление организовать предварительно все так, чтобы потом не испытывать даже малейших неудобств. Закупались плавки и купальники лучших фирм, темные очки с «цейсовскими» стеклами, ласты, маски, матрасы надувные и поролоновые, надувные же подушки, трансформирующиеся в сумку, пляжные махровые сумки, трансформирующиеся в под-

стилки, термосы, автомобильный холодильник, невероятной величины зонты с изменяющимся углом наклона, чтобы следить зенит, и еще великое множество самых необходимых мелочей от туалетной бумаги до спортивного инвентаря. Венцом стал довольно внушительных размеров плоский ящик, который Слава втащил в квартиру с определенным трудом, заявив, что если под зонтами на пляже они захотят попить кофе из термоса или пиво из холодильника, то совершенно необязательно придумывать несвойственные телу современного европейца позы, когда можно воспользоваться достаточно простым приспособлением. Окончив в некоторой степени извиняющуюся речь, Слава покрутил что-то у ящика, и тот превратился в довольно приличный стол с четырьмя табуретками по бокам. Зина решительно махнула рукой и заявила, что считает подготовительный период завершенным. Позвонили Кречетову, назначили точный день отъезда.

Но тут выяснился один нюанс, связанный как раз с отсутствием опыта. Когда начали загружать собранное в машину, планы ехать в ней вдвоем лопнули с треском. Да какое там

втроем! При самом умелом и рациональном в четвертый раз переукладывании, укладывании, засовывании и утрамбовывании, в салоне с превеликим трудом удавалось оставить место для водителя, и с условием, что шевелиться он не будет.

— Все! — сказала Зина. — Все! Все-все несите назад, что мы, в конце концов, рабы вещей или отдыхать едем? Несите!

Голос ее был тверд, но в глазах слезы. Ситуацию как обычно с невероятной легкостью разрешил Кречетов. Он вручил ребятам два билета в спальный вагон и уверил, что прекрасно сам отгонит машину с грузом к морю, так удобнее для всех, он, например, терпеть не может, когда ему в дороге говорят под руку, а от этого ни один самый святой попутчик не мог никогда удержаться. Слава быстренько выписал Люцию доверенность, отдал ключи, и они простились до встречи на южном вокзале.

Чтобы прибыть пораньше, разгрузиться и встретить ребят с поезда, Кречетов выехал на сутки раньше. Но на всякий случай, мало ли какая задержка произойдет в дороге, он оставил Славе второй ключ от дома и подробный план,

как добраться. Учтено все, все непредвиденное исключено, все случайное отмечено, все самое лучшее — гарантировано. Поезд тронулся, и Слава с Зиной закрыли дверь купе.

Спальный вагон оказался именно такого образца, который предпочитал Слава. Отечественный, полки находятся не одна над другой, а обе внизу. Посредине столик с накрахмаленной салфеткой, на окнах занавески в голубую фирменную полоску. Зина мгновенно сменила джинсы с майкой на короткий предельно легкий халат, Слава надел шорты, приоткрыл окно и, откинувшись к стене, вытянул ноги. Жена села рядом, положила голову ему на плечо:

— Как же я люблю тебя, Славик!

— Ну, положим, сейчас ты испытываешь совсем другие чувства!

— Дурак, кого же я тогда люблю?

— Не аргумент. Даже если больше никого и не любишь, из этого не следует, что любишь меня. Но на самом деле ты, как раз очень возможно, меня и любишь. Однако в данный момент обуревают тебя другие эмоции. Нам еще три года до тридцати. У нас все в полном порядке в настоящем, и примерно то же ожида-

ется в будущем. Погода отличная. Едем на юг. Предстоит месяц великолепного отдыха у моря. Купе комфортное, ничего не болит, сейчас ужинать будем. Вот ты и излагаешь все это в форме «Как же я люблю тебя, Славик!» Раз уж и Славик рядом.

— Ты нудный и мелочный. Ну и что, что мне хорошо? А ты хочешь, чтобы я тебя любила в невероятно сложных условиях на полярной льдине вопреки разбушевавшейся стихии?

— Меньше всего мне требуется любовь на льдине. Там нет условий. Давай лучше так. Любимая.

Они засмеялись, коротко поцеловались и стали накрывать на стол. Слава достал из-под полки плетеную корзинку с крутыми боками, не очень большую с виду, но в действительности чрезвычайно вместительную. Оттуда появились бумажные тарелки, пластмассовые стаканчики и бутерброды: с икрой такой и такой, с рыбой горячего и холодного, с баночной ветчиной, с венгерской саями, со швейцарским сыром. Пакетик маслин. Жестяная розетка с уже порезанным и пропитавшимся сахаром лимоном. Горка

блестящей мытыми листочками грузинской зелени. Помидоры. Пара груш. И, наконец, стол был украшен еще холодной бутылкой шампанского (до последнего мига держали специально в морозильнике) и фляжкой коньяка. Сели ужинать.

Вошла проводница забрать билеты и предложить чаю. Билеты ей отдали, а насчет остального Зина мило прошептала, что если можно, то чуть позже, и если, конечно, не затруднит... Тут Слава с билетами сунул вместо положенных за постель двух рублей пятерку, не очень внятно и не совсем нежно пробурчав, что со сдачей потом разберемся со всем вместе... И сделал какой-то довольно неопределенный жест рукой. Трудно понять, что он хотел этим сказать, но проводница выплыла из купе совершенно очарованная и более до конца пути не беспокоила.

Первый стакан вина выпили залпом, с наслаждением, аж зубы заломило от холодного, и азартно накнулись на еду. Действительно были голодны, день выдался суматошный, толком поесть не успели ни разу, но зато все предусмотрели, ничего не забыли и вот сейчас наслаждались этой своей предусматри-

тельностью. По местному вещанию звучала мягкая музыка, поезд шел ровно, только чуть покачивая жидкость в бутылках, спокойный, вежливый свет успокаивал уставшие от раскаленного дня глаза, все казалось удивительно продуманным и созданным именно для них. Так оно и было.

Наступила совсем поздняя ночь. Звонко позвякивала давно пустая бутылка от шампанского, в стаканчиках плескалось немного коньяка. Они сидели с приоткрытым окном, медленно курили одну сигарету на двоих, не отрываясь смотрели на быстрые тени вдоль смутно угадываемого очертания насыпи, дышали мерно и глубоко. Говорить не хотелось, спать тоже. Было жалко отпускать этот вечер, эту ночь, хотелось продлить еще хоть немного, сидеть вот так, изредка касаясь друг друга пальцами и не думать ни о чем. Но рождалось уже и беспокоило чувство утраты, конечности происходящего. Когда, наконец, легли, блаженно растянувшись на прохладных, ломких от крахмала простынях, Зина сказала быстрым шопотом:

— Ты знаешь, а мне страшно.

— Нервы? С чего?

— Причем тут нервы? Просто подумала. Я сейчас так жду этого отдыха. Гоню время, чтобы скорее началось, думаю, как будет здорово. И кажется, никак не дождусь. А ведь всего один миг, и так же лежу на полке, а вагон уже идет к Москве. И все станет в прошлом, и кончится, и ничего не будет. Так, может, лучше, чтоб и не наступало?

— Чепуха. Почему не будет? Этого не будет, другое начнется. Еще лучше. Следующий год на Балатон поедem, мне твердо обещано.

— Ну как ты не понимаешь! При чем тут Балатон? Этого-то все равно не будет, именно этого самого «хорошо». А другое — уже другое «хорошо», оно это не заменит. Да и Балатона тоже не будет. Опять миг только, и кончится весь твой Балатон. И что потом — тоже. Понимаешь?

— Понимаю. Уговорила. На следующей остановке сходим и едем обратно. Раз уж все равно. Чтоб зря не мучиться. Одевайся.

— И очень неостроумно. Я с тобой серьезно.

— Серьезно тут не получится. Потому — скучно и даже, наверное, пошло. Ты что, про

бренность всего земного, про скоротечность жизни, про эфемерность наших радостей и удовольствий? Ну да, да, бrenно, скоротечно, дальше чего? Тебе кто-нибудь в детстве пообещал вечную молодость, это для тебя вдруг так неожиданно? Страшно ей, понимаете ли...

— Ты мне иногда, Славик, маму мою напоминаешь. У меня о ней мало воспоминаний сохранилось, но из самых ярких такое. Я в детстве очень боялась темноты. Так вот она каждый раз перед сном очень подробно и убедительно объясняла: бояться нечего, водила по всем углам, показывая, там никого нет, даже под кровать заставляла заглянуть, убедиться, что никто не спрятался. Я ребенком была понятливым, соглашалась, действительно, чего бояться. И мама с сознанием исполненного долга желала мне спокойной ночи, гасила свет, шла на кухню заниматься делами.

— Ну, дальше, я тут при чем, что похожего?

— Ты ни при чем, а при чем то, что я вставала, зажигала свет и лишь потом могла заснуть. Ладно. И вправду пора спать. Спокойной ночи.

Когда ни один уже звук, кроме перестука колес, не нарушал более безмятежной тишины спального вагона, из самого крайнего купе вышел человек в майке и тренировочных штанах с сигаретой в руке. Но не направился курить в тамбур, не закурил и в коридоре, что вполне мог позволить себе по столь позднему времени и безлюдью, а встал в довольно напряженной позе у окна боком, глядя совершенно непонятно куда. Постояв так немного, он неслышным мягким шагом двинулся вдоль вагона, придерживаясь кончиками пальцев за стальные штыри от занавесок. У двери, за которой недавно закончилась беседа о страхе, человек притормозил и снова застыл в прежнем не очень естественном виде. Тут с противоположного конца вагона появился сыроватый толстяк под пьяного. Непонятно, откуда и куда пробирался он сейчас по поезду, но делал это с крайне целеустремленным выражением мутных глаз. В момент, когда оба полуночника оказались рядом, они слабо кивнули друг другу. А может, только первый, в майке, кивнул в сторону запертой двери напротив, толстяк же только вздрогнул от неожиданности кивка. А может, никто из них не кивал, просто

шатнуло поезд на неровном стыке, и игра теней довершила иллюзию. Но что бы там ни было, толстяк быстренько убрался по своему направлению, человек с сигаретой расслабился, движения его стали более естественными, он стронулся с места и еще долго бесшумно скользил из одного конца вагона в другой, не оставляя на идеально натянутой посреди коридора льняной дорожке ни единой морщинки.

На следующее утро Слава и Зина встали поздно. Хотя проснулись рано. Солнце било в глаза, вчера не позаботились опустить глухую штору, а сейчас не захотели этого делать. Лежали, томно потягиваясь, радостно улыбаясь. Муж жене. Жена мужу. Очень они в тот момент чувствовали себя мужем и женой. Хорошо им было, ясно, чисто, ярко, и мешало слепящее солнце, и хотелось его, и казалось оно необходимым. Вскочили с полок одновременно, не сговариваясь, засмеялись неожиданной синхронности. Полезли доставать туалетные принадлежности, надоставали их много, всякие коробочки, баночки, флакончики, полотенца махровые. Туалет оказался свободен, все давно умылись, ребята с удовольствием, долго приво-

дили себя в порядок. Минут через сорок получились свежие, умытые, благоухающие дорогой парфюмерией. Чуть влажные волосы аккуратно расчесаны, глаза широко раскрыты, губы то и дело срываются на улыбку. Поезд остановился и объявили большой город. Начинались южные места.

На перроне зазывно кричали деловые бабы с корзинками и пакетами. Пока Зина накупала без разбору каких-то ягод, зелень, связки вяленой рыбы, Слава побежал в вокзал, достал свежих газет, еще теплого белого хлеба и каким, неизвестно, чудом оказавшейся здесь ледяной «Фанты». Запрыгнули на подножку отходящего поезда в самый последний момент и, отдуваясь, ссыпали на стол добычу с таким важным и довольным видом, как индейцы у костра после набега на соседнее племя. Взяли у проводницы по два стакана с кипятком, заварили гранулированного кофе и с непонятно откуда взявшимся аппетитом стали уписывать за обе щеки все подряд, рыбу с хлебом, ягоды, траву загадочного наименования, помидоры, в помидорах неожиданно обнаружили контрабандно засунутый на самое дно пакета наверняка еще

прошлогодний соленый огурец, так вот и этот огурец тоже съели.

Когда приступили ко второй чашке кофе, взялись за газеты, у них была такая привычка — за утренним кофе читать обычно газеты. Кроме того, что их, действительно, интересовало написанное, кроме того, что время для такого чтения было и в самом деле удобное, что-то еще во всем этом, в газете за кофе имелось для них притягательное, дух ли какой, статут поведения, воплощение некоего жизненного образа, да кто знает, что тут было, но занятие это всегда им нравилось, но вот сейчас не читалось. Ну, не читалось, и все. Кинули газеты и стали целоваться. Не закурили даже, хотя курили-то за кофе всегда, даже когда газет не оказывалось.

Но целовались недолго, решили не увлекаться, смешно в самом деле, не любовники, на пару дней сбежавшие от семей, не молодожены после первой брачной ночи, что за любовь в этих антисанитарных условиях, вечера не дождутся? И бросили целоваться, взялись кофе допивать, но сердца все же забились у обоих чуть быстрее, и стало еще лучше и веселее.

Катился поезд, день катился, не очень быстро, но неуклонно. Уже чувствовалось дыхание приближающегося моря, уже небо, солнце, каждая порция воздуха стали другими, казалось, люди, дышащие этим воздухом, живущие под этим небом и солнцем, не знают не только сложностей и печалей, а даже неизвестны им такие понятия, как будни, работа, спешка, хмурый взгляд. Так и остались непрочитанными утренние газеты.

Далее была какая-то ленивая поездная суета с походами в вагон-ресторан за «Боржоми», попытками купить еще что-нибудь необычное на коротеньких остановках, унылой и совсем неуместной беседой со старухой из соседнего купе, приставшей неожиданно с казалось бы пустяковым вопросом, а закончившей кратким, но достаточно эмоциональным пересказом событий своей жизни за последние семьдесят лет. Дорога потихоньку начинала надоедать. Нет, они пока не устали, до этого далеко, но ощущения притупились, только недавно вызывавшее бурную радость могло сейчас рассчитывать максимум на легкую улыбку, и совсем немного осталось до момента, когда любое незначитель-

ное неудобство, раньше не берущееся во внимание, грозило появлением раздражения. Однако момент этот не наступил, быстро потемнело, в воздухе повеяло прохладой, спокойствием, и в полной уже темноте поезд прибыл по назначению. Чудесным образом минута в минуту совпав с расписанием.

У вагона Кречетов не встречал. Ребята подождали немного, потом взяли свою облегченную поклажу и пошли на привокзальную площадь. Там творилось что-то невероятное. Путешествуя в спальном вагоне, не очень представляешь себе, сколько народу вмещает поезд, в основном состоящий из плацкартных. И таких поездов с небольшими промежутками прибыло несколько подряд. Ни о каких такси не могло быть и речи. Рвали на части ошалевших леваков с воспаленными глазами, которые, может, и леваками-то не были, а просто мимо проезжали, но на мелочи сейчас никто внимания не обращал. Слава и Зина в некоторой растерянности стояли на краю бушующей заводи, все еще надеясь, что их встретят. Вскоре ни на площади, ни в ближайших окрестностях не осталось ничего даже отдаленно напоминающего средство

передвижения. При этом казалось, толпа вопреки здравому смыслу только увеличивается, а ведь поездов более не приходило. Нервозность в воздухе достигла пределов, ощутимых уже физически. Зина инстинктивно прижала сумку крепче к бедру и сделала пару неуверенных шагов назад. Славе очень хотелось повторить ее движение, но мешало сознание собственной мужественности, и потому он продолжал деловым взглядом осматривать площадь, хотя прекрасно понимал бесполезность этого занятия.

В образовавшееся между супругами пространство вступил низенький сухой человечек в огромных уродливейших темных очках местного производства и надвинутой до самых бровей кепочке. Он мягко, почти не касаясь, но как-то удивительно властно взял ребят за руки повыше локтей и быстрым ровным голосом проговорил, глядя себе под ноги:

— Я родственник, приехал встретить. Иначе разорвут. Идите, не торопясь. Улыбнитесь мне. Девушка, дайте сумку. Не останавливайтесь. Еще раз улыбнитесь.

Его машина оказалась спрятанной в переулке за углом так профессионально, что они чуть

было не проскочили мимо. Но шофер вдруг стал быстр и редкостно ловок, в миг запихнул пассажиров с поклажей на заднее сидение, очутился за рулем и на бешеной скорости заложил вираж вокруг площади под негодующий вой народа. Слава вынул из кармана нарисованный Кречетовым план с адресом и протянул водителю:

— Вы даже не спросили, куда ехать. Вот возьмите, здесь написано. Вы знаете, где это? А то мы в первый раз...

Человек в кепке положил план на панель перед собой и, не снижая скорости, несколько раз быстро заглянул в бумажку:

— У вас тут неправильно нарисовано. И автобус сейчас не ходит. Там с двух сторон ремонт дороги. И проезда нет. То есть проехать можно, имеется одна хитрая, почти тропинка. Но ее и из старожилов мало кто знает.

— Значит, нам повезло... — полувопросительно встряла Зина не очень натуральным голосом с нотками льстинки, который произвольно появлялся у нее в разговоре с людьми из сферы обслуживания. И знала за собой эти нотки, и злилась на себя за них, а вот избавиться не могла. Никак не исчезали, видно, воспоми-

нения о временах, когда приходилось умильно глядеть на официантку в кафе «Север», чтобы дала подольше посидеть за чашкой кофе, так как на вторую денег нет, а на улице мерзко, и ботинки не высохли.

Шофер ничего не ответил, только еще ниже пригнулся к рулю и увеличил скорость, хотя казалось, сделать это было уже невозможно. Огни по сторонам начали сливаться в полосу, потом исчезли вовсе и через несколько минут машина остановилась посреди дороги. Слева слышался шум моря. Также ловко, как при посадке, водитель вытряхнул пассажиров, поставил перед ними сумки, растворил в руке приготовленный Славой червонец, даже не взглянув на достоинство купюры и исчез, с визгом рванув в темноту. Сделал он это быстрее, чем в воздухе растаяла брошенная им на прощание невнятная фраза:

— Идите к воде. Там ступеньки.

Слава и Зина сделали несколько шагов с дороги в сторону прибойного шуршания и, действительно, в слабом свете луны обнаружили каменные ступени и даже с перилами по одному краю.

Лестница оказалась довольно длинной, но почему-то неустойчивой, такие лестницы удаются только редким мастерам, чувствующим законы шага. Ступени выводили на небольшую бетонную площадку перед изящными коваными воротами в высокой сетчатой ограде. За оградой угадывался сад. Море чувствовалось совсем в паре шагов. Оно единственное нарушало здесь тишину.

Трудно поверить, что маленький плоский ключик от самого обычного английского замка, который и в городах-то ставят только на двори, из-за которых вынести нечего, может открывать столь солидные ворота. Но это было именно так. Более того, растворив ворота и пройдя по вымощенной гранитными квадратами дорожке, Слава оказался у двери дома, не уступавшей в солидности воротам, и эту дверь открыл тем же самым ключиком. Мелькнула мысль о некоторой странности освещения, луна сегодня работала как-то очень выборочно, в стиле театрального осветителя. Дорога везде оказывалась видна хорошо, ворота и двери тоже, а вот море при всей близости так и не показалось, и дом рассмотреть трудно, он терял-

ся в переплетении теней, присутствия своего не выдавал. Автоматически Слава одновременно со всеми этими соображениями нашаривал слева от распахнутой двери выключатель, тут же обнаружил его, раздался неприятный сухой щелчок, мгновенная пауза, а затем неожиданно весь дом разом вспыхнул ярчайшим светом, который идет от электрических ламп, только если преломляется потом во множестве хрустальных подвесок. И стало видно здание, сад, море. Море почти от ног и до самого горизонта.

Зина вошла в дверь вслед за мужем, обнаружила Славу посреди комнаты с выражением лица, достаточно изумленным. И последовала его примеру. Действительно, об этом Кречетов не предупреждал. Ну, приятель в командировке, ну, присмотреть надо, но не присматривать требовалось, а смотреть, не отрываясь, в несколько пар глаз, да еще желательно, положив руки на скорострельное оружие крупного калибра. Комната по сути комнатой не являлась. Зал со стеклянным потолком, освещаемый двумя десятками бронзовых канделябров с хрусталем в простенках между высоких окон венецианского

типа. Вдоль стен по наборному простенку... нет, совсем нет смысла подробно описывать этот зал и этот дом, и этот сад, во-первых, потому, что не хватит никакого места, а во-вторых, чтобы не вызвать у читателя нездоровые чувства. Будет проще, если каждый сам вообразит двухэтажную виллу, оборудованную в соответствии с его собственными представлениями о высшей степени комфорта и элегантности. Вообразили? Ну, вот такой это и был дом.

На журнальном столике справа от двери Зина заметила лист бумаги. Записка от Кречетова. «Ребята! Простите, бога ради, но на пару дней появились срочные дела здесь поблизости. Вынужден воспользоваться вашей машиной. Приеду — все объясню. Постараюсь еще до вас дозвониться. Все ваши вещи сгрузил в спальне на втором этаже. Еда в холодильнике на кухне, напитки в баре в столовой. Все к вашим услугам, прошу чувствовать себя как дома, и еще раз простите за небольшую накладку. До скорой встречи». Подписи не было. Зина впервые видела что-либо написанное Люцием, и ее почему-то неприятно поразило слишком отчетливое и угловатое начертание слегка удлиннен-

ных букв. Впрочем, ощущение неприятности мгновенно прошло, как бессмысленное.

Они поднялись на второй этаж, и в одной из спален обнаружили все свои вещи. Чемоданы Славы разобраны, содержимое аккуратно развешано в шкафу и разложено по полкам, чемоданы Зины из скромности оставлены нетронутыми в углу, рядом с внушительной стопкой пляжного оборудования. Первым порывом после того, как немного пришли в себя, было немедленно бежать искупаться при лунном свете. Но тут оба неожиданно почувствовали, что такая, вроде бы предельно облегченная, дорога отнюдь не прошла бесследно, и усталость дает себя знать. Решили не суетиться и оставить начало южных удовольствий на завтра. Потому ограничились душем, обнаружив возможность принимать его одновременно — ванна имелась на каждом этаже, и не разбирая вещей, даже без ужина, завалились на огромную кровать. Прохладные льняные простыни едва уловимо пахли чем-то цветочным. Заснули сразу и спали крепко.

Утро пришло точно таким, какое виделось в мечтах. Все на пределе ослепительности —

небо, солнце, море. Воздух хорош настолько, что каждый вдох доставлял радость. Правда, на удивление, сначала посмотрев друг на друга, а потом каждый на себя в огромные зеркала ванной, ребята обнаружили, что выглядят не совсем бодро. Но это не испортило удовольствия, времени достаточно, можно отдохнуть от чего угодно. Быстро поцеловались, схватились за руки и побежали купаться. От ворот до пляжа метров пятьдесят и еще десяток ступенек вниз. Далее начиналась полоска мельчайшего золотого песка. И море. Кинулись с разбега, поплыли рядом, красиво, стильно, как учились в бассейне, но буквально через минуту повернулись обратно, выбрались на берег и, весело отряхиваясь, пошли обратно. Понимали — все надо делать по порядку и размеренно, не набрасываться сразу, не глотать большими кусками, чтобы сразу не отбить себе аппетит.

В кухне огромный финский холодильник предоставил в их распоряжение полный комплект всевозможных яств. Забит до предела. Совершенно непонятно, зачем хозяин устраивал такие запасы, если собирался уехать надо-

лго. Не мог это все привезти с собой и Кречетов, просто по объему, не мог и здесь достать за столь короткий срок. Хотя почему не мог, в последнее время представления о его возможностях у ребят стали совсем смутными. Или оставил все-таки хозяин, уехавший слишком внезапно, чтобы иметь время распорядиться этим богатством надлежащим образом? Впрочем, сомнения подобного рода обуревали супругов не слишком. Их способность удивляться хорошему, столь обостренная в юности, довольно сильно притупилась за последние годы, да и вчера уже ей был нанесен значительный ущерб. Так что все посторонние мысли улетучились быстрее, чем закончился завтрак.

А вот завтрак они устроили совсем легкий. По паре яиц всмятку, хрустящему хлебцу с джемом и стакану апельсинового сока. Затем Зина сварила кофе, очень крепкий, но немного, каждому на глоток. Закурили. Зазвонил телефон. В кухне, так же как и во всех остальных помещениях, имелась отводная трубка. Подошел Слава. Услышал глухой голос с непонятным акцентом. Но скорее европейским, чем восточным:

— Ничего не получится, зря стараетесь. Изначально глупая затея.

— Простите, вы ошиблись, хозяина нет дома и долго не будет.

— Что значит — долго? — строго спросил голос.

— Ну, может, несколько месяцев, а может, и год...

— Год — это недолго, — резко оборвали Славу, и в трубке раздались короткие гудки. Он обернулся к жене, чтобы поделиться удивлением от странного разговора, но еще раз обратил внимание на ее непривычно усталое лицо, не освеженное ни купанием, ни завтраком, и промолчал. Она почему-то тоже не спросила его ни о чем и пошла наверх разбирать свои вещи.

Первый день решили полностью посвятить морю и солнцу. Почувствовали, что морально готовы, наконец, вкусить все в полном объеме. Пока Слава таскал на песок зонты, матрасы и прочее, Зина продолжила обследование виллы. Обещанный Кречетовым в записке бар оказался в столовой, рядом с большим залом и содержал коллекцию напитков редкостной полноты.

К своему глубокому сожалению, Зина и не подозревала, что может скрываться за подавляющим большинством этикеток, но надеялась на помощь мужа, недаром все-таки уже двенадцать раз в жизни проходившего таможенный контроль. Да и знакомого, хотя бы даже только по журналам и проспектам, имелось достаточно, чтобы уничтожить последнюю тень недовольства малостью собственной компетенции. Плеснув на донышко высокого коктейльного стакана несколько капель немецкого малинового ликера, Зина вернулась на кухню, долила доверху боржомом из холодильника и, отпивая по крохотному глоточку, поднялась на второй этаж. Там ждало еще одно радостное открытие.

Комната в самом конце коридора служила библиотекой. Подборка книг в десятке изящных, но солидных стальных шкафов способна была удовлетворить любой, самый придиричивый вкус. Походив с открытым ртом вдоль полок с изданиями, о которых даже никогда не могла и мечтать, Зина не удержалась и, хотя разрешения на пользование, как в случае с баром и холодильником, тут не давалось, взяла для себя томик последних зарубежных детективов и Гессе

из «МСП» для мужа. Рядом нашлось несколько листов плотной бумаги, при помощи которых Зина аккуратно обернула книги, захватила из кухни начатую бутылку воды, в баре долила в стакан еще ликера, чтобы хватило на двоих, и направилась со всей этой поклажей к берегу. Пляж оказался полностью подготовленным к ее приходу. Два тента, кокетливо склонившись в сторону солнца, давали широкую тень с резными краями. Под одним из них стояли надувные матрасы, сложенные в виде шезлонгов, под другим — столик со стульями. Слава заканчивал расстилать на солнце, у самой воды, махровые подстилки из пляжных сумок. Остальные атрибуты — море, песок, небо, чуть заметный ветерок, запахи, шелест волн, крики чаек — самого высокого класса и полностью готовые к употреблению.

Купались, загорали, смеялись, целовались, играли в мяч, в бадминтон, пили воду с ликером, читали, дремали, целовались, мазались кремами, курили, снова купались. И так далее. Обедать не пошли, жалко терять время на такие пустяки, обошлись парой абрикосов из сада и горстью найденных в баре орехов. День летел

внешне неторопливо, но стремительно, как автомобиль с тройным запасом мощности. И наконец зонты оказались не нужны. Наступал вечер.

Весь день почти не разговаривали. Так, обменивались какими-то пустыми и веселыми обрывками даже не фраз — слов, хватало улыбки, жеста, легкого прикосновения. Вообще отсутствовали любые четко осознанные желания и мысли, казалось, все растворилось в этом пронзительном свете, потеряло реальные черты, стало совсем не существенным. Странно и даже дико подумать, что всего несколько десятков часов назад существовала и казалась вполне естественной деловая городская жизнь с несчетным количеством проблем, с ежеминутной необходимостью их решать, анализируя прошедшее, планируя будущее, совершая каждый поступок как бы одновременно в трех временных измерениях. Сейчас же время не выдерживало такого с виду нежного и ласкового натиска ветра, волн и лучей, расклеивалось, рассыпалось на части, теряло монолитное единство и представало в виде расчлененном, который теперь казался для него и наиболее

приемлемым. Вчера безвозвратно ушло, и потому не имело больше никакого значения, завтра существовало от всего отдельно, не прогнозировалось и не представлялось, так как для этого требовались совершенно в данной ситуации нереальные условия, и казалось, никаким образом не вытекало из сегодня — единственной реальности, не замутненной даже оттенком примесей. Иллюзия непрерывности кино сменилась показом отдельных слайдов. Слава завис в прыжке за мячом. Зина улыбается. Они лежат. Входят в воду. Крупный план. Общий. Все, свет!

Но, как ни странно, ощущение легкости не приходило. Да, бесспорно, напряжение спало, исчезла годами вытренированная готовность стартовой стойки, а заменилась она все же не легкостью. Что-то мешало, происходило слишком ритмично, и ритм этот не был спокойным и медленным. Хотя чепуха, конечно, сильная солнечная радиация часто действует беспокояще, особенно с непривычки. И нужно только время, только небольшой срок, чтобы все встало на свои места, но и уверенность в целебности течения времени не приходила.

И еще слегка огорчала стремительность смены желаний. Видимо, тоже — нервы. Только что больше всего хотелось прожариться как следует на раскаленном песке, жмуря в безмыслии глаза, но сейчас же, не успев толком растянуться у кромки воды, требуется срочно прочесть хоть несколько страниц с наверняка самым интересным. Однако уже на второй фразе начинает неодолимо тянуть море. И оно успевает надоесть, даже как следует не охладив тела. А тем не менее — все с удовольствием. Хоть миг, но удовольствие острое, чистое, не омраченное и тенью пресыщенности.

Но при всей четкости восприятия, состояние более всего походило на опьянение. Или возможно опьянение и придавало всему особую четкость.

Вечер отрезвил не сильно. Правда, убавил свет, приглушил краски и притупил чувства. Но утраченные во времени связи не восстанавливались. Хотя — а была ли какая-то утрата? Во всяком случае, не осознавалась она совершенно. Даже наоборот, рождалось ожидание необыкновенного подарка. Как иногда по утрам в воскресенье. Просыпаешься от бьющего

в глаза света с улыбкой до ушей и твердой уверенностью, что сегодня — уже готовый и тщательно организованный праздник. Не в смысле какой-то даты или мероприятия, а в виде совершенной данности по всем уровням существования. Отсутствие немедленной реакции мира на эту новую данность вызывает легкое недоумение, но оно долго еще не переходит в раздражение. И весь день, особенно оказываясь перед зеркалом, пытаешься согнать с лица глупую улыбку, а она, как упрямое чернильное пятно, проступает и проступает после каждого стирания.

Искупались последний раз. Температура уже не давала возможности обсохнуть на ветерке, поэтому насухо вытерлись и стали собирать пляжный инвентарь. Тут впервые почувствовали некоторое утомление. Однако справились с делом довольно быстро и ловко, всего за два захода перенесли имущество в дом и принялись приводить себя в порядок к ужину. Впрочем, приняв горячий душ и приодевшись, Слава — в светлый полотняный костюм, Зина — в сильно открытый джинсовый сарафан, с самым ужином решили серьезно не заводить, оставив глав-

ные гастрономические утехы на завтра. А пока просто наготовить побольше бутербродов к чаю. Сидеть в помещении не хотелось. Дом, к сожалению, не имел открытой веранды, но недалеко от крыльца, под деревьями, супруги по полной своей ботанической дремучести так и не определили — какими, стоял довольно изящный круглый стол белого пластика с такими же легкими садовыми стульями россыпью. Каким-то чудом мебель совершенно не запылалась на воздухе, даже вытирать не пришлось.

Пока Слава заваривал чай на кухне, утанавливая на поднос все необходимое, Зина устроила в саду полную сервировку, нарезала большую глубокую тарелку сэндвичей, и вечерняя трапеза началась. Хотя двор и сад имели собственное освещение, повсюду попадались невысокие, тонкого чугунного литья фонари, но не стали искать, где они включаются, даже посчитали лишним, вполне хватало света из окон и мягкого блеска удивительно удачно подвешенной сегодня луны. Запахи окружающей растительности усилились, стали густыми и терпкими, еще немного — и, казалось, они перейдут грань, за которой начинается неприятие пресы-

щения, как от слишком большого количества духов, но этого не произошло. Видимо, настоящим вечером все имело достаточную меру вкуса и такта.

Тонкий европейский фарфор на малейшее прикосновение серебра ложек или щипцов для сахара немедленно отзывался тоном, соответствующим уровню налитой в чашки жидкости, и создавал этим легким звуковым фоном атмосферу автономности столика в огромном саду, защищал и ограничивал. Прошедший день исчез, не оставив даже воспоминаний.

То есть где-то еще в мышцах, в ощущениях кожи, в едва уловимом привкусе на губах сохранился некий намек, но умом он никак не связывался ни с чем конкретным, более того, вообще никак не анализировался, потому воспринимался совершенно самостоятельным и имеющим отношение только к идущему вечеру, а совсем не к растаявшему дню. К довольно позднему вечеру.

Стало уже очень прохладно, ветер усилился, моментами в резких порывах доходя до степени рискованной, окружающие кроны перестали быть надежной защитой, и луна время от

времени гасла. Хотя и ненадолго, но этим миганием своим достаточно недвусмысленно давала понять, что пора заканчивать, подражая мэтрам в ресторанах, взявшим кое-где милую моду таким вот баловством с выключателями выпроваживать засидевшихся посетителей. И наконец резко хлопнуло оставленное открытым окно.

Быстро убрали со стола и вернулись в дом. Очень вовремя, по саду сразу забарабанил дождь. Даже не стали мыть посуду и быстро забрались в постель. Истосковались друг по другу, прошлой ночью с дороги были слишком устали для любви и сегодня, казалось, не успокоятся до утра. Однако опустошенное удовлетворение пришло очень быстро и к обоим сразу. Задремали.

Дождь усилился, началась гроза. Громыхало все громче и чаще, вскоре перерывы между молниями стали столь коротки, что создалось впечатление постоянно включенного света за окном. Безобразие с мерзкими подвываниями ветра не прекращалось всю ночь, и спали супруги очень плохо. Ворочались постоянно, будили этим друг друга, сами просыпались от слишком резких ударов грома, время от времени вставали

ли попить воды, почему-то пересыхало горло. Слава пару раз закуривал, но, сделав несколько затяжек, чувствовал непривычное отвращение к сигарете и бросал.

К утру гроза кончилась, но дождь, правда, не такой сильный, продолжал идти. Зина проснулась первой, повернула голову к мужу, и вид Славы ее испугал. Лицо его, помятое плохой ночью, будто постарело лет на десять, если не больше, в углах рта появились неприятные складки, веки опухли, дышал он неровно, с каким-то незнакомым доселе присвистом. Зина встала и быстро пошла в ванную. Зеркало расстроило ее окончательно. Хуже некуда. Слава тоже проснулся и снова попытался выкурить сигарету, чего натошак обычно не делал, но результат опять оказался плачевным и, раздраженно сломав окурочек в пепельнице, супруг направился под душ. Он, встретив выходившую с мокрыми волосами жену, внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Едва успел ополоснуться, как кончилась вода. Чертыхаясь, Слава наспех вытерся и направился выяснять причину. Обнаружилась она довольно скоро. В доме не было магистрально-

го водопровода, систему обеспечивал электронасос из артезианской скважины. Ночью гроза, видимо, повредила где-то линию, и электричество отключилось. Слава в порыве деятельности схватился за телефонную трубку, чтобы звонить, требовать устранить и прекратить, но не успев сообразить, что совершенно не представляет, какие здесь существуют номера, обнаружил в трубке полное молчание. Видимо, повреждения коснулись и телефонной сети.

Отключение электричества поставило еще одну проблему — что делать с холодильником, в самом ближайшем будущем он неминуемо должен начать течь, а продукты — портиться. Но тут решение напрашивалось само собой. Так как день все равно испорчен для пляжа, решили посвятить его утехам гастрономическим. Сначала выставили провизию на огромный кухонный стол, она там еле поместилась, и провели первичную сортировку. Что еще хоть какое-то время может продержаться без холода — консервы, копчености, часть овощей, сразу отделили и сложили на газете в углу. Но и оставшегося слишком много. Мясо трех сортов по несколько килограммов, форель

и осетрина, дыплята, язык, паштеты, молочные продукты... Даже в некоторой расстроенности постояли какое-то время над горой добра, большую часть которого никак не спасти, но потом Зина решительно махнула рукой — а, чего тут думать, там видно будет — и в четыре руки принялись за дело.

Надо признать, что дело это они не только знали, но и любили. Сначала годы скудости заставили их овладеть приемами изготовления конфетки из вещества, совершенно к тому не предназначенного, а затем, когда появилась возможность, приемы были отшлифованы с помощью самой современной аппаратуры и на разнообразнейшем сырье высочайшего качества. Если продуктов вдоволь, и они хорошие, если кухня просторная и оборудована всеми необходимыми приспособлениями, вернее тем, что считается нынче необходимым на кухне по хорошим среднеевропейским стандартам, если посуда удобная, времени достаточно, никуда не надо спешить, и если, что, наверное, самое основное, занимаешься ты этим делом не ежедневно по нудной обязанности, а лишь иногда, в охотку, и только для себя и близких тебе людей,

то при данных условиях приготовление пищи окажется делом совершенно не утомительным, даже чрезвычайно приятным не только предвкушением грядущих удовольствий, но и самим процессом.

Блюд наготовили много и каждого помногу. Человек десять можно принять роскошно, а человек двадцать пять — вполне и вполне прилично. Поскольку делать все равно нечего, накрывать стол решили в столовой на самом серьезном уровне. Но сначала прибрали на кухне, выволокли грязь, все вычистили, перемыли кастрюли и сковородки, Слава даже для этого, натянув куртку на голову, сбегал к морю с двумя ведрами, для готовки они использовали воду из четырех больших тазов, предусмотрительно выставленных с самого утра Зиной под дождь, но мыть кухонную посуду дождевой водой показалось почему-то кощунственным, хотя оставалось ее вполне достаточно, а в морской мыло плохо мылится, и потому возникают сложности. Но все, наконец, сделано, можно не отравлять себе настроение даже оттенком мысли, что после удовольствий предстоит еще неприятная работа. И приступили к сервировке.

В подсервантнике обнаружилось целое отделение столового белья, Зина выбрала к обеду строгую белую скатерть без всякого рисунка, только с кружевным эллипсом посредине и тонкой кружевной же оборкой по краю. Салфетки взяли голубые. Из нескольких сервизов предпочтение отдано самому строгому, но при этом и самому парадному — старый английский фарфор цвета парного молока с двумя нитками по краю — кобальтовой и золотой. Полный набор столового серебра Зина решила не использовать, тут сделала некоторую себе поблажку, ограничилась парой ложек, вилок и ножей на каждого и салфеточными кольцами работы Сазикова, но с хрусталем разобралась по всей форме. «Богемия» встала по ранжиру стройным рядом от жеманных шампанок на аистинной ноге до крохотных водочных стопок ровно в один глоток. Увенчала стол тонкая высокая ваза с тремя пунцовыми розами, за которыми Слава, опять прикрывшись курткой, безропотно сбегал в сад. Готово.

Однако сразу садиться не спешили, хотя за хозяйственными заботами незаметно промелькнула большая часть дня, и время приближа-

лось к пяти. Но во-первых, возня с готовкой и сопутствующие ей запахи несколько притупили аппетит, хотелось же сесть за такой обед по-настоящему голодными, а во-вторых, надо сознаться, при всех благоприятных обстоятельствах несколько подустали, требовался перерыв. Слава принес с крыльца два полных таза, тщательно умылись, поливали друг другу из ковшика и даже слегка подурачились, сильно забрызгав одежду, дождевая влага приятно освежала кожу, Слава побрился, Зина чуть тронула лицо очень легким макияжем. Потом вышли в большой зал, распахнули широкое окно, придвинули к нему мягкие кресла и блаженно в них вытянулись. Полчаса сидели, вдыхая прохладные легкие запахи сада, затем выпили по аперитиву, которые Слава сообразил тут же у бара, лениво покурили, не слишком затягиваясь, и пошли наверх одеваться.

В одежде на этот раз они постарались совместить загородную непринужденность с соответствующей задуманному мероприятию строгостью тона. Зина выбрала простое легкое платье светло-бежевого тона без всякой отделки, довольно короткое и сильно открытое. Но

туфли самые праздничные, на очень высоком каблуке, в уши вдела тяжелые вечерние серьги, крохотный золотой кружок со знаком Зодиака сменила на цепочке изящным кулоном, который хоть и не из одного гарнитура с серьгами, но вполне им соответствовал. Слава ограничился светлыми брюками и бледно-розовой сорочкой, сандалии сменил на паркетные мокасины, а на шею под расстегнутый ворот повязал специальный платок фирмы «Тревира» в красную и черную клетку. Наконец они сошли к столу.

Ели, пили, говорили. Все вкусно, все хорошо. Не набрасывались сразу на одно, не объедались, знали и меру, и толк, и вкус, напитки чередовали с умом и опытом, что к чему — не путали, разбирались. За окном стало темнеть, освещение по-прежнему не работало, видно, авария случилась серьезная, и вскоре предметы за столом оказались едва различимы. Правда, это особо не помешало, трапеза как раз почти и закончилась. Со стола решили сегодня не убирать.

Пока Зина ходила варить кофе, Слава перебрался в гостиную. Все в том же неисчерпаемом баре он нашел толстые оранжевые свечи и зажег

их в высоком бронзовом трехрожковом шандале. Водрузил его на журнальный столик, перенес от окна кресла и слегка расстроился, что не работает стереосистема. Пришлось довольствоваться собственным бифоником-«чебурашкой» на батарейках, беда не очень большая, конечно, звук не столь сильный и богатый, но довольно чистый, к тому же недостатки аппаратуры несколько скрадывались великолепным качеством пленки и записей в фонотеке виллы, да и супруги не считали себя такими уж меломанами.

Зина принесла кофе, налили по крохотной рюмке, Слава — коньяк, а Зина — мятный ликер, включили музыку, что-то инструментальное и совсем нейтральное, стали смотреть на огонь. Дождь шел по-прежнему несильно, но удивительно стабильно, как будто старательно выдерживал непонятно кем заданные параметры. И если с утра он был лишь помехой купанию, фактором, не очень благостно влияющим на настроение, то теперь наконец стала все более проявляться его чисто физическая сущность. Вода, столько времени непрерывно падающая с неба тоннами, да что тоннами, кто знает, на каком пространстве он идет, этот дождь, и какими

фантастическими цифрами может выражаться его вес, вода, занимающая почти все место между тучами и землей, еще непонятно как не вытеснившая собой воздух, который, казалось, вот-вот должен собраться в один большой пузырь, взметнуться вверх и уйти с резким бульком, оскорбленно за пределы земного тяготения.

Уже не один раз менялась кассета, догорали свечи, давно выпито по второй чашке кофе и выкурено по вечерней норме, даже несколько перекрыта эта норма. И безобразие, творившееся вчера со временем, начало сегодня ближе к ночи затрагивать пространство. Обнаруживались явные нарушения в системе координат, терялась уверенность в точности места своего положения, что там на самом деле происходит за окном, вернее, где это «за окном»? Не очень четкие и почти не формулируемые, но достаточно тревожащие вопросы со словом «где», ощущение размытости недавно, казалось, самых определенных понятий. В двух шагах сад, в десятках — море, несколько километров до города, тысяча с небольшим — до Москвы. Сейчас эти представления выглядели не просто

спорными, но мгновениями и попросту диковатыми — какой там сад, какое море, какой город?!

Перед сном в постели еще почитали. Думали, кофе не даст скоро заснуть и, забравшись с легкой дрожью под чуть отсыревшие одеяла, приготовились серьезно погрузиться в заманчивую толщу страниц. Однако опасения оказались напрасными, минут через тридцать глаза начали слипаться, возможно, правда, от непривычки к свечам, и супруги быстро заснули, едва успев задуть пляшущее пламя. Сон их был крепок, но при этом странно тяжел, с неприятными обрывками сновидений, стонами, всхрипываниями, даже изредка вскриками, хотя тут ничего странного: несмотря на старание быть умеренными, супруги приняли все же слишком большое количество еды и слишком близко к ночи.

Утром дождь прекратился. Но солнце не появилось, все вокруг обволакивал очень белый и очень плотный туман. Первой снова проснулась Зина. Она поднялась на локте, протерла глаза и сразу же пристально посмотрела на мужа. Потом бросилась в ванную, одного взгляда в зер-

кало ей оказалось достаточно. Сняла зеркало со стены, поволокла в спальню и начала резко трясти Славу за плечо. Они присел на кровати, увидел жену, свое отражение и быстро встал. Не говоря друг другу ни слова, даже не переглядываясь, они схватили первые попавшиеся чемоданы и стали запихивать туда самые необходимые вещи, а, может быть, и не самые необходимые, просто, что ближе лежало, совсем не замечая натекающую за ночь с потолка довольно внушительную лужу. Натянули спешно какую-то одежду и выскочили за дверь. Позади них звонко щелкнул английский замок. Впереди в двух шагах ничего не видно.

По ступенькам вверх почти бежали, однако, когда вышли на дорогу, вынуждены были несколько уменьшить свой пыл, сильно запыхались, сердца работали с трудом и неровно, столь резкие нагрузки сразу после подъема не входили в привычку, и это сказывалось. К тому же чемоданы оказались слишком тяжелы для длительной носки и больно били по ногам. Слава шел чуть впереди, изредка останавливаясь, поджидая Зину и помогая какое-то время тащить ее ношу, но надолго его не хватало, и он

снова оставлял жену, уходил вперед. Туман густел, хотя, казалось, дальше некуда, и настолько поглощал все звуки, что не слышно было собственных шагов.

Потом чемоданы они все же бросили. То есть даже не бросили, а почти одновременно, не сговариваясь, поставили их на дорогу, Слава притормозил, взялись за руки и поплелись дальше. Шли все медленнее, дыхание срывалось, та влажная вата, что заменяла воздух, совсем не очищала легкие, только набивала их лишней тяжестью. Последние несколько шагов дались с особенным трудом, когда дорогу преградил штакетник. Обычный низенький штакетник, а рядом стандартный знак «Дорожные работы». Тот, где мужик с лопатой у какой-то кучи. А чтобы сомнений уже совсем никаких не оставалось, на самом штакетнике косо приколочена фанерка с надписью по трафарету «Проезда нет». Сразу же за штакетником асфальт обрывался и начиналось море грязи, раскисшей за прошедшие сутки до практически жидкого состояния. Впрочем, может и не море, а озеро только или неизвестно что, все равно ничего толком не видно.

Постояли несколько минут молча, глядя друг на друга, повернулись. Слава взял Зину под руку, крепко, насколько смог, и они медленно пошли назад, стараясь предельно экономить силы.

РАЗГОВОРЫ

Дальше ЗИЛу не по пути, но это не имело значения, до вокзала отсюда минут тридцать ходу, а времени еще сколько угодно. Антонов сунул вяло отнекивающемуся шоферу трояк и соскочил почти на ходу, как только проехали перекресток. Даже хотелось немного пройтись пешком, человек давно не был в городе, уже одно то, что улицы широкие и под ногами асфальт, доставляло ему непривычное удовольствие. Встречные прохожие казались необычно нарядными и слишком спешащими для субботы. Дул сильный ветер в лицо, перемешанный с пылью и песком, оттого резало глаза, першило в горле. Антонов машинально сплюнул на троту-

ар, быстро виновато огляделся и широко улыбнулся сам себе.

На вокзале оказалось почти пусто, а у двух работающих касс совсем никого. Антонов подошел почему-то к дальней от входа:

— Добрый день. Мне нужен один СВ на 72-й скорый. Сегодня.

Странно приветливая пожилая кассирша с доброжелательным удивлением подняла брови, голос ее звучал в окошке приглушенно:

— Зачем? Сейчас с билетами свободно, можно хоть плакатный, хоть купе. И 69-й отходит на полтора часа раньше, тоже почти пустой.

Антонов смущенно улыбнулся, ему стало неудобно, что приходится отметать заботу о себе, проявленную, видимо, действительно добрым человеком, однако, он все-таки постарался быть твердым в принятом решении:

— Спасибо. Но в 69-м нет СВ. Так что мне, если можно, на 72-й.

Кассирша слегка поджала губы, но благожелательности не утратила:

— Тогда подождите, нам еще не давали сведений по СВ, придется запросить Сызрань. Не отходите пока никуда.

Антонов отодвинулся на полшага в сторону, чтобы не стоять у кассирши над душой и не мешать, если кто еще захочет подойти за билетом. Как раз в этот момент в зале появилась женщина лет тридцати, но направилась, естественно, к ближней кассе, у которой тоже никого не было, ту кассиршу Антонов не видел, но слышал хорошо, она пользовалась усилителем, и от того голос ее казался почему-то несколько ехидным.

— Скажите, на 69-й есть билеты?

— Пожалуйста, вам каких и сколько?

— Один. Все равно какой. А скажите, если я сейчас куплю, можно будет потом сдать?

— Ну, зачем же вам тогда покупать, если вы хотите сдать?

— Да нет, мне надо ехать, но просто могут быть обстоятельства, что не получится, я еще не знаю точно...

— Вот когда выясните, тогда и купите, что себе голову морочить?

— И за полчаса до отхода не поздно?

— Хотя за пять минут, говорю же, с билетами никаких проблем.

Женщина пошла к выходу. Антонов автоматически отметил, что несмотря на, пожалуй,

слишком небольшой рост, она очень хорошо сложена и одета с большим вкусом, только вот косметики, может быть, слегка избыточно, впрочем, Антонов не считал себя большим специалистом по вопросам нормы в данном вопросе. Тут его окликнули из окошка, и он мгновенно забыл о женщине, потянулся за бумажником, но оказалось рано.

— Странно, у Сызрани тоже пока никаких сведений по СВ. Сейчас, я там сказала девочкам, будут связываться дальше по линии. Это не очень быстро, вы спокойно можете часов до шести погулять.

Антонов поблагодарил и вышел на площадь. Единственным ее украшением был небольшой столбик справа от входа в вокзал, темно-красного гранита, с табличкой, извещавшей, что город основан в 1665 году. А слева стояло несколько старух, продававших разноцветные семечки. Антонов подумал, купил стакан белых и опросил, где можно позвонить по междугородней. Ему объяснили. Надо проехать три остановки на автобусе. И то, что начали объяснение с автобусных остановок, а не с того, как короче пройти, и то, что были удивлены, когда

он попросил все же показать, как пройти именно пешком, все это еще раз доставило Антонову удовольствие ощущением настоящей городской жизни.

А идти на самом деле оказалось недалеко. Всего несколько кварталов по главной улице и потом еще пару минут по переулку влево. На пути попадались крупные магазины, солидные заводские административные здания, памятники: Радищеву, Добролюбову, Белинскому. Междугородный телефонный пункт находился на первом этаже жилого дома в небольшой комнате, всего пять кабин, три с одной стороны, две с другой, и ряд стульев между ними. В кабинках установлены автоматы, но они не работали, рядом с ними висели обычные телефонные аппараты и вся связь велась через телефонистку, по заказам. Комнатка забита народом, и у окошка, куда нужно подавать бумажку с номером вызываемого, стояла длинная очередь. Двигалась она, впрочем, быстро, минут через десять Антонову вручили квитанцию, велели ждать. Он остался у самой стойки, только подвинулся немного в сторону, насколько предоставлялось возможным, другого места не было, люди стояли вплотную,

чуть не касаясь друг друга локтями. Но отсутствовал обычный для такого скопления народу шум, все напряженно прислушивались к редким возгласам телефонистки, объявлявшей город и номер квитанции, и только обрывки фраз из-за неплотно прикрытых дверей кабин нарушали выжидательную тишину.

От нечего делать оглядываясь, Антонов обнаружил на стуле в углу женщину, что при нем подходила к кассе на вокзале. На коленях она держала крохотную черную сумочку комбинированной кожи с замшей, в левой руке — слегка удлинненные перчатки такой же черной лайки. Почти одновременно с тем, как взгляд Антонова остановился на этих перчатках, раздался голос телефонистки: «577-й, Пенза, пройдите в кабину», — женщина быстро встала, взялась уже за ручку дверцы и услышала продолжение: «Только Евгения, что вы вызывали, дома нет, у телефона жена, будете разговаривать?» Женщина резко остановилась, какая-то легкая рябь прошла у нее по губам и щекам, сказала негромко, как о незначительном: «Нет, спасибо, тогда не надо», и направилась к выходу. «Так перенести заказ или совсем снимать?» — крикнула

ей в спину телефонистка, но ответа не получила, видимо, ее уже не слышали.

Примерно через час назвали номер Антонова. Он взял трубку и сказал, что завтра не позже трех будет дома. Да, билет есть. Подробности не сообщал, они не имели значения. Разговор не занял оплаченных трех минут. Как только он вышел из кабины, в комнатке появилась все та же женщина.

— Скажите, а этот ваш пункт работает круглосуточно? — спросила она телефонистку.

— Нет, круглосуточно нигде не работает, у нас до десяти. Так вы будете возобновлять заказ, еще есть время, я вам кричала, но вы убежали, а у вас ведь пять минут оплачено, или хоть деньги возьмите...

Не ожидая окончания разговора, Антонов вышел на улицу. Ветер усилился, идти стало совсем трудно, но Антонов снова не воспользовался автобусом и добрался до вокзала пешком. Правда, по сторонам уже много не оглядывался. И успел как раз к назначенным кассиршей шести. Оказалось, его ждали:

— Вам давно готов билет, сейчас я еще раз возьму подтверждение, но, как я понимаю, там

вагон почти пустой идет, просто вовремя забыли дать сведения. Да, вот, пожалуйста, тридцать рублей пятьдесят копеек. Только, если можно, без сдачи, у меня почти денег нет, сегодня день такой, никто никуда не едет...

До поезда оставалось больше четырех часов, и Антонов вспомнил, что давно не ел. Выяснил, неподалеку есть гостиница с рестораном, и пошел туда по указанной дорожке через парк культуры и отдыха. Никто, впрочем, сейчас там не отдыхал, лишь два милиционера сиротливо прохаживались в противоположных концах аллеи. Внезапно Антонов обнаружил, что устал, ноги гудели, потому шел медленно, и когда разыскал гостиницу, то очень хотел сесть. Но ресторан оказался на ремонте. Первые два прохожих не знали, где тут ближайший работающий, то ли приезжие, то ли просто на такого рода заведения внимания не обращают. Третьего Антонов останавливать не стал, у него пропало желание продолжать поиски. Обратный путь через парк получился неожиданно долог.

Вернувшись на вокзал, Антонов взял в буфете бутылку минеральной, пару яиц, кусок колбасы и хлеба. Все бутылки в ящике покры-

ты толстым слоем пыли, пробки поржавели по краям, и буфетчица, сколько не искала, другой найти не могла. Пыль, правда, вытерла мокрой тряпкой, но от борьбы с пробкой категорически отказалась, протянула открывалку Антонову. Он рискнул, и часть горлышка отделилась вместе с жестью. Но осколков как будто не было, скол получился аккуратный, потому Антонов решил смириться, взял стакан и пошел на лавочку, столики перед буфетом здесь не предусмотрены.

И даже когда Антонов поел, все равно до отхода поезда оставалось еще три часа. Но он больше никуда не пошел, просидел это время на одном месте и даже не вставал, чтобы размяться. Наконец объявили о прибытии, что стоянка три минуты и нумерация с хвоста. Антонов выбрался на перрон, рассчитал, где должен остановиться его десятый вагон, и не ошибся, именно там вагон и остановился. Но толку от расчетливости оказалось мало, так как никто дверей в десятом вагоне не открывал, Антонов настойчиво постучался в обе, понял, что может со своей настойчивостью в три минуты не уложиться, и бросился к соседнему, где разглядел

тужурку проводницы. Да та и сама махала ему рукой:

— Сюда, идите скорее сюда!..

Он взобрался, высоко подпрыгнув, она даже подножку не успела опустить, поезд уже отходил. И в самый последний момент, скрываясь в тамбуре, Антонов бросил взгляд вдоль платформы. Ему показалось, в бликах нервных огней мелькнул силуэт женщины с удлиненными лайковыми перчатками, входящей в соседний вагон. Вполне вероятно, что только показалось.

Проводница посмотрела его билет:

— Пожалуйста, вам в десятый.

— Я знаю, а вы что, одна на оба вагона?

— Нет, там свои есть, может, заснули...

Антонов прошел через тамбур в спальный вагон, но его проводница не спала, а даже была занята подметанием дорожки.

— К нам?

— К вам, но вы не пускаете, еле успел через соседей.

Проводница не ответила, внимательно стала изучать билет. Наконец соизволила слегка улыбнуться:

— И в самом деле. Все в порядке. Удивительно.

— Что удивительно-то?

— К нам обычно на маленьких станциях не садятся. Извините. Выбирайте, начиная с четвертого любое купе. Сейчас принесу белье. Чаю погреть?

За окном совсем темно. Ни одного огня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мерно бьют часы на башне.
Отрывая взор от пашни
И вперяя в небеса,
Мирный пахарь — друг природы,
Несмотря на непогоду,
Совершает чудеса.
Зеленеют тихо травы.
Даже если вы не правы,
Вам терпение дано.
Пить вино и лезть в окно
По ночам к красоте местной,
Умиляться дивной песне
С той, что, верно, всех прелестней,
Это, право, не грешно.
Но в высокий звон расплаты
Вплел громовые раскаты
Медный колокол судьбы.
Заблестели багинеты,
Полетели кабинеты,
Мир поднялся на дыбы.
Снова выстрел дразнит эхо,
И опять кровавым смехом
Для потехи и утехи
Заливается палач.
Выбирать могли бы вы бы,

Ведь у вас богатый выбор:
Хочешь — вой, а хочешь — плачь.
Трель свирели,
Ропот ведьмы,
Как в апреле
Пенье вод.
Лишь бы нам не умереть бы,
Уцелеть бы, уцелеть бы,
Не взойти на эшафот.
Бьют куранты монотонно.
Улыбается Мадонна,
За младенца чуть дрожа.
А у пахаря в ладони
Извивается и стонет
Злое лезвие ножа.
Быть беде. Пока богиня
Увивается с другими,
Бог скончался на кресте.
Быть беде. Взметнулось пламя.
Против нас тот, кто не с нами,
Быть беде, когда беда у стен.
И за сельские забавы,
За тенистые дубравы,
За улыбки милых дев,
Улыбнется играм вашим

*И покатится, сорвавшись,
Золотой осенний день.
И последнее виденье
Будет вам не на постели.
И с последним взглядом вашим
Мерно бьют часы на башне,
Тихо бьют часы на башне,
Снова бьют часы на башне.*

ЗИМНИЕ ВИДЫ СПОРТА

II. СНЕГ

За окном противно кричали какие-то птицы. Дул ветер. С утра лежал снег. Антонов еще раз пересчитал лепестки на розовых цветах обоев и с отвращением отвернулся от стенки. Сама собой приоткрылась форточка, и комната стала холодеть. Проник нудный уличный шум. Антонов повыше подтянул тонкий от времени плед, высунул сбоку руку, подоткнул угол пледа под ноги и быстро вернул руку обратно. Но становилось все холоднее. С тумбочки на пол полетел просыпанный пепел.

В комнату вошел старший сын Антонова, Дмитрий, пятнадцати лет. Он держал за косточку куриную ногу с синеватым отливом и время от времени срезал кусочки холодной птицы

мелкими, ровными, но с некоторым просветом расставленными зубами. Дмитрий поежился, подошел к форточке и закрыл ее. Посторонние звуки исчезли, стало как будто мгновенно теплее, хотя это, конечно, ложное ощущение. Затем сын остановился перед Антоновым и начал его внимательно разглядывать. Антонов с минуту отвечал тем же, потом без всякого интереса спросил:

— Ну?

Дмитрий довольно изящным движением большого и указательного пальцев левой руки вытащил застрявший в верхних зубах кусок тягучей пупырчатой кожи, сбросил в пепельницу, туда же, поверх горы окурков сунул отполированную, наконец, до идеального состояния косточку и поднял пепельницу, прикрыв ее стоявшим рядом блюдцем:

— Что «ну?» Вправду забыл или совсем лень заела?

— Вот дам сейчас в лоб, будешь знать, как с отцом разговаривать, — без всякого выражения в голосе пробубнил Антонов и отвернулся к стенке. Дмитрий вышел, но тут же снова вернулся с пустой пепельницей и встал на прежнем

месте. Антонов чувствовал, что сын стоит и смотрит на него, и продолжал лежать в прежней позе. Потом все-таки, развернувшись, опять спросил:

— Ну?

Дмитрий поставил на тумбочку пепельницу, которую, оказывается, все время держал в руках, и вытер правую руку о штанину:

— Ты мне дашь в лоб, чтобы я знал, как с отцом разговаривать. На этом мы прошлый раз остановились.

— Поесть имеется?

— Курица. Чай могу поставить, а курицу подогреть.

— Опять?

— Так ведь деньги два дня как кончились.

— И куда?

— Морской бой, скачки, охота на гусей. Да, по-моему, ты еще какие-то крупные морские соединения торпедировал. Или это и есть морской бой?

— Все просадили?

— Я сильно меньше. Погреть курицу?

— Не надо. Сам потом. Зинку бабка скоро привезет?

— Сегодня не привезет. Звонила, говорит, сама завтра в сад доставит.

— Чего не сказал?

— А ты спал, как всегда.

— Ты не попрекай. У меня выходные, вот и сплю. Я честно трудился всю рабочую неделю и теперь имею полное право поспать, сколько хочется. А послезавтра получка, и ничего страшного.

С этими словами Антонов снова повернулся к стенке. Дмитрий постоял еще немного в прежней позе, затем тихо вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся уже в куртке и шапке, стал искать на радиаторе перчатки. Антонов, не двигаясь, пробормотал:

— Я тебе вправду обещал что-то, или просто дурака валяешь?

— Ладно, лежи. Хотели ведь у Олега из гаража лыжи забрать, и санки Зинкины. Я и ключ у него взял. Ну, да один схожу.

— И в самом деле. Забыл. Только снега все равно нет.

— Снег с утра лежит.

— Завтра растает.

— Потом опять выпадет. Потом Олег уедет, потом времени не будет, так и не сходим в этом году. Лучше принесу. Я быстро. Лежи.

— Нет, нет, подожди, — вдруг чуть не испуганно заговорил Антонов, вскакивая босыми ногами на пол, — подожди, не уходи без меня. Я сейчас, я очень быстро оденусь и вместе пойдем, — он уже почти упрашивал сына, заматавшись между шкафом и стулом с накиданными вещами, хватая впопыхах не те носки, путаясь в рукавах рубахи. Дмитрий мгновенно и пристально посмотрел на отца, но тут же отвел взгляд, притронулся лбом к оконному стеклу, сразу запотевшему от близкого дыхания:

— Одевайся спокойно. Я подожду. Я и хотел вместе, просто ты спал.

Они шли вдоль замерзшей реки, и ветер дул им в спину. Дышалось легко, домашнее тепло пока не выветрилось из-под курток, и резкий белый свет от подзабывшегося снега освежающе бил по глазам, заставлял жмуриться не без приятности. Набережная, обычно оживленная и громкая, сегодня удивляла своей пустыньностью, даже на мостовой не отпечаталось ни

одного следа от машины, а ведь снег перестал идти уже часа три назад.

До гаража недалеко, хотя двигались быстро, темп задавал Дмитрий, но Антонов даже не успел запыхаться и остался собой доволен. Вытащили из снега в известном им месте крыши деревянную лопату с обитой жестью кромкой, начали по очереди разгребать сугроб у ворот. Работа оказалась легкой, даже веселой, снег тоже был легкий и весел, он без особого сопротивления уступал место, слетал с лопаты веером, красиво планировал по ветру и скрипел под ногами со вкусом и удовлетворением.

Наконец, недолго повозившись, Дмитрий открыл половину ворот, отец с сыном зашли в промерзшее помещение. Здесь казалось холоднее, чем на улице. Машину в гараже Олег не держал, то есть очень редко, когда уезжал надолго, и использовал гараж в основном как склад сезонных вещей для себя и своих знакомых. А поскольку знакомых имелось достаточно, то и вещей тут свалено немало. Антонов веревку от санок заметил сразу под грудой ящиков, но, раскопав, обнаружил, что санки чужие. Зинкины же санки Дмитрий в это вре-

мя нашел совсем в другом месте, под другой грудой. Антонов решил, что из него изыскатель все равно никакой и, предоставив сыну вести дальнейшие исследования самостоятельно, вышел покурить.

На воздухе он ощутил, что в самом деле теплее, несмотря на ветер. Ослепительность снежного блеска слегка убавилась. Почудился какой-то намек. Антонов посмотрел на часы. Пятый. Скоро начнет смеркаться. Он вернулся в гараж. Дмитрий пытался куском бельевой веревки примотать к санкам три пары лыж. Палки вместе с четвертой парой, детской, почти игрушечной, стояли у стены. Антонов подошел к сыну, нагнулся над санками, слегка отстранив его рукой, растянул веревку, завязанную пока только на один узел, не выбирая, снял верхние лыжи, все пары одинаковые, и поставил их в угол. На это место аккуратно уложил палки, сверху пристроил детские, тщательно все перемотал и разогнулся. Дмитрия рядом не было. Когда Антонов вывез санки с поклажей из ворот, сын стоял поодаль и смотрел в сторону реки. Услышав отца, он повернулся и с силой провел тыльной стороной грубой перчатки по губам. На

месте подсохшей корочки обветренной нижней губы выступила кровь. Дмитрий почувствовал какую-то влагу, но не сразу сообразил, что это, и провел еще раз, с еще большей силой. Антонов передал ему веревку от санок, пошел запира́ть ворота и прятать лопату. Потом вернулся, взял у продолжавшего неподвижно стоять сына веревку, поволокся к дому.

Темнело. Ветер теперь дул в лицо, снег казался противным и тяжелым, тормозил санки, вредно налипая на полозьях, Антонов быстро устал. Дмитрий перехватил петлю и скорым легким шагом пошел вперед. Лифт за это время успели отключить. Сын оказался уже наверху, когда Антонов начал с трудом подниматься на шестой этаж. Останавливался через пролет. Наконец, добрался, запер дверь, разделся и снова лег под плед. Дмитрий был в своей комнате, у него горела настольная лампа, и только время от времени раздавался шелест переворачиваемых страниц. Антонов левую руку положил под голову, правую протянув вдоль тела, и стал смотреть в потолок.

Очнулся он от ощущения, от которого обычно просыпается пассажир, когда останавливает-

ся поезд и исчезает ставший уже привычным стук колес. Почувствовал какой-то дискомфорт и не сразу понял, что просто слишком давно не слышал шелеста страниц. Антонов слегка повернул голову и увидел в дверном проеме Дмитрия, прислонившегося щекой к косяку:

— Слушай, отец, и долго мы так выдержим?

— Долго.

БАЛ ПРИ СВЕЧАХ

Старуха Лапина была ужасной вруней, за что и поплатилась. Когда это у нее началось, никто и вспомнить не мог, кажется — всегда такая. Срывалась она, правда, не часто, особенно последнее время — после строгого предупреждения, однако врала отчаянно. Одну историю любила более прочих и рассказывала чаще, потому, видать, почти и не сбивалась, даже в мелочах. А именно мелочи доставляли

ей, кажется, самое сильное удовольствие. Полным пересказом утомлять не стану, приведу по памяти отрывок.

...Представьте — зимний вечер, еще не поздно, но уже совершенная темнота, начинается пурга... Усадьба наша находится в самой глуши Тульской губернии, кругом непроходимые леса, до ближайшего соседа верст двадцать, зимой дороги заметает постоянно, лошади в снегу по брюхо вязнут, и сами соседи-то — один капитан в отставке лет девяноста, глухой и пьющий, дальше вдова полупомешанная, с другой стороны село, правда, большое, но барский дом пустовал, хозяин в столицах проживал, и хорошо, если раз в пять лет навещивался. Так у нас никто ни к кому не ездил, сидели по своим норам, как барсуки, и время гнали. Летом еще ничего, хоть какие да развлечения, на речку с сестрами сходишь, по лесу побродишь, вечерами девки на деревне поют. А зимой, особо как темнеть станет, — хоть в петлю лезь. Сестрам моим, они двойняшки, им тогда только тринадцатый пошел, по детству еще ничего, и с дворовыми детьми играть разрешалось порой, с теми, конечно, что почище, и мамзель, была у нас на хлебах ста-

рушка одна, француженка, уроками развлечет, и сами пока в игрушках радость находили, сильно не тосковали. А мне уже восемнадцать стукнуло, совсем другого душа требует. Начитаешься романов, старых, конечно, новые до нас не доходили, ну, да то еще хуже, старые, они больше сердце волновали, сидишь у окошка, смотришь в темноту, а что там углядишь, хоть глаза сломай, только слышно, как ветер воет, да доска у забора оторванная хлопает по временам, ее для того, по-моему, и не прибивали как следует, что иначе совсем скучно. А тем вечером, помню, совсем тоска меня взяла. Чай по последнему разу выпили, самовар убрали, девочки спать собираются, маменька в углу тихо бормочет что-то, едва спицами шевелит и носом клюет, папенька позевывает, и не то, чтобы все сильно спать хотели, просто делать больше все равно нечего. Вот и настрой такой. А выюга все сильнее, до тошноты завывает, и кажется мне, что мира никакого более не существует вовсе, и завтра никакого не будет, а все закончилось уже давно и навсегда, короче — хоть вой с пургой вместе. И вдруг за окном слышится звон колокольчиков, замелькали огоньки, шум голосов, и в дом врывается...

кто бы вы думали? Гусарский подполковник, мой кузен Серж собственной персоной, сын папенькина старшего брата Якова, к тому времени уже покойного. Я видела кузена только совсем еще в детстве, когда он поручиком заезжал проститься перед каким-то дальним походом, с тех пор мы и сведений о нем почти не имели, а тут, оказывается, их полк маршем проходил неподалеку, на ночевку остановился в том самом селе, где барский дом пустует, и Серж решил непременно, хоть на вечер да родственников навестить. И вот он входит в залу, щеки с мороза алые, усы инеем тронуты, глаза сверкают, движения легки и быстры, а с ним его товарищи, все как на подбор лихие красавцы, человек, наверное, десять, они на трех санях приехали, шампанское с собой привезли, конфеты, у одного гитара через плечо... Родители счастливы, они от племянника всегда без ума были, и часто о нем вспоминали, что совсем забыл гусар стариков, а тут вот он, всех обнимает, целует, мне комплиментов наговорил, какая большая стала, да какая красавица... Маменька засуетилась, забежала, закусок принесли, бокалы, графинчики, папенька тоже себя среди офицеров молодцом почувствовал, тост поднимает

за славу русского оружия! Сестренкам разрешают сегодня спать ложиться попозже, да они бы, кажется, умерли с горя, если б их в такой момент отослали, какое там спать, когда весь дом ходунном ходит, смех, шутки, пробки в потолок летят. Потом в зале все свечи зажгли, из столовой еще канделябров принесли, светло стало как днем, один капитан, помню, огромный, рыжий, с пушистыми баками, за клавикорды сел, и начался у нас бал, сестры нарасхват, даже маменька вспомнила молодость и Сержу руку протянула, ну, а я, понятно, королева этого бала!..

После такого рассказа непонятно, чему больше удивляться, тому ли, откуда брала Лапина материал для своих фантазий, будучи даже совершенно неграмотной и с трудом осилив под конец жизни собственную подпись в пенсионной ведомости, тому ли, как научилась она столь складно говорить в речевой среде, не отличающейся особой изысканностью, или все-таки тому, как набиралась наглости плести подобное, когда вся ее жизнь прошла на глазах окружающих и известна каждому.

А жизнь Лапиной была предельно простой, хотя и нельзя сказать, чтобы особенно легкой.

Сама из крестьян действительно той самой тульской губернии, она перед первой мировой вышла замуж по большой любви за грозу деревенских девок, соседского сына Степана, но не успел и медовый месяц кончиться, как забрали парня на германский фронт, и за целые три года не случилось от него ни одной весточки, молодая в глубине души уж точно вдовой себя считала, но виду не показывала, и тем более ничего такого не позволила, можете быть уверены. А перед самой революцией объявился Степан, вернее, не сам он, а письмо от него пришло и деньги на дорогу, чтобы немедленно, мол, собиралась и трогалась в Москву. Лапина долго не думала, родители к тому времени померли, хозяйство в такой вид пришло, что и беспокоиться нечего. Избу даже заколачивать не стала, поехала навсегда.

Степан о своих приключениях много не рассказывал, и не потому, что нечего, а очень легкий человек был, и его прошлое не интересовало, будущее, впрочем, тоже не очень, но зато сегодня жил, как мог и никому этого своего права уступать не собирался. В Замоскворечье снимал комнату от жильцов и к приезду жены считался

при отличной должности, работал пожарником в Большом театре. Получал он неплохо, пил не сильно, хоть и не без того, и жену любил, иначе зачем выписывал, но, разбалованный городской вольной жизнью, оказался жутким бабником, и потому скучать Лапиной особо не давал, она быстро приспособилась вытаскивать его от всяких временных подруг с грандиозными скандалами на целую улицу с окрестностями и производила эту операцию, надо признаться, не без некоторого артистизма. Между тем и сама начала рожать, произвела на свет в три года подряд трех сыновей, в коих отец души не чаял, но прыти своей, впрочем, не поумерил, хотя за то и послаблений от жены не получил, она с грудным младенцем на руках выволочки мужику умудрялась устраивать вполне квалифицированно. За этими заботами пережили и революцию, и военный коммунизм, и нэп. Исторические события по темноте Лапина воспринимала слабо, но следовавшие за ними бытовые изменения откладывались в ее памяти и, скажем, песенку «Забегая я в буфет, ни копейки денег нет, разменяйте десять миллионов», она вполне могла соотнести с конкретным временным периодом.

Жизнь самого большого города страны не произвела на Лапину серьезного впечатления и немного изменила в ней самой — может быть, потому, что она принимала в этой жизни не очень большое участие. Располагались все в той же квартире все того же добротного трехэтажного замоскворецкого дома, только комната стала собственной да соседей приумножилось, вместо одной семьи, хозяйской, стало еще три и не малых. Всех освоенных мест было — заросший тополями двор перед окнами, огороженный с противоположной стороны высоченным брандмауэром каких-то торговых складов, магазины в ближайших переулках, да кусок набережной рядом, куда выходила иногда с детьми. Несильно и просторней, чем у них в деревне, и так же все знакомыми давно стали, с дворником на углу поздороваяешься, с продавщицей в булочной про мужей душу отведешь, бабки во дворе окликают. Других развлечений не было. Однажды, правда, Степан взял ее с собой на работу, умудрился посадить в ложе, на лучшие места. Балет — какой, она не помнила — Лапиной понравился, и вся обстановка тоже понравилась, и люди вокруг такие хорошие. Но стояло лето, довольно

жаркий и душный день, с утра Лапина успела по хозяйству как следует умотаться, так что после получаса музыки ее потихоньку разморило. Да это бы еще ничего, только спать тихо Лапина не умела и по здоровой своей привычке, как нарочно выбрав паузу, когда зал замер в ожидании очередного па, довольно сильно всхрапнула. Пришлось вмешаться билетеру. Степан несильно сердился, даже посмеялся малость, но в театр ее с тех пор не приглашал.

В начале 30-х, когда подросли дети, пришлось пойти работать. До этого как-то умудрялись прожить на одну зарплату Степана, правда, и запросы были минимальные, ко многому подходили еще с деревенской меркой, когда любой кусок хлеба в доме воспринимался божьей милостью, но потихоньку то ли мерки изменялись, то ли дети и впрямь стали требовать большего, а работать Лапиной по всем статьям выходило идти надо. Да она и сама труда никакого не чуждалась, приучена к нему сизмальства, если столько лет дома просидела, так ведь трое малышей действительно не шутка, но даже не это главное, а еще не очень могла себе представить, на что окажется способной в казавшемся ей слиш-

ком мудреным городе. Дело, впрочем, нашлось быстро, и, что удобно, недалеко от дома, на вин-заводе. Лапину поставили закупоривать бутылки. Работа физически довольно тяжелая, в полуподвальном очень сыром помещении, но платили вполне прилично, и ничего тут не требовалось, кроме хорошего здоровья, на которое Лапина никогда не жаловалась. В этом цехе проработала она больше тридцати лет и ушла на пенсию только тогда, когда скрюченные ревматизмом ноги окончательно отказались поддерживать погрузившее тело полную рабочую смену.

Все трое сыновей в 41-м ушли в пехоту, и к 43-му Лапина получила последнюю похоронку. Степана на фронт не взяли, он был в Москве в пожарных частях, гибель сыновей за год сделала его глубоким стариком, до победы он как-то держался, потом сразу резко и круто запил, через несколько месяцев умер.

В конце 60-х у Лапиной объявилась родственница. То есть не так, чтобы совсем ниоткуда она взялась. У них под Тулой больше, чем полдеревни Макаровых, это Лапиной девичья фамилия, и почти все они еще могли припомнить свою хоть какую-то родственную связь между

собой. Раз лет этак в пять, а может, иногда и чаще, кто-нибудь из деревенских оказывался в Москве, и ему никогда не отказывали в ночлеге на полу, даже специально приспособили старенький матрас, который клали поверх предварительно расстеленных газет. Гость обычно являлся с самодельными гостинцами — семечками, салом, солеными огурцами и грибами, вареньем, овощами, если сезон, хозяин в этом случае непременно выставлял бутылку водки (кстати, не только Макаровы приезжали, Лапины тоже, они составляли как раз вторую половину деревни), и за ужином супруги получали полную информацию — кто женился, кто развелся, кто умер, кто родился, кто сел, кто в город подался, короче, были вполне в курсе происходящего на родине. Из всех оставленных там родственников самым близким по крови считался Лапиной двоюродный брат Антон, отца младшего брата сын. Сам Антон, правда, в Москву так и не удосужился за жизнь выбратся, но с приезжими регулярно передавал поклоны, а перед войной даже прислал одну из своих дочек, Катерину, совсем еще девчонку, мечтавшую о городской жизни, с просьбой как-нибудь

пособить с устройством. Лапины не отказали, хотя что они особо могли, но какое-то время племянница у них пожила, потом пошла на стройку, получила место в общежитии, однако там у нее не сложилось, они так толком и не узнали, что, и довольно скоро вернулась Катерина снова в деревню. С тех пор никаких точных сведений о ее жизни Лапина не имела, знала только, все от тех же приезжих, что Антон в войну помер, а дети его разъехались неизвестно куда.

И вот вдруг появилась Нюрка, той самой Катерины дочка. Баба полная, невысокая, лет тридцати, с явно уже серьезной биографией, о коей впрочем решительно не собиралась распространяться. Как-то удивительно быстро и ловко сумела она все устроить, старуха, правда, сильно не вникала, но даже если бы и захотела, у нее вряд ли получилось бы. Нюрка оформилась сначала вроде бы по лимиту, потом прописалась временно к Лапиной, потом, глядь, уже и прописка постоянная, и работа продавщицей в соседнем гастрономе на углу, а через несколько лет, как освободилась за выездом комната в той же квартире, так и эту комнату умудрилась выбить, хоть на нее никто больше сильно и не претендо-

вал, а все дело непростое, то есть в минимальное время умудрилась толстушка стать полноценной москвичкой с собственной жилплощадью и прочным положением в обществе. Большинство соседей здоровались с ней первыми, хотя она им колбасу из-под прилавка и не отпускала, тоже знала, чье «здрасьте» сколько стоит. Но и не заносилась — была далеко неглупа.

А, впрочем, возможно, не так уж и умна Нюрка, только, честно говоря, Лапину вопрос о ее умственных способностях не особо трогал, а вот то, что для старухи стала она под конец жизни истинным подарком судьбы — это точно. Ноги Лапину начали подводить, как уже сказано, перед шестым десятком, а после восьмого к ним присоединились и руки. Годы сырого подвала сказывались, скрючивали ревматизмом конечности, придавая им какую-то совсем уже немыслимую форму, и последнее время Лапина сделалась заметно плоха. Максимум, на что еще оставалась способна, это с величайшими усилиями сползти со своего второго этажа во двор на лавочку и сидеть там, пока Нюрка не появится с работы и не затащит ее домой ужинать. Не то что в магазин сходить, элементарно себя обслу-

жить, мелкую постирушку или сготовить чего, не могла. Впрочем, Нюрка все делала с легкостью и совершенно без ропота, и не потому что сильно любила старуху, какие у нее чувства, я точно сказать не могу, а просто была человеком при всей шумливой бойкости и даже наглости совсем неподлым, и если сказала когда-то старухе, появившись на ее пороге: «Я у тебя, бабуля, поживу, а ты со мной не пропадешь», то никаких не видела причин слову своему изменять. К тому же характер имела неплохой, никакое дело не казалось ей скучным или тяжелым, все устраивало, а что не устраивало, так то она собиралась изменять собственными силами, ни на кого заботы не перекладывая.

Хотя, казалось бы, особо хорошей Нюркину жизнь тоже назвать трудно. Конечно, шкаф от шмотья ломится, холодильник финский битком набит, на кооператив Нюрка в очереди стоит и купит не из последних, со здоровьем все в порядке, уродкой не назовешь, на определенный вкус, кто полненьких любит, так совсем даже ничего, но с другой стороны — бабе уже за сорок, а в личной жизни полная неопределенность. Бывали, естественно, кое-какие варианты, но

заканчивались все больше без особой радости. И это Нюрке, надо признаться, сильно надоело. Руки она не опустила, не такой характер, а решила наоборот взяться за дело всерьез. Тут и подвернулся Павленко.

Был он директором мастерской по починке обуви с ихней же улицы. Лет пятидесяти, может, с небольшим, почти совсем без лысины, с маленьким животиком, который скрывал отличного покроя костюмами. Разговаривал несколько менторским тоном, любил при этом жестикулировать. И зимой, и летом носил шляпы. Очень представительный мужчина. Появляться у Нюрки он стал все чаще, и хоть на ночь пока не оставался по причине женатости, считала она, что имеет он вполне серьезные намерения, или уж во всяком случае, что она его убедит таковые намерения заиметь.

А по-моему, Нюрка в него в конце концов попросту еще и влюбилась довольно сильно. Не скажу, чтоб до полной потери всякого соображения, на это она вряд ли способна, но вполне возможно, некоторая часть остроты проницательного взгляда и оказалась ею потеряна. С Лапиной Нюрка переживаниями и планами не очень де-

лилась, но старуха и сама неслепая, и товарищи ее по лавочке во дворе охотно комментировали общие наблюдения и соображения, так что по всему становилось видно — это, может быть, что и посерьезнее, чем просто очередной мужик ходит к бабе не первой молодости и одинокой.

Впрочем, что бы там ни происходило с Нюрой, а в жизни Лапиной сохранялся полнейший покой и порядок, соотносительно с возрастом, и все считали бы ее милейшей и тишайшей старухой, если бы не странный порок, о котором я уже упоминал. Да, да, речь идет о вранье. И тут с Лапиной никто ничего не мог поделать. Даже приятельницы-соседки, что по полвека, а то и больше с ней в одном дворе прожили и всю ее жизнь видели как на ладони и знали, может, не хуже, чем свою, и то становились объектами неожиданных нападений, когда Лапина вдруг ломала привычный строй старушечьей беседы про внуков, погоду да боль в суставах, чуть ли не кокетливо скашивала глаза немного в сторону и неожиданно начинала:

— ...А однажды губернский предводитель решил устроить маскарад, тогда еще ждали приезда нового губернатора, все дамы были

возбуждены, ходили слухи, что он холост и хорош собой...

Ни хихиканье в глаза, ни жесты с покручиванием пальца у виска, ни прямые укоризненные высказывания не оказывали на Лапину отрезвляющего воздействия, она только слегка — то ли смущенно, то ли, наоборот, надменно, уже не поймешь на этих древних губах, улыбалась и с мечтательной грустью молча смотрела куда-то поверх голов собеседников, как будто выглядывала нечто видное только ей. Впрочем, постоянные обитатели двора давно привыкли к старухиным причудам и реагировали на них слабо, были снисходительны, но как раз это снижало их ценность как слушателей, Лапина всегда особенно радовалась свежему человеку, и если он обладал хоть элементарной вежливостью да не очень спешил, то получал полную порцию, а потом не сразу приходил в себя от обилия неожиданной информации. Вот и Павленко как-то раз попался. Он сидел у Нюрки, та вышла ненадолго и задерживалась. Лапина заползла под предлогом, не хочет ли гость чаю, хотя только очень рискованный человек мог попросить ее принести чайник, опустилась на краешек сту-

ла, вроде отдохнуть на секундочку и, поскольку сразу же после первой фразы не была остановлена несколько оторопевшим Павленко, выложила по полной программе. Нюрка вернулась, гость дышал тяжело и прерывисто, глаза его бежали, а Лапина подбиралась как раз к тому моменту, когда кузен Серж собирался вызвать из-за нее на дуэль капитана Навроцкого.

Павленко потом еще во дворе кое-кого порасспросил и выяснил, что это у старухи хроническое. То ли он, действительно, чего-то испугался, сейчас и не поймешь иногда толком, чего может бояться человек, особенно на такой нервной работе, как у Павленко, то ли какие-то свои соображения возникли и просто предлог потребовался, но независимо от настоящей причины почти жених имел с Нюркой серьезную беседу на повышенных тонах за плотно закрытой дверью. Лапина старалась сильно не прислушиваться, но все же общий смысл ситуации понять смогла, и потому не ждала в результате для себя ничего слишком хорошего. Так и получилось.

Надо заметить, к чести Норки, она оказалась много спокойнее старухиных прогнозов и, когда пришла к Лапиной в комнату после бе-

седы с Павленко, говорила почти без крика и ровно, но от этого не менее убедительно. Смысл сказанного сводился примерно к следующему:

— У Павленко самые серьезные намерения. Жена его — страшная сука. Давно бы бросил, но очень любит детей. Сейчас как раз уже и самая младшая дочь выходит замуж. Все должно устроиться, и шанс этот никто не собирается упускать. Но Павленко хочет спокойной жизни, и его соседство с сумасшедшей родственницей-старухой не устраивает. Тем более, что квартиру придется оставить жене, и жить Павленко собирается в той, которую купит. Потому Лапиной предоставляется жесткий выбор. Или она никогда больше, нигде и никому не обмолвится о своих идиотских фантазиях и тогда может быть уверена, что до конца жизни, независимо ни от чего, ее станут кормить, поить, обихаживать и прочее при всяческом уважении, или, если хоть мимоходом будет замечено ее возвращение к прежнему вранью, то может спокойно пилить себе в собес и просить место в богадельне, там есть много заинтересованных слушателей.

Лапина ничего Нюрке не отвечала. Отвечать, собственно, нечего. Ультиматум не при-

нять не могла. И при этом имела совершенную уверенность, что Нюрка выполнит свои обещания и в том, и в другом случае. А Лапина от Нюрки зависела уже полностью, руки совсем отказывали, еле ложку держали. На соседей надежды мало. Нет, не проживет она без Нюрки. И в богадельню смерть как не хотелось... И потому Лапина слушала молча, даже не посмела улыбнуться своей обычной отсутствующей улыбкой, смотрела серьезно и понимающе.

Вроде все нормализовалось. Правда, теперь Лапина старалась, если были хоть какие-то силы, не оставаться в своем дворе, а доковылять до скверика в конце переулка. Это оказывалось каждый раз не просто, но Лапина считала — овчинка стоит выделки, в скверике своя компания, старухи из ее двора туда не ходили, и потому меньше шансов, что, если даже Лапина сорвется, о том станет известно Нюрке или Павленко. Но, как ни странно, Лапина не срывалась. Сама себе удивлялась. Видать, сильно на нее подействовала угроза богадельни. Правда, всегда довольно общительная Лапина теперь стала молчалива, редко и с трудом вступала в контакт, хотя и здесь, в скверике, достаточно желающих почесать язык.

Сидела Лапина и смотрела поверх голов, словно разглядывая что-то, видимое только ей.

Приближалась осень. Осень всегда в последние годы Лапина ждала с неприязнью: скоро зарядят дожди, из дома носа не высунешь, боли в суставах усилятся, не давая заснуть по ночам. А там и зима близко, совсем плохо, холодно, холод Лапина не любила, сильно мерзла. Хотя до зимы дожить надо, но Лапина знала, что доживет, что не только этот год протянет, но и еще немало, сердце имела здоровое, старой закалки, и чувствовала в себе жизни надолго. А осень все-таки приближалась.

Однажды к Лапиной в скверике под села незнакомая старуха с маленьким ребенком в коляске. Перекинулись парой слов о погоде, о малышах, что нынче постоянно болеют. День стоял прекрасный, теплый и мягкий, видать, один из последних этим летом, настроенная меланхолически Лапина отвечала дружелюбно и спокойно, не отмалчивалась, была уже в себе уверена — не сорвется, да и собеседница выглядела безобидно, не похоже, чтобы какая-нибудь сплетница или злословка. Но оказалась она старухой общительной и не без любопытства:

— А я вас тут раньше не примечала, переехали откуда?

Лапина объяснила, что живет в седьмом доме и обычно сидела всегда у себя во дворе, только последнее время стала добираться до скверика. О причинах она предпочла не распространяться, но собеседница даже не обратила на это внимания, так как ее сразу же вдруг заинтересовало другое:

— Пойдите, пойдите, в седьмом, это где Нюрка-продавщица с нашего гастронома, что ли?

Лапина подтвердила, но более ничего уточнять не стала, спросила только, откуда собеседница так хорошо знает Нюрку.

— Да никак я ее особо не знаю, за прилавком всего и видела, а насчет дома, так известно — к ней Павленко ходит, зятек мой любимый, старшей дочери муж. Даже вроде совсем перебраться намечает, хотя вряд ли, у него это не первый раз, но на сей раз, может, и так, моя-то совсем плоха, доконал он ее, сволочь прилизанная...

Далее Лапиной почти и не пришлось поддерживать разговор, у собеседницы, видно, наболело, и она быстро выложила всю историю

с подробностями. В истории, впрочем, не было ничего оригинального, да и историей даже с полным правом не назовешь, так, обыденная ситуация. Прожили почти тридцать лет, двое детей, вон уже и внуки пошли, разное за это время бывало, Павленко издавна погуливал, пару раз как будто всерьез уходил, но всегда возвращался, дочка, слабый человек, принимала без слов, хотя страдала, конечно, сильно. Последние годы, правда, Павленко как будто успокоился. Но тут жена заболела почками. Потом и по сердцу ударило. Сейчас уже встает не часто, и есть прогнозы, что скоро совсем перейдет на лежачее положение. Тут еще последняя дочка, что с ними жила, замуж выходит в другой город, она, ничего сказать нельзя, во всем помощницей была, но тоже свою жизнь строить надо, никто не винит. Теперь весь дом на старухе, она, понятно, сделает все, что можно, и дочку не оставит, но на нее тоже надежда небольшая, вон правнуков нянчит, годы немалые, да и у самой со здоровьем... Видать, все это Павленко просчитал, всегда, гад, расчетливым был, теперь и намылился на сторону, может, на сей раз и серьезно, охота ему остаток жизни за больной женой

ходить! Впрочем, лучше бы уж действительно свалил поскорее, а то только голову морочит да душу тянет, все прикидывает, наверное, прогадать боится... И самое обидное, общественное мнение подготавливает, да плевать ему на любое мнение, тогда зачем — всем вокруг гадости про жену говорит, что уж он там придумывает, ведь она давно из дому не выходит, а последнее время и говорит с трудом...

Старуха что-то еще бормотала дальше, может, и не очень справедливое по отношению к нелюбимому зятю, но Лапина уже не слушала. Сидела, тяжело глядя в землю и слегка щурила вдруг уставшие глаза, хотя никогда на них не жаловалась, до сих пор не знала очков. Потом наконец подняла голову, внимательно осмотрелась, наморщив лоб и сдвинув брови. Вечерело. Собеседница, верно, давно ушла. Скверик опустел, только с краю сидели мальчик с девочкой лет пятнадцати, низко склонившись друг к другу.

Лапина поплелась к дому. Добиралась она долго и трудно. У подъезда остановилась, но не стала как обычно кричать Нюрке, хотя свет у нее в комнате горел и даже окно приоткрыто. Дождалась прохожего поприличней, попроси-

ла, тот помог, затащил на второй этаж. Лапина еще с минуту помешкала у двери, отдышалась, потом открыла замок, приблизилась к Нюркиной комнате. Павленко был здесь. Лапина слышала его голос из левого угла. Значит, у стола сидят, разговаривают.

Без стука толкнула дверь, вышла на середину комнаты, пристально осмотрела насмешливо удивленную Нюрку, потом неприятно встревоженного Павленко и медленно начала, стараясь предельно четко произносить слова:

— ...Представьте — зимний вечер, еще не поздно, но уже совершенная темнота, начинается пурга...

ПОДРУГИ

Я был в то время уже достаточно зрел, чтобы четко видеть цель и не размениваться по пустякам, но и достаточно молод, чтобы иметь силы, а главное, желание порой позволить себе некоторые отступления от обычного продук-

тивного ритма. Кроме всего прочего, имелось еще в избытке здоровья, прекрасный аппетит, отличный сон и некоторая толика наглости. Видимо, все это послужило причиной моей снисходительности, когда нашей группе стали навязывать договорную тему не очень по профилю, хотя и выгодную. В командировку я точно мог послать кого-нибудь из мальчиков, уж для первичного сбора данных наверняка, но почему-то решил ехать сам, несмотря на приближающуюся осень, а регион планировался совсем не курортный.

Впрочем, один из самых северных наших областных центров встретил вполне приличной погодой. Старинный город с прекрасной деревянной архитектурой, почти не тронутый панельным однообразием центр, неторопливый мягкий говорок принимающих меня людей, тускловатый, но очень ровный и приятный свет солнца — все это создавало несколько меланхолическое настроение, не без примеси, однако, хорошей бодрости. Я закончил дела и сидел с инструктором обкома партии в сельском отделе, вяло перебрасываясь ничего не значащими предотъездными репликами и автоматически

листая сводки. Мое внимание привлекли данные по одному хозяйству, слишком резко выделяющемуся из общей картины. Впрочем, значения это большого не имело, в своей работе, находящейся на стыке экономики, социологии, математики и демографии, пытающейся решать проблемы как минимум на уровне целых климатических зон, я мог вполне пренебречь такой мелочью и даже отложил было документы в сторону, но что-то зацепившееся за память заставило взять их снова и просмотреть еще раз. Тогда понял, что именно, тут явная опечатка, колхоз носил имя С. И. Языкова и председателем значился С. И. Языков. Усмехнувшись, я сообщил о своих наблюдениях инструктору, но ответ прозвучал несколько странный. Инструктор сказал, что никакой опечатки нет, что была на эту тему даже какая-то громкая история, и центральная пресса обращалась, но хозяйство действительно любопытное, однако данные сводок сильно устарели, а новых давно не поступало, район очень отдаленный, связь плохая, к тому же сейчас заканчивается уборочная... Но по интонации в общем-то очень простодушного человека я совершенно не понял, то ли он

пытается привлечь мое внимание к этому колхозу, то ли, наоборот, старается отговориться общеизвестностью фактов и малодоступностью места. Впрочем, история действительно была громкая, и я даже вспомнил ее в общих чертах по газетным публикациям. Какой-то уголовник убил председателя, а милиция бездействовала или действовала из рук вон плохо, короче, кто-то в тех статьях обвинялся, но кто конкретно, мне не запомнилось, а что место погибшего занял его младший брат, я уж точно не слышал. Но это недолго занимало мое внимание, и совсем уже под конец дня я забыл было о странном колхозе, как перед самым уходом инструктор почему-то заговорил сам:

— Туда сейчас совсем не доберешься, даже рейсовый автобус отменили на время уборочной, — он как-то неловко усмехнулся, — шефов возить в деревню не на чем... Катер ходит, но всего два раза в неделю, и тащится больше суток... Нет, никак не доберешься...

Я постоял еще немного в дверях, ожидая продолжения, но не дождался и, пожав плечами, вышел. Не доберешься, так не доберешься, мне и делать там, собственно, нечего.

Рано утром в моем номере раздался телефонный звонок:

— Слушайте, вам, кажется, повезло, — говорил инструктор, — тут, оказывается, в обком комсомола приехала ихняя комсомольская секретарь по школам, у нее дел немного, она сегодня же обратно и согласилась вас захватить.

— Чей секретарь, — не понял я спросонья, — куда захватить?

— Да из заозерского района, — чуть не сердился на мою тупость инструктор, — ну, насчет хозяйства, что мы вчера говорили, имени Языкова-то...

— А вы считаете, что мне все-таки стоит съездить, — осторожно намекнул я, посылая про себя к чертовой матери инструктора с его неуклюжей и совершенно ненужной мне расторопностью, — действительно, может быть, что-то там интересное?..

— Конечно, нет, — сразу же согласился секретарь, — это я так сказал, на всякий случай, да и трястись триста километров на «козле»... — он опять завел свою волюнку насчет посевной, плохой дороги, что потом не выберешься.

И тогда я вдруг решил непременно ехать. Как-то даже с вызовом заявил об этом инструктору и, бросив трубку, кинулся одеваться. Кинутся-то, конечно, кинулся, но не забыл, естественно, ни принять душ, ни побриться, ни отлично позавтракать в на редкость добросовестном гостиничном буфете, так что когда часа через полтора, если не больше, подходил к обкому, то меня уже ждали. Шофер сразу ужасно не понравился, эдакое мурло коллекционное с потугой на сельский шик. А вот секретарь очень милая. То есть не в смысле внешности, там как раз полное отчаяние, да вдобавок два передние верхние зуба металлические. Что-то в лице ее было очень располагающее и домашнее, короче, можно сказать, что я с удовольствием бы имел такую старшую сестру, хотя и вряд ли пожелал бы своей сестре такую внешность. Но все это, конечно, чистая теория, я в семье единственный ребенок. Мы тронулись. Путь действительно предстоял неблизкий, с несколькими паромными переправами и, возможно, даже ночевкой, ходили слухи о размытом где-то берегу. Как выяснилось впоследствии, размыло его не настолько.

Шофер Федя (мы все трое сразу же познакомились чрезвычайно изысканно) в полном соответствии со своей физиономией оказался довольно мрачного склада характера, но это отнюдь не значит, что малоразговорчивый. Он задал несколько окольных вопросов, по которым составил обо мне непоколебимое мнение как о крупном специалисте с сельскохозяйственным уклоном и далее уже от темы не отвлекался. А она у него была четкая — как выкачать максимум прибыли из личного парника. Я даже и не подозревал, насколько тема эта неисчерпаема, и за первые пару часов получил ценнейшие сведения о ранних сортах, о способах доставания левой солярки (правой, оказывается, не бывает), о нюансах рыночной котировки, о видах пленки (есть, говорят, японская, пропускает воздух, но сразу теплый и только чистый, самый полезный для растений), о недостатках и преимуществах застекления... Счастье еще, что хотя ко мне и обращались вроде как за советом, но на самом деле никаких советов не спрашивали, иначе моя неожиданная репутация сельскохозяйственного деятеля продер-

жалась бы недолго. Секретарь Люба больше молчала, смотрела своими хорошими, покойными, только жалко, слишком близко посаженными глазами на дорогу и лишь изредка отрывочно отвечала на, из вежливости и для поддержания общего разговора, задаваемые мной вопросы. Но даже этих отрывков оказалось достаточно, чтобы выяснить несложную ее биографию. Со школы на выборных комсомольских должностях, в двадцать стала секретарем райкома, случай редчайший, но на этом карьера и кончилась, до первого так и не доросла. Заочно окончила педагогический. Через год-другой собирается уходить в школу, учить детишек русскому языку и литературе, но не знает, как еще получится. По этому «через год-другой» я понял, что ей скоро тридцать.

Но наконец затихли и последние остатки беседы, даже Федя приумолк, дорога пошла совсем плохая, сильно трясло, пыль пробивала насквозь, становилось душно, но тут вдруг повеяло запахом воды, и мы остановились у переправы. Нам не повезло, паром только отплыл, и приходилось ждать неизвестно сколько, пока он

разгрузится и загрузится на том берегу. Метрах в пяти от берега стоял «Москвич» в луже масла, с неестественно вывернутыми колесами. Рядом суеилось многочисленное семейство, явно городское, бросая по сторонам тоскливые взгляды с мольбой о помощи. Федя крикнул, вытащил из-под сиденья звякнувшую металлом сумку и направился к терпящим бедствие. Я сделал несколько шагов в сторону, встал на берегу и закурил. Через пару минут подошла Люба и тоже молча принялась глядеть на воду, изредка откидывая резким движением со лба тревожимую ветром челку. Молчание затянулось, но мы оба чувствовали себя в нем прекрасно, и я еще раз подумал, как хорошо, должно быть, ее братьям, если они есть.

— У меня две сестры, — сказала Люба, — младших. Одна малышка еще в третьем классе, а вторая — невеста, в прошлом году школу кончила. Смешно, — и она вдруг действительно засмеялась, — красавица, ребята вокруг вьются...

Я глянул на нее с некоторым удивлением: что за человек, которому красавица — смешна?.. Но тут мне пришло в голову, что смеш-

но ей совсем другое — что у нее сестра может быть красавица... И я быстро сменил тему:

— Там история с убийством была... вы в курсе?

— В курсе. Это все при мне. То есть я, конечно, в городе тогда была, но знаю хорошо... Что за история? Убили человека — вот и вся история...

— А правда, милиция как-то не так себя вела, я читал...

— Да что милиция, и не милиция, а один милиционер, участковый бывший, его выгнали потом, даже, по-моему, уголовное дело заводили, я, честно говоря, подробностей не знаю, чем кончилось... Сам навеселе был, приехал с какими-то двумя дружинниками, хотя те, может, и трезвые были, но все испугались и убежали, уехали то есть. Да главное не в этом. Как народ себя вел... Представляете, Хомутов весь вечер по селу с ружьем ходил, ругался и Языкова искал. А ему только говорили, что не видели, да сразу по домам запирались. Вся улица заперлась, никто даже Семену Ивановичу ничего не сказал, сказали бы, может, ничего и не случилось, он, знаете, был... ну, такого так легко не

убьешь, Хомутов в спину стрелял. Мерзко все это...

— Вы сами-то его знали, Хомутова?

— Видела пару раз. Он не местный. Сложный человек... был.

— Такие обычно простые.

— Да? Возможно. Этот непростой. Его подруга моя знала, она в Волоке работает. На ферме. Если там окажетесь, я вас с ней познакомлю.

— Да мне на ферме делать-то вроде особо нечего, я ведь в чистом виде сельским хозяйством, знаете ли, не очень, меня больше общие вопросы...

— Да, да, я слышала, мне инструктор говорил, это я так... Пойдемте, вон нам Федя машет, скоро погрузка, надо постараться первыми заехать.

Паром уже, действительно, возвращался. Он пришвартовался, и я понял, в чем причина аварии «Москвича». Обитый железом край паром довольно значительно возвышался над пирсом, и потому первыми въезжали грузовики, для которых этот перепад вполне проходим, а потом, когда под их тяжестью паром оседал,

шли легковые. Глава суетливого семейства, видимо, не знал тонкостей и поперся с ходу. Ну и налетел на выступ. Теперь, впрочем, машина их была, кажется, на ходу, так как суетились они не вокруг нее, а вокруг Феди и с оттенком подобострастной благодарности. Но тут подошли мы, и Федя вскочил за руль, сжимая что-то в левом кулаке. Тронулись.

Паром платный, с машины брали пятнадцать копеек, а с человека пять. Я был не в курсе, а Федя что-то вдруг очень активно завозился под капотом, и Люба, исчезнув на минуту в рубке, вернулась с билетами. Мне стало неудобно, но не совать же ей мелочь в руку, пришлось сделать вид, что ничего не заметил. Но Федю про себя матюкнул хорошенько.

Дальнейший путь становился все более утомительным, дорога все хуже, были еще две переправы (тут уж я, наученный, брал билеты на всех, Люба один раз пыталась робко всучить мне пятак, Федя никак не прореагировал), в одном месте сильно размыло берег и пришлось толкать машину руками, короче, триста с небольшим километров тащились мы до глубокого вечера и в Заозерск приехали в полной темноте.

— Это ничего, — утешала меня Люба, видя кислое мое настроение, — наш еще ближним считается, в области есть девятнадцать районов, куда только вертолетом можно долететь.

— Наверное, и самолетом тоже, — попытался я робко то ли пошутить, то ли непонятно что. Но оказалось, даже в виде дурацкой шутки не звучит.

— Самолетом как раз не получится, посадочных полос приличных нет.

Меня подкинули до гостиницы, где ждал бронированный номер, и мы расстались. Последнее время, возглавив группу и не часто бывая в командировках, а если и бывая, то в столицах с «Асториями» да «Интуристами», я отвык от этих крохотных районных отелей на два десятка номеров, у которых самый шикарный «люкс» имеет из удобств максимум собственный умывальник. Но в тот момент мне было не до хорошего, наскоро сполоснувшись под краном, даже не стал читать перед сном, не говоря об ужине, и кинулся на кровать. Может показаться невероятным, но я до сих пор помню, каким замечательным глубоким сном я спал в ту ночь в Заозерске. И все прочие ночи тоже.

Утро было прохладное, но замечательное по чистоте неба и воздуха. Сделав несколько шагов из дверей гостиницы, я оказался в самом центре города и смог обозреть его почти полностью. Сама гостиница, двухэтажная, отделанная по фасаду мраморной крошкой, с изящным козырьком ребристого алюминия над входом, снаружи имела вид куда более презентабельный, чем внутри. Напротив нее располагалась стандартная, тоже двухэтажная стекляшка с кулинарией внизу и рестораном наверху. Слева виднелись стены старинного кремля, за которыми угадывалось, хотя непонятно чем, — шума волн не слышно и влагой не тянет, — Синее озеро. Справа простирался сквер с доской почета и сооружением посреди не, которого ни дотол, ни после я никогда не видел. Метрах в шести-семи над землей возвышались самые обычные стандартные электрические часы, их в городах обычно вешают на столбах, вернее, вешали, сейчас эти скучные квадраты обычно стараются заменить какой-либо более оригинальной формой. Квадрат со всех сторон и до самой земли обрамлен сварной конструкцией из металлических прутьев, кра-

шенных так называемой «серебрянкой» и изображавших различные фигуры: знамена, горны, барабаны, орденовые ленты и еще что-то, вовсе несообразное. Часы стояли. Помню, я тогда еще сразу подумал, что более лобовой и глупой символики (во всех смыслах) придумать трудно. За сквером в глубине виднелось главное административное здание, куда мне, собственно, и было нужно.

Но сперва я все же решил завтраком вознаградить себя за отсутствие ужина и направился в ресторан. Чистенькие столики с белыми салфетками. Почти пусто, если не считать двух пожилых женщин, торопливо допивающих в углу жидкий чай. Вот она, сила провинции, возликовал я в душе, в «Англетере» пришлось бы в это время стоять не меньше часа! И довольный сел к окну. Так просидел минут десять, потом стал озираться.

— Вы еду-то брать будете? — высунулась румяная голова в поварском колпаке из-за ажурной декоративной решетки, отделявшей кухню от зала.

— А как? — совершенно по-идиотски спросил я.

Но надо мной даже не посмеялись, а быстро все объяснили. Сначала надо пойти к заведующей и выписать чек, заведующая находилась там же, рядом, в крохотной комнатке, перед заведующей столик, на столике меню, а за спиной заведующей гора деревянных ящичков со спиртным. Меню я взял все целиком: салат из огурцов, пельмени «по-московски» и чай. Наличествовала еще селедка, но мне ее мягко не рекомендовали. При воспоминании о том меню у меня до сих пор что-то подкатывает к горлу, так как я постоянно им вынужден был довольствоваться на завтрак, обед и ужин. Чтобы сразу с этим покончить, хочу еще уточнить, что пельмени «по-московски» представляли собой крохотные кусочки теста с крайне слабыми мясными следами внутри — иезуитское произведение местного хитрого комбината.

И вдруг в одном из ящичков я заметил — и глазам своим не поверил — коллекционное шампанское «Абрау-Дюрсо» с черной этикеткой. Немедленно автоматически попросил, если можно, три с собой.

— Зачем шампанское-то с собой, — искреннейше удивилась заведующая. — У нас же

с наценкой, возьмите в магазине, а здесь, хотите, так я вам открою...

— А что, в магазине тоже есть? — второй раз за утро проявил я свой интеллект. Но на меня посмотрели довольно милосердно. Вообще, должен сказать, меня часто в жизни выручала слабость русского народа к юродивым.

— С водкой перебои бывают, — наставительно произнесла заведующая, — даже бормотуха иногда кончается. А этого-то добра... Так открыть, что ли?

Но пить с утра шампанское, особенно перед деловыми встречами, я все же отказался и удовольствовался отвратительным чаем. Затем пересек сквер и оказался в административном здании. Председатель райисполкома, предупрежденный о моем приезде, поджарый сорокалетний мужик с очень твердой сухой и длинной ладонью, встретил благожелательно и по-деловому, так, как я любил, без лишней говорливости. Я ему ни с какого боку не начальник, и уж тем более не проверяющий, неприятностей от меня ну уж совсем никаких быть не могло, но с другой стороны — из самой столицы, да и по солиднейшим рекомендациям. Мы быст-

ренько обсудили всю программу, председатель пообещал сейчас же связаться со всеми нужными людьми, я получил доступ ко всем необходимым документам и пошел в политкабинет работать. Да, еще перед уходом, председатель успел сказать, вроде ни к селу ни к городу, когда речь зашла о том, что потребуется поездка в Волок и беседа с Зыковым:

— А с той историей... происшествию дана правильная оценка, и есть мнение, что не стоит больше дергать людей. Ну, расспросами там всякими...

В обед ко мне в кабинет зашла Люба. И я еще раз подивился тому, подивился с первого момента, как увидел ее, насколько она приятна и мила:

— Предисполкома сказал, вы завтра в Волок собираетесь?

— Да, он обещал договориться, я не знаю, когда, но если сказал, то завтра. А кстати, это далеко, как мне по времени планировать?

— Совсем рядом, пять-шесть километров, но дорога очень плохая. Правда, сейчас сухо, можно и пешком идти, но на машине, конечно, лучше. Хотела вас попросить, у нас газик об-

щий с исполкомом, вам его завтра председатель дает, так вы меня захватите, у меня там тоже дела.

Я сказал, что, конечно же, обязательно и с удовольствием. Посидев еще пару часов с бумажками, решил — на первый день хватит. В ресторане встретили как старого знакомого и без разговоров открыли бутылку шампанского. На сей раз я не стал упираться. Оно было восхитительным. И полностью компенсировало пельмени, успевшие смертельно надоесть уже со второго раза. В самом радужном расположении духа я вышел в город.

Возвращаться в гостиницу не хотелось, и из всех возможных развлечений я выбрал осмотр кремля. Крепостной ров был сух уже, видимо, очень давно, но все равно непроходим и из-за крутизны берегов, и из-за невероятных зарослей какого-то низкорослого, но чрезвычайно буйного кустарника. Однако перед воротами через ров перекинут очень изящный мостик из свежеструганных бревен с ровным дощатым настилом. У мостика громоздилась из досок же слепленная ладья под старину, вполне уместная на детской игровой площадке, но здесь произ-

водившая впечатление отчаянной безвкусицы. К борту ладьи приколочена доска, надпись на которой извещала, что вы вступаете в нечто охраняемое государством, основанное тогда-то и по такому-то поводу. Повод и цифры я забыл.

Далее дорога раздваивалась, прямо она шла в глубину двора, направо вела сразу на крепостную стену. Я решил подняться. И тут впервые увидел Синее озеро. То есть, конечно, не все целиком, противоположный берег терялся вдали. Но главное увидел.

Тот, кто говорит о неброской красоте северной русской природы и приглушенных ее тонах, или никогда не видал этой самой природы, или имеет крайне своеобразное представление о красоте. Какие там субтропики с их нарисованными кипарисами да мелкой галькой! Тут все было вырезано с такой фантастической смелостью и броской широтой, что в первый момент воспринималось даже не очень натурально. Действительно, синяя, по-сказочному синяя вода, над ней небо слепящей стали, чуть провисшее, чуть давящее, но очень праздничное. Перед кромкой воды огромные валуны с обкатанной грудью и топорщащимися спинами. Солнце большим

медным, бледнеющим по краям кругом кинута близко к горизонту. И на фоне всего этого — гордые белые стены, с холодной надменностью вытянувшиеся вдоль берега. Несколько острых резких куполов и вдруг неожиданно какая-то ужасно веселая, несколько даже разгильдяйская звонница, с бесшабашным, крохотным, с земли кажется и не колоколом вовсе, а колокольчиком, как будто дурачок затесался в чопорный светский круг и куролесит, но при этом себе на уме.

Со стены уходить не хотелось, это оказался подарок, с которым жалко расставаться, но я был не- достаточно тепло одет для длительных прогулок, и ветер заставил спуститься. Внизу тише, и казалось, теплее. Во дворе центральным зданием получался, как ни странно, не собор — от настоящего, XVII века, к сожалению, мало что осталось, а более поздний вышел не очень хорош, не велик, и ютился в углу. В самом же центре возвышалось здание бывшей гимназии, а ныне школы имени поэта, чей бюст на невысоком постаменте установлен тут же перед фасадом. Я подошел поближе. Фамилия мне ровным счетом ничего не говорила, хотя я

не считал себя в поэзии полным профаном, но вот годы жизни 1899—1937 говорили о многом и вполне возможно, здесь недаром гордились этим человеком, местным уроженцем, окончившим старую гимназию. Мраморные глаза были слегка прикрыты тяжелыми веками.

На следующий день, не успев войти в двери райкома, навстречу откуда-то вынырнул Федя и объявил себя в моем распоряжении. Я попросил его позвать Любу и сел в машину. Почти сразу тронулись. Дорога действительно мерзейшая, но оказалось и вправду очень недалеко, я едва успел выяснить у Любы, что едет она на районный конкурс молодых доярок как представитель райкома и повидаться заодно с подругой, которая хоть сама сегодня в конкурсе вроде бы не участвует, но на ферме которой, рядом с Волоком, все это будет происходить. У фермы мы и оставили Любу, — конкурс пока не начался, секретарь специально решила приехать пораньше, чтобы еще раз проверить готовность на месте, — и договорились заехать за ней на обратном пути.

Председатель колхоза имени С. И. Языкова Степан Иванович Языков встретил меня крайне вежливо, хотя и не более того. Цифры

подготовил заранее, а в беседе держался предельно четких, даже чуть суховатых формулировок. Голос его звучал удивительно ровно и интонационно окрашивался исключительно в соответствии с правилами орфоэпии:

— Никакой проблемы кадров не существует, есть проблема производительности труда. Вопрос рентабельности не стоит, стоит вопрос нужности. Требуется сначала точно выяснить, необходимо ли именно данное хозяйство и именно в данном месте. Методы вам отлично известны, впрочем, вам все, что я скажу, должно быть известно. А цифры наши по ситуации самые логичные. Миграции, отток молодежи, неперспективные деревни, все это только констатирующие термины. Но поскольку нас интересуют факторы, позволяющие управлять процессом, давайте говорить о чистой экономике. Сколько, куда и с какой целью. Главное — чтобы именно экономическими методами решать проблемы чистой экономики. Остальное наслаивается. Но тут я, простите, не специалист. Нашему хозяйству в какой-то мере повезло, произошло совпадение данности и целесообразности. Но повезло еще и с руководителем.

Зыков вдруг встал, подошел к окну, внимательно посмотрел на что-то. Потом резко повернулся, спросил строго:

— Вы слышали о моем брате?

— Да, кое-что слышал, но немного и, знаете, вся эта история...

— Я сейчас не об истории, — он меня попросту оборвал. — Семен боевой офицер, он дважды в танке горел и ничего не боялся. Скорее его тут несколько побаивались. Но и уважали. Ему нельзя было приказать запахивать пары для плана или начать не вовремя заготавливать сено для сводки. Он просто посылал. А меня пока не трогают из уважения к его памяти.

Зыков сел, сложил крупные руки замком, глубоко вздохнул:

— Вот отсюда и демографические пики на общем плато. Ну, а теперь давайте анализировать конкретные цифры, я к вашим услугам.

Впрочем, разговор этот был у нас только предварительным, мы договорились, что встретимся еще через пару дней, когда я окажусь более в курсе положения дел в районе. Забрал кое-какие бумаги и стал искать Федю, куда-то запропадившегося. Он неожиданно появил-

ся из-за угла с мотком розового шланга, хитро мне подмигнул и принялся засовывать моток под сиденье. Я даже глаза отвел, все больше и больше не нравилась мне эта жлобская физиономия. Впрочем, на сей раз, с разговорами он не приставал.

Любу мы застали на ферме в самый разгар конкурса. На теоретические вопросы доярки уже ответили, и теперь часть соревновалась в сборке каких-то приспособлений, а часть пошла внутрь фермы, показывать свое мастерство практически. Люба сидела за накрытым чистой белой скатертью столом, установленным в центре полянки, со всех сторон окруженной привезшими из дальних хозяйств доярок автобусами, и вместе с еще какими-то людьми, потом выяснилось — главными специалистами колхозов, принимала у девчат работу, но увидев нас, шепнула что-то сидящим рядом и пошла к «газику».

— Тут еще дел минут на тридцать-сорок, вы не очень спешите?

Я заверил товарища секретаря, что мы даже с удовольствием понаблюдаем за волнующим событием (Федя, правда, мрачновато

хмыкнул) и направился к бревнам, на которых располагались ждущие своей очереди конкурсантки и немногочисленные болельщики. Еще только подходя к этой группе, шагов за десять, я обратил внимание, хотя выражение «обратил внимание» тут совершенно не подходит, ощущение и впечатление оказались гораздо более внезапными и резкими, даже до неприятности, можно было бы использовать в виду исключительности случая «мне вдруг открылось» — так вот, мне вдруг открылась поразительная красота. Женщина, а я сразу же и даже про себя не мог никак назвать ее девушкой, хотя лет ей едва двумя-тремя годами за двадцать, но тут уж совсем не было никакого намека на девичество, женщина удивительной и совершенной красоты сидела на бревнах в не очень свежем, но сильно приталенном и облегающем фигуру белом халате и крохотной косынке черного шелка, сидела вполоборота, как амазонка в седле, повернув к нам голову и чуть улыбаясь. Не стану описывать в подробностях черты ее лица, занятие бесполезное, скажу только, что они не имели ничего общего с классическим северным типом даже в лучших, иконных его проявлениях, нет,

это было из другого мира. Та самая красота, от которой стрелялись польские магнаты, но при этом все же совершенно русская и абсолютная. Без единого «но». Я даже чуть замедлил шаг.

— Пойдемте, — потянула меня за локоть Люба, и я в очередной раз подивился, как у нее естественно получилось, — идемте же, я вас с моей подругой познакомлю, помните, я говорила, ее Верой зовут.

Мы подошли и познакомились. Движения Веры, протянутая ею рука, так обычно протягивают руку не для пожатия, а для поцелуя, поворот головы, почти незаметная, но безошибочная волна, проходящая по телу при малейшем движении — все в ней было вызывающе безукоризненно. Но кажется, я все же начинаю описания, чего делать не хотел, потому вернемся к конкретике. Оказалось, что кто-то из команды Волокской фермы заболел, и Вере пришлось принимать участие в конкурсе, хотя по крохотному своему опыту она считала себя совершенно не готовой. Впрочем, два предыдущие тура прошла вполне успешно и теперь ждала, когда придет ее очередь доить. Опыт же столь мал, чуть больше полугода, потому что приехала она

сюда недавно из Донецка, а до того, не то что на ферме не работала, а живой коровы не видела.

— Как первый раз посмотрела на такого страшного зверя, морда — во, рога — во, чуть со страху не умерла, подойти, думала, никогда не смогу, — и Вера коротко засмеялась.

Да, вот засмеялась она зря. Это для меня было уже лишнее. Не смеются так девушки на бревнах между открытым загонем и сломанным комбайном «Колосс». Для другой обстановки смех.

Тут вдруг к столу подошла какая-то бабенка лет пятидесяти в замызганном ватнике, на удивление квадратная, низенькая и широкоплечая.

— Шо это у вас, — хрипло спросила она, ткнув непомерным корявым пальцем в разобранное доильное приспособление, — и вдруг завернула таким крутым матом, что даже сидящих за столом мужиков покачнуло. Но тем не менее они не только не отреагировали, но остались крайне вежливы:

— А это, Никифоровна, тут конкурс проходит, не слушала разве, девчата соревнуются, кто быстрее соберет, специальный норматив есть.

— На время, что ли? А ну, давай, засекай, часы-то есть?

Все заулыбались, самый солидный чуть привстал и щелкнул секундомером. Но тут произошло нечто странное. Однако нужно несколько слов в пояснение. Собирать и разбирать аппарат требуется в каком-то строгом порядке, и в таком порядке лежали его части на столе. У кого-то получалось чуть быстрее, у кого-то чуть медленнее, но обычно уходило несколько минут. Никифоровна же сгребла все это в кучу своими могучими руками и, пока солидный специалист привставал, пока щелкал своим секундомером, сделала несколько резких, далеко не изящных движений. Почти одновременно с первым щелчком что-то щелкнуло и у нее в ладонях. Все посмотрели слегка обалдело. Приспособление оказалось собранным и готовым к работе.

— Может, ты и на теоретический вопрос ответишь, — вдруг тоненьким ехидным голосом вылезла какая-то ветеринарша сбоку.

— На теоретический, это я точно отвечу, — медленно начала Никифоровна, но председатель комиссии оказался мужиком на удивление неглупым:

— Не надо, не надо, ты лучшей пойдешь, покажи девчонкам, как доить надо...

Никифоровна криво усмехнулась и прошествовала в коровник.

— Эх, — мечтательно сказал председатель, — ее на какой мировой конкурс...

— На мировой нельзя, — без тени улыбки отозвался его сосед, — там могут оказаться понимающие по-русски. Выйдет международный инцидент.

— Точно, — на полном серьезе поддержала ветеринарша, — нельзя ее на мировой, уж очень наша Никифоровна несознательная.

В этот момент Вера как раз проходила мимо стола, наступила ее очередь доить, резко повернув голову, сказала вдруг зло и очень четко:

— Если она тут тридцать пять лет на одной ферме отпахала, значит, у нее столько сознательности, что можно по бочкам разливать.

Нет, не было у Веры движения несовершенного.

Через несколько минут подъехала автолавка. Оказалось, участников конкурса (но только их, даже судьи не в счет) решили побаловать и прислали то, что почему-то называлось тогда продуктовыми заказами, хотя никто ничего не заказывал, а радовались схватить, что дают.

Данный заказ состоял из нескольких банок сгущенки, хорошего чая, чего-то еще мясного и, что меня больше всего поразило, пары килограммов свежих огурцов. То есть меня поразило, что деревенские жители именно огурцам-то и рады больше всего, хотя для овощей даже в этих северных широтах сейчас как раз считался самый сезон. К моменту раздачи Вера тоже освободилась и приняла участие в оживленной суете у борта автомобиля. Через несколько минут подошла к нам с большой полной сеткой в руках и стала из нее выкладывать пакеты.

— Вот возьми, это сгущенка, они сладкое любят, а это огурцы, им сейчас очень витамины нужны, у тебя есть во что положить?

Люба вдруг вспыхнула и как-то неприятно опустила вниз губы:

— Тебе самой надо, а они ни в чем не нуждаются, у нас все есть.

— Ты не смеешь, — Вера даже ногой притопнула, — ты не смеешь не взять, я имею право им гостинцы передать, как тебе не стыдно...

Я отошел в сторону. Мимо меня проскочил Федя со свертком, он, наверное, все же умудрился урвать заказ и себе. Начиналось награж-

дение победителей. Бился на ветру поднятый в честь соревнования флаг на длинном стационарном флагштоке, видать, место это было специальным для мероприятия, вырывались из рук награждающих грамоты, сдувало со стола призы, но все прошло очень торжественно. Тут я заметил, что девушки начали собираться группками и о чем-то шушукаться. К одной из таких группок присоединились Люба с Верой, после чего Люба отправилась ко мне парламентарием. Оказывается, все присутствующие еще заранее договорились отпраздновать конкурс парадным обедом и даже заказали специально зал в городской столовой, куда и отправятся сейчас на автобусах. По идее, каждая девушка имела право захватить с собой одно лицо мужского пола, но в мужчинах я здесь заметил явный недостаток, и потому меня тоже приглашали принять участие. То есть это я так решил, меня же просто пригласили в самых изысканных выражениях, и я, конечно, согласился. Девушки сняли халаты и выяснилось — одеты довольно нарядно. Мы расселись по автобусам, отпустили Федю и поехали.

В отдельном зальчике столовой, что обнаружилась прямо позади моей гостиницы, уже

были накрыты столы, расставленные буквой «П». Жареная картошка, соленые огурчики, помидорчики, великолепная квашеная капуста, тонко нарезанное, отливающее перламутром сало, тушеное мясо с горой жареного лука — да, это не мой ресторанный набор. Появилось и несколько бутылок водки, не много, но как раз, чтобы женскому полу пригубить, а мужскому — по две-три крупных, тяжелого зеленого стекла рюмки. Наскоро перекусив, стали говорить тосты. Выпили за победителей, за колхоз, бывший сегодня хозяином, Люба сказала слово как представитель районного начальства. Общее настроение, и так отличное, с каждой минутой становилось все лучше, мы уже любили друг друга и даже удивлялись, как хорошо. Вспыхнула какая-то частушка, ей ответили с другого конца стола. Потом спели общую песню, помню, отличную и современную. Сидевшие по обеим сторонам от меня Вера и Люба зорко смотрели, чтобы их гость не оказался обиженным, и мне досталось, по-моему, на пару рюмок больше других. Попросили тоже что-нибудь сказать, представив очень торжественно как «нашего дорогого гостя из Москвы».

Я встал и с подобающей случаю серьезностью и приличным выражением лица изложил: «Ваши трудовые успехи замечательны, но о них много говорят, и они общеизвестны, и за них воздас-ся непременно, а вот вашу красоту почему-то обходят молчанием, а она тоже, дай бог каждому, короче — хороших вам мужей, девочки!» Меня выслушали с большим вниманием и долго хлопали. Обед заканчивался.

Я предложил моим спутникам немножко прогуляться после трапезы, и они с удовольствием согласились. Погода стояла еще лучше вчерашней, те же редкостные переливы прозрачного воздуха, нежнейшая чистота красок, только ветра поменьше и чуть теплее. Настроение у меня было необыкновенное, хотелось сделать какой-то замечательный подарок этим женщинам, идти между которыми мне так здорово, надежно и красиво. Вдруг я узнал, что ни та, ни другая ни разу не поднимались на крепостную стену, вот чудеса, случается же такое, а Вера даже и вовсе в кремле не была. И я решил немедленно подарить им вчерашнее свое открытие, и мы поднялись на стену, и та же вода, и то же небо, и то же солнце и те же валуны, только

лучше, ярче, четче, радостней, все это я дарил широкой рукой, и мой подарок воспринимался с благодарностью, его ценность понята в полной мере, и мне в ответ дарились такие улыбки и такие взгляды... Самое удивительное — с каждой из женщин в отдельности я не ощущал бы и доли той легкости, что чуть не приподнимала меня сейчас над землей, и им, я чувствовал, особенно хорошо еще и оттого, что они вместе, и что мы все вместе тоже, и что мы стоим на этой высоте, и мир лежит у наших ног. Я был в ударе, и, кажется, даже читал стихи. Потом мы еще прогулялись по кремлю, постояли у бюста человека с тяжелыми веками, Люба тоже прочла какие-то его строки, я их не помню, но тогда они пришлись очень к месту и точно понравились. Затем выбрались на берег, здесь уже ветреней, даже остатки брызг долетали до лица и оседали на губах, и от того становилось еще лучше, хотя, казалось, что лучше некуда. Женщины стали поеживаться. Приближался вечер. Подкрадывался.

— К вам автобус по расписанию ходит или как? — начал я приходить в себя, соображая, что пора провожать Веру, а конец неблизкий.

Женщины одновременно засмеялись, и тут я впервые подумал, что Любе лучше этого не делать рядом с подругой. Однако прогнал мысль, как неуместную.

— Какой автобус? Мы же в тупике, за нами одни болота, да и считается рядом, пешком ходим. В такую погоду я за час с небольшим добегаю...

И провожать себя не разрешила. Я, впрочем, не настаивал, рядом-то рядом, но пройти десять-двенадцать километров в паркетных туфельках не светило даже в такую замечательную погоду. При расставании мне опять была подана рука, и тут уж я просто еле удержался, чтобы не склониться к ней для поцелуя. Естественно, сдержался, чувство меры мне пока не отказывало. Потом проводил Любу. Жила она недалеко.

На следующее утро предисполкома я не застал, он уехал, оказывается, куда-то еще с вечера и не возвращался, но оставил мне на считавшемся моим столе в политкабинете записку, что договорился о встрече с и. о. начальника РУВД, и тот меня ждет к одиннадцати. Это оказался чрезвычайно румяный низенький капитан с

добродушной физиономией и пухлыми короткими пальчиками, которыми он смешно шевелил при рукопожатии, придавая, видимо, ему таким образом дополнительную теплоту. Мне сразу стало очень уютно рядом с этим «добрым дядюшкой», как я его про себя окрестил. Говорил он тоже мягко, даже с придыханием в начале фразы. Фуражку постоянно держал у правого локтя на столе, тульей вверх, и время от времени к ней притрагивался. Пальцами левой руки.

— Вот жду не дождусь приезда нового начальника. Я, знаете ли, без высшего образования, не до того раньше было, а теперь староват. Пока обязанности исполняю. Прежнего сняли из-за той истории. Вернее, не сняли, на пенсию ушел, но это все одно. А на меня еще и участок в Волоке свалился, людей, знаете, совершенно не хватает. Еще счастье, что нынешний Языков — мужик кремень, у него не побалуешь. Да и с транспортом всегда помогает, к нашей службе относится с пониманием. Справляемся как-то. А на самом деле, крайне паршиво справляемся. И цифры я вам сейчас дам, только и цифры эти — фуфло, — неожиданно закончил добрый дядюшка, и я посмотрел ему в гла-

за. Холодные и бесконечно усталые. И давно в них не бывало даже усмешки.

— Почему же фуфло, что — недостоверные? Так надо перепроверить.

— Достоверны-то они достоверные... Я вам сейчас объясню. Предположим, да что там предположим, давайте прямо из этой папки. Вот смотрим: Волокский сельсовет. За прошлый год — трудоспособное население — 897 человек. В этом году: на пенсию ушло — 6 человек, 12 уехали по разным причинам, 4 ушли в армию, один умер, двое сели. Что получается? — капитан вдруг достал из ящика стола счета с потертыми костяшками, быстренько на них прикинул и выдал результат, — 872 человека. Теперь дальше. Школу закончили 63. Двое поступили в институт. Пятеро уехали в Череповец на комбинат. Все прочие остались в колхозе и уже приступили к работе. Итак, что мы имеем в этом году с трудоспособным населением?

— Прирост на двадцать девять человек, — тут же ответил я. Капитан посмотрел недоверчиво, потом опять пощелкал на счетах, потом посмотрел с уважением. И еще раз потрогал околышек фуражки.

— Правильно. То есть посчитали вы правильно. А на самом деле ничего подобного. Давайте смотреть. Бригада Андреевой на третьей молочной ферме. 11 человек. Но из них восемь окончательные алкоголички, с них работы как с одной, ну, от силы с двух нормальных доярок. Плюс к этому и Лавренева тоже с ними попить начала, если ничего не сделать, к концу года такая же будет, а что сделаешь? Комиссия у нас всюю работает, сколько раз вызывали, да без толку, их лечить надо, а добровольно они не пойдут, да и пошли бы, областное наркологическое отделение забито, в ЛТП путевок мало, в женские-то и совсем нет, и что-то не видел я, чтобы после этих ЛТП кто исправлялся особенно... Это я все про баб говорю, а что с мужиками делать? Трактора переворачивают, пьяные под гусеницами засыпают, гибнут, технику гребят... Вот вам и 926 работающих. — Капитан как-то совсем по-бабьи махнул рукой. — Спиивается народ, кровью плакать хочется, как спиивается! И никакого тут прироста, один убыток сплошной, вчера еще вот эти самые по земле, как люди ходили, а я уже вижу, как завтра их не станет, как будут мне из сельсовета ночью

звонить: опять Гришка буянит, а что мне с этим Гришкой, сажать его, исправит его тюрьма? Вон, Хватов, три раза отсидел, и чем кончилось? Эх, скорее бы новый начальник приехал. Хотя что толку, — капитан подвинул ко мне кипу папок. — Ладно, извините, вы-то тут не при чем. Я знаю, мне говорили, у вас чистая наука. Считайте. Мешать не хочу, пойду. Считайте свой прирост. Может, и, действительно, что толковое высчитаете.

Я проработал до обеда. Потом с тяжелой душой пошел на неизбежную встречу с пельменями. Посмотрел на мерцающие за спиной заведующей бутылки, но пить шампанское за каждым обедом, даже такое, даже исключительно в целях сдобривания плохо проваренного теста, посчитал излишним. Потому настроение в момент начала поглощения пищи имел посредственное. И искренне обрадовался, когда в дверях появилась Люба и принялась, чуть прищурившись, (видимо, она была близорука, но стеснялась носить очки, и я не смог не подумать, что в этом есть свой резон, в очках казалась бы уж совсем страшна) оглядывать зал. Я привстал и начал делать знаки руками,

изображая нечто приглашающее. Она кивнула и исчезла за перегородкой. Вскоре появилась оттуда со стандартным набором на подносе и направилась ко мне:

— А я на самом деле ко всему и вас искала.

— К чему ко всему?

— Ну, к тому, что еще и пообедать хотела. Понимаете, завтра у Веры день рождения, и она вас приглашает. Звонила специально сегодня с утра мне на работу. Как у вас со временем, можете пойти?

— С удовольствием. Только меня пугает слово «пойти», у меня, знаете, обувь не очень приспособленная... А много гостей будет?

— Это ничего, Федя подбросит, вам предисполкома ни в чем не откажет, вы почему-то очень ему понравились. А гостей только мы с вами, если вы, конечно, согласитесь. Просто посидим, чаю попьем, ненадолго...

— Я ведь уже оказал, что с удовольствием, но почему такое избранное общество, у нее столько подруг, и на обеде после конкурса я заметил, к ней так относятся...

— Нет у нее подруг, кроме меня. Не успела пока завести. А может, и вовсе не заведет. На

обеде это так, и на ферме тоже к ней, действительно, девочки хорошо относятся, да и она... Никакой работы не бежит, всегда на подмену выйти готова. Но чтобы подруга... Да и новенькая она тут совсем, за свою еще пока, конечно, не держат. А мы с ней, знаете, как-то сразу сошлись. Нет, вы только не подумайте, что она отделяется, будто городская, она очень простая девчонка и держится... ну, не высовывается, как у нас говорят, только все не просто. Все же она и есть городская, ей здесь еще многое непонятно. Но она старается, она сама хочет... Я, наверное, путано?

— Да нет, все в общем-то понятно. А что у нее там, в Донецке случилось, что так далеко занесло, или это, может, нескромный вопрос? Родители живы?

— Почему, ничего нескромного. И ничего не случилось. Насколько я знаю. Нет, точно ничего. И родители живы, и отец, и мать там работают, и братья есть. Хотя история, конечно, некоторая тут была, только самая простая. Приезжали к нам в прошлом году журналисты с центрального радио, в Волок, как в самое передовое хозяйство, то есть, вы сами знаете, оно

у нас не просто самое, а единственное хоть рентабельное. И делали беседу с Языковым, прежним еще, Семеном Ивановичем. И тот сказал, что кто из молодых приедет к нам в колхоз работать, даже без специальности, даст сразу отдельную комнату в общежитии, а потом за год-два поможет обзавестись собственным жильем. Ну и передали на всю страну. Дней через десять приходит от Веры письмо, требует письменного подтверждения. Он еще, помню, смеялся тогда много, ну, говорит, и практичная молодежь нынче пошла, никак на слово верить не желает. Но подтверждение послал. Хотя тогда многие после этой передачи писали, но приехала одна Вера. Пыль, говорит, угольная надоела, хочу ближе к природе. А она ведь в техникуме училась, после первого курса все бросила и приехала. Ей и в конторе сразу работу предлагали, а она только на ферму — и никаких... Вера — очень добрый человек, хороший, — неожиданно закончила Люба другим тоном, чуть не просящим, и вдруг стала какая-то колючая, официально строгая. — Ну, приятного вам аппетита, я пошла, у меня время перерыва кончается, а сейчас с этим строго. Так как мы на завтра договоримся,

вы за мной к концу рабочего дня зайдете, что ли, а то не знаю, где вас ловить?..

И рассталась со мной совершенно непонятно почему чуть не враждебно. Но я не стал особенно мучить себя психологическими изысканиями, мало ли по каким причинам у женщины может испортиться настроение. Мне еще сегодня предстояла встреча в районном управлении культуры.

Товарищ Кулешова, иначе ее не называли, и она сама так мне представилась, и я не стал ломать местные традиции, была высокой сухопарой дамой, настроенной по отношению ко мне да, по-моему, и ко всему миру крайне скептически. Фраза «ну и что?» была просто написана у нее на физиономии.

— Вы думаете, какими-то подсчетами можно хоть что-то выяснить? Ну, ну... Да я, собственно, не против, вот, пожалуйста, данные готовы, только вы их и в области могли получить, что затрудняться... Ах, собственными глазами? Оно, конечно. Но можете не сомневаться, все верно, а смысла-то? Анализировать надо то, что можно хоть как-то исправить, тут же... Да хоть, давайте, любую графу посмотрим. По

штату 146 клубных работников. Уже начнем с того, что те, кто этот штат составляли и утверждали, никогда здесь не были, довольствовались теми общими цифрами, вот такими, которыми специалисты, типа вас, оперируют и никак не могут знать, сколько нам, действительно, надо. Но это даже оставим, давайте, дальше. На начало года в наличие имелось 119 человек. Из них 81 со специальным образованием. Хоть каким-то. С тех пор 12 уволилось, и именно образованных,.. Считаете, отрицательный факт, плохие люди испугались трудностей, сбежали с переднего края борьбы за культуру?

— Ничего не считаю, — не выдержал я, — меня действительно только объективная информация интересует, я никаких оценок давать не намерен.

— А в этом-то как раз самая объективная картина и есть. Прохоров Анатолий Иванович, 24 года, женат, имеет двоих детей, закончил музыкальное училище по классу русских народных инструментов. Жена Прохорова — Татьяна Александровна, 23 года, закончила культпросветучилище, местная, здесь в Марьино у родителей огромный прекрасный дом, молодая

семья приехала работать по специальности, и даже жильем обеспечивать не надо. Идеальный случай? Только вот у меня на столе заявления об уходе от обоих. Уезжают. И знаете, что я вам скажу? Правильно делают. Они три года боролись. Не за поднятие культуры. За то, чтобы председатель ихний сто листов шиферу на крышу дал, а то клуб регулярно в болото превращается. И тот не дал. Не потому, что плохой человек, мужик он как раз нормальный, но у него нет, у него на собственном доме в крыше дырка. Здесь же не хозяйства, а одна голь перекатная, вот, смотрите еще цифры: 14 клубов стоят законченными, нет ни одного работника. Скажете, безобразия? А на самом деле — и слава богу. Вы бы те клубы своими глазами посмотрели (я еле успел вставить, что затем и приехал, чтобы хоть что-то собственными глазами посмотреть, но на меня не обратили внимания), это же сараи, к которым и подойти страшно. Туда людей направлять только на мучения. Да и какой смысл? Смотрите, отмечено, третье отделение колхоза «Вперед». Только это одно название, там, действительн, и бригада, и ферма есть, но вы бы ту ферму посмотрели... Всего 12 человек

живут, из молодых — один парень, он в этом году в армию уйдет, думаете, вернется? Говорю же, не хозяйства, а голытьба сплошная...

— Ну, хорошо, а в Волоке у Языкова не так уж и беспросветно выходит?

— Языков в особых условиях был. Я покойного имею в виду. И нынешний тоже, в каком-то смысле. Да что там, в каком-то, во всех смыслах. Их с прочими равнять не надо. Волок и дальше в гору пойдет. Но он других не вывезет, оттого, что у нас эдакий передовик имеется, району в целом толк не большой. Только наоборот, лишняя нервотрепка получается.

— Чем такие уж особые условия, земля та же, погода та же, просто, значит, хозяйствовать умел, мнение свое отстаивать умел, а эти качества воспитываются даже в тех, в ком их нет от рождения. И от рождения немало у кого есть, почему же обязательно надо на какие-то исключительные обстоятельства сваливать? А тем более считать не примером, а нервотрепкой?

— Вы человек еще слишком молодой, чтобы понимать, что значит отстаивать собственное мнение в некоторых ситуациях. И при некоторых обстоятельствах. И главное, что значит

иметь возможность отстаивать и оставаться на своем месте. Так что не вам судить. А обвинять в нерадивости всегда проще простого. Только ведь, когда все оказываются нерадивыми, все, вы понимаете, единственное исключение никак в расчет приниматься не может, так вот тут задуматься надо, а не примером передовика попрекать. Ладно, анализируйте, считайте, если еще что потребуется, я отделу кадров скажу, вам помогут. Только, если вы уж сюда забрались, так действительно побывайте на том третьем отделении, что я вам говорила, и посмотрите, смогут ли им ваши расчеты хоть чем помочь. Хотя я и, вправду, от науки далека, не знаю...

Вечером развлечений никаких не предвиделось, и я взял билет в кино. Показывали какой-то очень странный фильм, двухсерийный, цветной, с известным актером в главной роли. Из самых моих любимых. И снят по известному роману то ли латиноамериканского, то ли немецкого автора. И, как выяснилось впоследствии, роман я тоже читал. Странность же в том, что совершенно забыл название фильма, романа, имя автора и даже, как видите, его национальную принадлежность. Не могу припомнить фамилию

актера. Но основное же — нигде впоследствии я не мог ни по стране, ни в столице найти следов этого фильма — ни в афишах, ни в прессе, хотя искал и интересуюсь кинематографом.

Наступил новый день. Я с утра зашел в РОНО, там тоже все подготовлено стараниями моего благодетеля predisполкома, надо было только забрать бумаги, но неожиданно разговорился и даже заговорился со старенькой учительницей, совсем недавно выдвинутой на руководящую должность, явно чувствовавшей себя здесь не в своей тарелке и обрадованной возможностью общения со свежим человеком. Говорили мы долго, но помню только несколько высказываний, хотя в ее устах они больше походили на раздумья:

— Ребята после школы и должны стремиться уехать из своей деревни. И не надо их никакими способами удерживать. И учиться в других местах — пусть учатся, да и просто мир посмотреть. Ну, что мы в пример ставим человека, который пятьдесят лет на одной ферме просидел. Естественное ведь желание человека в молодости — вырваться. Но нужно сделать так, чтобы в конце концов побеждало такое же

естественное желание вернуться домой. Только уже другим, с опытом, знаниями. Чтоб был этот дом домом. Ведь самое обидное не то, что уезжают, а что уезжают самые способные, даже талантливые или пусть хотя бы самые активные, это тоже важнейшее качество. А кто остается? У кого или никаких желаний нет, или непригоден ни к чему. А уехавшие не возвращаются. Это страшно, подумайте, какой тут многими годами отбор происходит. Ведь если и оставаться начнут, то потому, что активных больше нет, — к этому стремиться? Нет, обязательно должен быть дом, когда домой возврата нет — это ужасно. Я вам сейчас один случай расскажу. Ехала недавно в область на автобусе. Сомной рядом мужичок оказался лет сорока. Разговорились, оказался строитель, направляется из Череповца выбивать какие-то материалы. Вышли размяться на промежуточной станции в Святках, он закурил, осматривается, потом вижу, взгляд у него стал странный, подождите, говорит, как-как это место называется, я не расслышал что-то? Святки, отвечаю. Господи, руками всплеснул, да это же наши Святки, а не слышали, тут рядом деревня есть, Костино?

Нет, не слышала, я здесь мелких деревень не знаю, чужой район. Он к водителю побежал, потом к кассиру на станции, всех спрашивает, не слышали, Костино? К пассажирам — товарищи, дорогие, может, кто знает? Все плечами пожимают, да нет тут вроде никакого Костина и не было никогда. Как же, аж кричит, не было, и паспорт вытаскивает, и сует этот свой паспорт всем под нос, смотрите, я же в этой деревне родился, тут записано, Святский район, это же родина моя, я отсюда тридцать лет назад уехал, неужели никто не помнит? Не помнил никто. Хоть и много местных. Что же, спрашиваю, так ты все годы и не был ни разу в своей родной деревне и не вспомнил даже? Погрустнел мой мужичок, нет, говорит, я так поначалу старался забыть ее, такая там жизнь была, что изо всех сил старался. А вот когда пришла пора вспомнить, получилось — и вспоминать нечего. Потому, видать, что не один я такой оказался. Дальше поехали, все уже неожиданно развлечшее нас происшествие и забывать стали, а он все паспорт свой крутил и рассматривал, вроде еще раз хотел удостовериться, ведь была же, была на свете эта самая деревушка!

Старушка мила своей эмоциональностью, открытой и беззащитной доброжелательностью, но при этом некоторые характеристики в ее устах звучали отнюдь без излишней розовой краски, и еще я почему-то подумал, что с дисциплиной в своих классах справлялась она отлично. Заговорили о Волоке.

— В этом главная сила Семы Языкова и заключалась, что он дом чувствовал и чувству этому в других потеряться не давал. Сема... я его так мягко называю — мы почти сверстники, он на пару лет моложе, вместе еще на танцы бегали, я ведь тоже местная. А человеком-то он совсем не мягким был. Но очень... теплым, что ли. Брат его не то, Степан — он холодный. Умнейший мужик, вы знаете, что он кандидат экономических наук? Опытным экспериментальным хозяйством в Подмоскowie руководил, в НИИ всесоюзном работал, вот-вот докторскую защищать собирался. Но все бросил, сюда прикатил дело брата продолжать. До тех пор тоже лет двадцать пять не появлялся. А самое странное, есть такое выражение «крутой человек», так вот Сема гораздо круче брата был. Он во всех этих нынешних психологических нюан-

сов насчет уважения к человеческой личности не очень понимал. И кстати, очень плохо, что не очень, многое мог себе позволить — и оскорбить мог, не обидеть, а именно оскорбить. Но что-то было в нем, за что люди, любящие его, все прощали. Правда, для этого надо полюбить. И это, несмотря ни на что, очень многим давалось. Но не всем...

До конца дня я проработал в политкабинете и уже почти закончил первичную обработку данных. Договорился с Федей, что он заберет сначала Любу с работы, потом они заедут за мной в гостиницу. (Изображал серьезное дело, совсем уж просить казенный транспорт для поездки на вечеринку неудобно, но, по-моему, все всё понимали). И пошел искать подарок. И сразу же понял, что влип.

Сказалось полное незнание местных условий. То есть как раз с двумя первыми непременно атрибутами, шампанским и цветами, в отличие от столицы никаких проблем не вышло. Действительно, марочное «Абрау-Дюрсо» продавалось совершенно свободно во всех магазинах, а первая же старушка, во дворе которой я заметил клумбу, снабдила за полтин-

ник великолепным букетом каких-то местных бледно-розовых созданий. Но что касается остального — мои мечты разбились о скупую реальность провинциального снабжения. Ни о каких приличных духах или вообще какой-то нормальной парфюмерии мечтать было нельзя, и вопросы о хорошем торте или дорогой коробке конфет воспринимались, как оскорбление. И в совершенной безнадежности зайдя в крохотный книжный магазинчик, я обнаружил великолепный альбом по Новгородской живописи. Купил немедленно два, сам тоже не мог такой пропустить, и кинулся в гостиницу принимать соответствующий событию вид. Собственно, особого гардероба с собой я не имел, кожаный пиджак и джинсы хорошей фирмы — тогдашняя униформа еще достаточно молодых, но уже вполне преуспевающих научных работников, служила мне базовой моделью, но вот обычный свитерок я сменил на хранящуюся в чемоданчике специально для подобных экстренных случаев бледно-голубую голландскую сорочку, и вместе с синим однотонным галстуком от «Тревиры» она придавала мне теперь вполне парадный оттенок. Тут как раз подъехала машина. Люба

тоже оказалась в кокетливой белой блузке под пиджаком своего обычного серенького костюмчика. Один Федя привычно промаслен, но ведь он нынче не зван. Тронулись в самом отличном расположении духа.

Только поздравляя Веру и вручая ей подарки, я сообразил, что в своей радости по поводу удачной покупки, может быть, и погорячился, ведь совершенно не знал вкусов женщины, а вдруг ей эти светлые лики северных мадонн абсолютно безразличны, но, впрочем, альбом был принят с радостью и вроде бы искренней. Мы сразу же сели за стол, где все уже готово.

Общежитие представляло собой обычную крупную пятистенку из бруса, только с отдельными четырьмя входами по углам, каждый из которых вел в небольшую прихожую, она же кухонька с общей на две смежные половины печью, а далее очень приличная комната, метров, наверное, не меньше пятнадцати. И все это в полном и единоличном Верином распоряжении, не обманул Языков. В самой комнате один угол занимала узенькая металлическая кровать с пружинной сеткой, я таких, наверное, со времен пионерского лагеря и не видел, а другой —

канцелярский, весь в пятнах стол, списанный, видать, из правления. Вместо шкафа имелся закуток, отгороженный ситцевой занавеской, посреди комнаты красовался великолепный овальный обеденный стол с четырьмя мягкими стульями, как выяснилось впоследствии, — все чешское и очень дорогое, приобретенное Верой на собственные деньги с расчетом на будущее. Стол этот, накрытый кремовой скатертью, был полностью заставлен. Салаты, пирожки, пироги, грибочки, огурчики, селедочка... На краю бутылка водки. Когда рядом стало мое шампанское, совсем получился банкетный вариант.

Мы так мало знакомы, но уже по-настоящему дружны, ах, как же мы были дружны в тот вечер! Выпили по бокалу за здоровье новорожденной, перекусили, потом под грибочки и селедочку уже по рюмочке, и заговорили, заговорили все сразу, весело и свободно, не помню сейчас точно о чем, но тем оказалось много. Так, какие-то отрывки сохранились, Вера о доме рассказывала:

— Мы на окраине жили, у нас там карьер рядом, грохот постоянный, я под этот грохот родилась, не замечала его вовсе, а как первый

раз в деревне оказалась, так чуть не оглохла от тишины, даже опьянела, несколько ночей подряд заснуть не могла — такая тишина. И чистый зеленый цвет тогда впервые увидела, у нас ведь все налетом покрыто, черноватым и блестящим, жирным на ощупь, бывало, моешься, моешься... — тут они посмотрели на меня и обе расхохотались, тему, правда, сменили.

— А я, наверное, в школе не справлюсь, — грустила Люба чуть позже, — я не могу к ним строго. Когда на практике работала, поставила одному четвероклашке двойку, он разревелся, так я посмотрела, посмотрела и вместе с ним в два ручья, пришлось урок прерывать. Бороться с собой надо, знаю, да вот как получится... А уходить из райкома пора, пора...

И ничуть этот день рождения не вышел грустным, от того, что нас всего трое, совсем наоборот, мы бы, наверное, ни в каком другом обществе (я-то уж точно) в данной ситуации не были столь откровенно веселы и непосредственны. Допили шампанское, а к водке больше не притронулись. Не хотелось. Потом Вера достала гитару. Пела она низким, даже чуть с хрипотцой голосом, и шло ей это необыкновенно

но. Вообще надо сказать, что ей шло все. Люба изредка подтягивала и тоже очень здорово, удивительно к месту. Как они пели! И подбор репертуара безошибочный, мои самые любимые: «Черный ворон», «То ни вечер», «Поедем, красotka, кататься»...

Уже совсем поздно сели пить чай. Но никуда не спешили, удивительная неторопливость во всем, казалось, разлита по комнате и придаёт каждому нашему движению уверенность и завершенность. Мы с Верой сидели у письменного стола, поставив чашки на краешек, изредка прихлебывая и рассматривая ее рисунки, а Люба на кровати, подобрав под себя уставшие за день ноги, держала чашку с блюдцем в руках и, изредка мягко улыбаясь, поглядывала на нас. Рисунки эти — тонким фломастером на плотных листах школьного альбома. В основном это — группы людей. Несколько женщин склонились у ручья, стайка детей бежит по полю, алкаши у магазина... Ни в композиции, ни в линии дилетантства не чувствовалось.

— Ну что вы, нигде я толком не училась, это так, баловство все. Правда, гонору у меня в детстве много было. Художественную школу

закончила и возомнила себя художником. Ездила сразу же в Строгановку поступать. Там мне быстро объяснили про мои таланты. Хватило их ровно настолько, чтобы попасть в строительный техникум на архитектурный факультет. Да и то конкурс по рисунку прошла без особого блеска. Но на счастье мне одного курса хватило, чтобы все понять. Тяжелый год, — добавила она тихо.

Люба у себя в углу вздохнула, поправила закрывающий колени край одеяла, поставила рядом пустую чашку прямо на кровать, подниматься всем было лень, да и не хотелось разрушать создавшуюся композицию.

— Все прошу ее мой портрет написать. Меня ведь никто в жизни не рисовал. Интересно... Отговаривается, что не умеет. Разве можно, чтобы человек так здорово рисовал, а портрет не умел? Скажите вы ей...

Я промолчал. В самом деле, не умеет? А там, мало ли почему не хочет. Не всегда имеет смысл рисовать портрет своей подруги. Вера открыла подаренный мною альбом:

— Это ведь в основном из крупных музеев, там на месте мало что сохранилось. Я была

в Новгороде. В храмах больше копии да фотографии. А я бы все назад отвезла и по местам развесила. Икона должна в церкви висеть, они неразделимы. Стали в последнее время слишком много говорить, для оправдания, что ли, хотя почему тут нужно в чем-то оправдываться, что это просто живопись, просто искусство, а это совсем не просто искусство. Это икона. Я бы вот икону, даже самую плохую, не смогла... Пока.

В дальнем углу стола лежала стопка книг, явно библиотечных, с клееными-переклееными корешками и стертыми углами переплетов. Я машинально взял верхнюю, пролистал одним движением. Учебник биологии.

— Буду на тот год в областной сельскохозяйственный поступать. Нет, конечно, на заочный. Дело не в деньгах, родители поддержали бы, они богатые, отец тридцать лет в шахте. Но студенческий общежитский быт уже не для меня, старовата. Вы не улыбайтесь, не улыбайтесь, старовата. Сами-то в моем возрасте, небось, давно закончили? Ну, то-то же. Ну, понятно, не только в этом дело. Тут многое... А знания возьму и на заочном, с третьего курса

ветеринаром работать стану, мне Языков твердо обещал, да ему и деваться некуда, специалистов-то нет. Так что к окончанию окажусь с опытом и стажем. Мне торопиться надо, не девочка. А лет через десять председателем назначат, — усмехнулась, — вы не смотрите, я ведь карьеристка...

Разговор перешел на Языкова, потом на его покойного брата.

— А я Володю хорошо знала, — сказала она вдруг сама, хотя я и не спрашивал, и не сразу сообразил, что это она о Хомутове, никто при мне имени его не называл. — Он у нас на ферме часто в мою смену выходил, навоз вывозил. А больше с трактором боролся, удивительная развалюха ему попалась. Он работал хорошо, когда трезвый. Только редко трезвый. Рассказывать умел здорово. Кажется, какая у человека жизнь, все по тюрьмам да по лагерям, какое уж веселье. А Володя и там веселые истории находил, оказывается, и там жизнь есть. И кое для кого основная. Он все у Языкова новый трактор требовал, а тот не давал. А как напьется, грозить начинает, не даст, мол, председатель новый трактор — убью. И в ту ночь,

рассказывают, так же грозился... Меня не случилось, я в Заозерске задержалась и у Любы ночевать осталась. Если бы я здесь была... Хотя нет, вряд ли что смогла бы сделать...

— А может, Языкову стоило дать ему, ну, трактор этот новый?

— Нет, что вы, как можно. Это совсем несправедливо. У нас, сами знаете, как с тракторами, мужики по десять лет пашут, руки себе в кровь стирают на этих динозаврах, чтобы новый трактор получить, да и то не всем достается. А тут, только пришел после трех лет отсидки — и пожалуйста? Не мог Семен Иванович такого позволить, для него справедливость всегда выше всего. Да и бесполезно это, конченный был Володя...

— Как так, — не понял я, — не бывает совсем конченных людей!

— Это в кино не бывает. И в книжках. А он был. Он, знаете, как Маугли, в лесу вырос. Только страшный тот лес, там добрых пантер не бывает. И ходить по-человечески его уж научить невозможно. Тут не руководитель нужен, а укротитель, только укротитель — должность неколхозная. А трактор — что трактор, новый

трактор он быстренько бы по пьянке угробил, и на старом-то умудрился два раза перевернуться, чудом жив остался. А при этом удивительно чувствительным был, как дети играют, смотреть спокойно не мог, не поверите — плакал. И птиц любил, все больше воробьев самых обыкновенных, прикармливал их. Книг много читал, у них, знаете, оказывается в местах тех, ну, в лагерях, библиотеки есть, и хорошие. Он и здесь пользовался, романы все просил потолще, «Анну Каренину» читал, очень Вронского ругал, нехорошо...

— Так, значит, не совсем Маугли, вон вы сколько в нем человеческого приметили, может, нужно время, чтобы в этом человеческом утвердиться, а звериное забыть, может, доверие лишнее требовалось, уважение, ну, хоть в виде того же трактора? А ему не дали...

— Доверие, уважение... Их обычно заслуживают. А он только требовать мог. А если сразу не дали, так отнять. С ружьем. Нет, Языков прав был, он говорил, что лагеря не подвиг, за который надо особым доверием награждать. Что не люди должны за причиненные ему страдания особое уважение оказывать, а ему еще

перед людьми долго на коленях стоять. Он же не за драку за любимую девушку сидел, вооруженные ограбления, и покалечил там кого-то, вроде на всю жизнь инвалидом человек остался, он сам не рассказывал, но слухи ходили, собутельники его трепались иногда.

За нашей беседой мы не заметили, как Люба тихонько заснула в углу, смешно, по-детски подложив себе ладошку под щеку. Вера встала, заботливо прикрыла подругу краем покрывала, подвинула подушку. Люба не проснулась.

— Устает сильно, здоровье у нее, знаете, не очень. Тяжело живется. Мать три года назад умерла, отец попивать стал, сейчас совсем плохо, редкий день трезвый, инженером в СУ работал, теперь выгнали, еле она его сторожем куда-то пристроила. Стесняется его, она ведь на виду всегда, для района комсомольский секретарь — большой человек, ей отцом-пьяницей многие глаза колют, есть тут... добрые люди. А она жалеет его. И любит. И в сестренках своих души не чает. Весь воз одна везет. Она очень хорошая. И гордая. Я больше двухсот получаю, а тут много не потратишь, одета с головы до ног еще с родительского дома, все не переносить.

Деньги скапливаются. А у нее сестра, большая, о велосипеде давно мечтает, там компания у них, все на велосипедах... Так я предлагала взаймы дать. Отказывается. Люба сама решила собирать, да что она может, ведь еще одеть-обуть надо, на девчонках все горит, а старшей так и помоднее хочется. За полгода еле тридцатку набрала, а у меня не берет. Ей вообще в школу бы надо поскорее, да пока райком не отпускает, там тоже... проблема кадров, не только у нас на ферме.

Пора прощаться. Вера сказала, что оставит Любу у себя до утра, ничего, поместятся, не в первый раз, и проводит меня до околицы, нет, не боится, что заблужусь, просто самой хочется проветриться. Осенние ночи стояли уже довольно холодные, и я вышел на улицу подождать, пока Вера переоденется во что-нибудь потеплее. Окна через дом слабо светились, под ними на завалинке сидел человек. Прогуливаясь, я сделал пару шагов по направлению к нему, и услышал знакомый голос председателя Языкова:

— Садись, парень, покури со мной...

Сел и закурил предложенную им сигарету. Мы молчали. Ночь очень чистая и одинокая,

редкой прозрачности небо, при этом низкое настолько, что казалось, что мы все туда давно закинуты и просто забыли спуститься. Мне разговаривать не хотелось совсем. Ему, видимо, тоже. А вот посидеть рядом, действительно, приятно. Наконец, он докурил, бросил сигарету вместе с обгоревшей спичкой, которую дотол держал в руках, на землю, вырыл каблуком небольшую ямку и все это в ямке аккуратнейше засыпал. Затем встал и, не подавая мне руки, слегка кивнул:

— Прощайте.

— Но мы ведь договаривались на днях...

— Нет, я завтра на несколько дней в область... Извините.

— Ну, тогда все равно до свидания, я, наверное, еще окажусь в ваших краях.

— Может, и окажетесь. Только меня застанете вряд ли... — вдруг резко повернулся ко мне всем телом, сказал с тихой отчаянной злобой, она даже казалась бы неприятной, если бы не была так круто замешана на тоске:

— Уезжать мне отсюда срочно надо. Срочно. Слишком я их всех ненавижу. Слишком. Так нельзя здесь жить. Но ничего с собой поделать

не могу. Как закрою глаза, сразу вижу эту улицу, и как они по домам запираются. Один за другим. И вымирает улица. И этот зверь идет по следам моего брата. А они заперлись и молчат. Ненавижу... Уеду я...

Вышла Вера, поеживаясь, чуть улыбаясь, взяла меня под руку. Мы дошли до околицы. Вот этот путь я помню в подробностях. Каждый его шаг. Хотя ничего и не происходило. Мы даже не сказали друг другу ни слова. Долгий и хороший путь. А в самом конце, когда она подала мне руку в обычной своей манере, я все же не выдержал и, склонившись, тронул концы ее пальцев губами.

Не заметил, как добрался до города. Но в ту же секунду, как вступил под козырек гостиницы, по нему ударила первая капля. Начался дождь. Он, усиливаясь, лил всю ночь, и только под утро перешел в мелкую противную морозящую муть. Под нее очень здорово оказалось спать, и я проспал допоздна, благо сегодня не суббота, и никаких деловых встреч не назначено, а необходимые бумаги я предусмотрительно захватил с собой и весь день вполне мог работать в номере. Около десяти раздался стук в дверь.

Я открыл, на пороге стояла Люба. По пояс в грязи, со стекавшей отовсюду водой, спутанные мокрые волосы залепили лицо.

— Уезжайте отсюда, — сказала она, — немедленно.

Я внимательно посмотрел на нее и решил не вдаваться в подробности. Но, надо признаться, все же несколько растерялся и не смог этого скрыть:

— Как же я, Люба, ведь автобус, говорили, сейчас не ходит, а ближайший катер только в понедельник... И у меня здесь еще много дел...

— Минут через сорок за вами заедет Федя. Я договорилась. Уезжайте немедленно, — еще раз повторила она и, резко повернувшись, ушла быстрым шагом. По полу протянулась идеально прямая полоса грязной воды.

Федя заехал. Я ждал полностью готовым, сложил чемодан, бумаги в отдельную папку, это все вторые экземпляры, и я вполне мог взять их с собой. Ладно, местному руководству потом что-нибудь придумаю в объяснение. Хотя вряд ли потребуется. Завтра меня здесь забудут.

В дороге мы молчали. Я специально сел назад, делая вид, что мне надо прочитать еще

документы, но потом и вид делать перестал, отложил папку на сиденье и тупо смотрел вперед, монотонно подпрыгивая на регулярных ухабах. Мы аж три раза заезжали заправляться, в последний Федя даже вытащил меня из машины и зачем-то попросил держать пистолет, хотя до этого прекрасно справлялся сам. Углядев, что я уже не занят, завел тягомотину в своем обычном стиле, что, мол, бензин нынче дорог, не напаешься, что карбюратор разболтан, что «козел» паршивый жрет горючее тоннами. Я буркал невразумительное в ответ, и он, наконец, замолчал.

К вокзалу подкатили с запасом, на московский поезд я успевал, а качество купе меня сейчас не трогало, хоть в общем вагоне уехал бы, но и в него могло не оказаться билетов, потому, наспех сунув руку Феде, помчался к кассе. Вобщий, действительно, не было, но зато оказались в «СВ», и с радостным глубоким вздохом я положил твердый картонный прямоугольник в нагрудный карман, успокоенно оглядываясь. Но тут же обнаружил, что оставил папку со всеми бумагами на заднем сиденье газика. Выскочил на площадь, к счастью, Федя еще не трогался,

рядом с его машиной стоял какой-то грузовик, и оба шофера мирно беседовали в отгороженном от ветра закутке. Я подошел со стороны брезентового кузова на обрывке фразы, который заставил меня притормозить:

— ...с этим чертовым волосатиком, так его перетак.

Волосы ношу действительно несколько большей длины, чем положено, но не сильно, и не предполагал, что это бросается в глаза, а тем более может вызвать раздражение у нестарого еще человека. Появляться из-за машины на такой фразе мне показалось неудобным, и я решил переждать, совсем не собираясь подслушивать, даже сделал шаг назад. Но брезент совсем не глушил слова и пришлось вытерпеть все остальное.

— Я тебе этот червонец, гадам буду, к концу недели отдам, накалымлю как-нибудь, ты меня знаешь. А то, понимаешь, положение идиотское, в баке ни капли, лимит на квартал еще та поездка съела, а она с ножом к горлу — вези! И сует двадцатник. А у меня самого как назло баба еще в пятницу карманы перетрясла, еле успел червонец заныкать, в носок спрятал.

Всю дорогу ему намекал, даже из машины вытаскивал показать, что за наличные на частной заправке заливаемся. А он, как слепой, тупой черт! Ну не могу ж я с нее деньги брать, я ж знаю, что для нее этот двадцатник. Сейчас приеду, отдам, скажу, он заметил, разорался, я не мог не взять... А тебе к концу недели точно, ты не сомневайся...

ПОРЯДОК

Школу еще не закончил, но уже точно знает, чего хочет. Ходит в кружок при Университете по избранной специальности. Родители наскребают на репетитора только по-английскому, в остальном приходится исходить из собственных возможностей. Выпускные сдает неплохо, но особо не напрягаясь, зато на вступительных выкладывается полностью и набирает максимальные баллы. Первая же курсовая вызывает заинтересованное оживление в кафедральных кругах. Каждый семестр стипендия и без сом-

нений, хотя семья вытянула бы и так. Но деньги нелишние. После первого и второго курсов строительные отряды, тоже заработок и надежная репутация хорошего товарища. С девушками легкие юношеские увлечения, ничего серьезного. Спорт для поддержания формы, без фанатизма. В компании иногда стакан сухого вина или шампанского. После этого возможна сигарета. Несколько раз в год театр или концерт. Кино чаще. Книг не покупает, те, что нужны, стоят слишком дорого, но умело пользуется библиотеками и читает много, независимо от профессиональных интересов. Однако на пятом курсе полное забвение всего постороннего, и в результате — дипломная работа. Ходят глухие разговоры об аспирантуре, однако быстро и конкретно ни во что не выливаются.

Есть возможность остаться в Москве, но места незавидные и без четкой перспективы. Уезжает на другой конец страны с бронированием жилплощади. Три года упорной работы, не самозабвенной, а именно упорной, самозабвение не предполагает улыбки, улыбка же часта на устах. Накопились отпуска. Две недели с родителями, отцу — великолепную волчью шап-

ку, матери — сапожки оленьего меха. Встречи с друзьями, приятно вспомнить студенческие времена. Без излишней впрочем сентиментальности. Месяц на юге. Досрочно снова на работу и еще три года.

Вернулся опытным специалистом. О нем слышали. Так что с устройством проблем нет. В тридцать уже положение и работа, далеко не всегда соответствующие этому возрасту. Есть и сбережения. Очень скромные, но способные удовлетворить самые насущные нужды. Встречается женщина, на пять лет моложе, почти год длится роман, потом свадьба. Можно было и раньше, но умер отец, выдерживали траур. У жены собственная однокомнатная квартира, туда переезжает овдовевшая мать, молодым достается приличная трехкомнатная. Еще через год рождается первый ребенок, через три — второй.

Жена здорова, дети иногда болеют, в допустимых пределах, один за другим идут в школу, хорошо учатся. На работе первое серьезное повышение к тридцати восьми, к сорока пяти — второе, еще серьезнее. Дают участок, не так и далеко, ссуду на строительство, впрочем, и без

нее обошлись бы, домик двухэтажный привозится из Латвии, достали через знакомых, устанавливается легко и быстро. К этому времени уже есть и машина. Дачей не ограничиваются, иногда ездят на курорт.

Круг общения не очень велик, но все хорошие люди и надежные друзья. Покупаются книги со строгим разбором, теперь есть и средства, и возможности. Зрелищные мероприятия несколько реже, чем раньше, впрочем, дома дорогая аппаратура и богатая фонотека. Предпочтение отдается серьезному джазу, хотя не отменяются как классика, так и самые последние веяния. Одежда модная, без излишней яркости, детям в этом отношении делается послабление. Мать — крепкая еще старушка, балует внуков, за что ее порой без особой настойчивости укоряют. Родители жены оба живы, с ними отношения тоже отличные, но не такие близкие — там есть еще дети с массой проблем.

Любит мать, любит жену, хотя любовь эта, конечно, стала иной, чем в первое время, очень любит детей. Со всех сторон пользуется полной взаимностью. Работа дает положение, приносит истинное удовлетворение.

Красивый и гордый человек, с чуть тронутыми сединой висками, целует при встрече руку нравящимся женщинам, при прощании изящно подает пальто, смотрит на мир добрыми, умными глазами и без страха ждет приближающуюся старость. Только иногда, внезапно просыпаясь под утро без всякой причины, начинает испытывать смутное ощущение, что кто-то всю жизнь сильно морочил ему голову, но он гонит это ощущение, как нелепое, и снова засыпает.

СОДЕРЖАНИЕ

Промежуточный отчет	3
---------------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

История одной любви	21
Часы	28
После свадьбы	67
Приглашение	125

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зимние виды спорта

I. Лед	140
Справка	149
Ошибка старшины Васина	157
Станция	235

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Покупки вечером	253
Как будто ранняя зима	266
Отпуск за прошлый год	299
Разговоры	355

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зимние виды спорта

II. Снег	371
Бал при свечах	379
Подруги	403
Порядок	473

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В19

Литературно-художественное издание

Васильев Александр Юрьевич

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Роман

Оригинал-макет *Екатерины Мормуль*
Ответственный редактор *Артём Белевич*

Подписано в печать 11.11.2009.
Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 25,2. Бумага офсетная.

Васильев, А. Ю.

В19 Вечерняя переключка : Роман / Александр Васильев. — М., 2010. — 480 с.
ISBN 978-5-

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-

© Васильев А. Ю., 2010